

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫИ

№ 7.

СЕНТЯБРЬ

1903.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1903.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ВЪ НАРОДНОМЪ СУДѢ ТУРКЕ- СТАНСКАГО КРАЯ.

С. Н. Трегубова.

На обширной территоріи нашего отечества, отъ Вислы до береговъ Великаго океана и отъ сѣверныхъ тундръ до Каспія и Пампра, находятъ себѣ пріютъ подъ сѣнью русскаго закона и мирно развивается множество отдѣльныхъ инородческихъ племенъ съ своеобразною культурою, особымъ укладомъ жизни и отличительными правовыми воззрѣніями. И если, съ одной стороны, великою историческою задачею русской народности является слить съ собою во единое и мощное цѣлое всѣ эти различные племена, поднять ихъ до уровня своей культуры, приобщить къ благамъ, даруемымъ европейскою цивилизаціей, и, смягчивъ ихъ нравы, внести въ ихъ правовую жизнь гуманные взгляды и идеи русскаго законодательства, то, съ другой стороны, въ силу основнаго закона всякаго мирнаго прогресса, не знающаго скачковъ, государство не можетъ игнорировать положеніе этихъ инородцевъ въ настоящее время и, избѣгая коренной ломки, должно считаться съ языкомъ, правами, религіозными воззрѣніями и правовыми обычаями этой меньшей братіи русскаго народа. Отсюда по необходимости и разнообразіе законовъ, какъ опредѣляющихъ публичные права инородцевъ, такъ и нормирующихъ ихъ частную

правовую жизнь, и довольно рѣзкое различіе въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ нашихъ далекихъ окраинъ.

Да и коренное русское населеніе еще такъ недавно получило единый гласный и устный судъ. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ отошли въ вѣчность старые суды съ ихъ письменнымъ процессомъ, и лишь въ концѣ минувшаго столѣтія, медленно, но неуклонно отвоевывая себѣ все большее и большее пространство, Судебные уставы Императора Александра II распространились на всю территорію Европейской и Азіатской Россіи. На скрижали исторіи нашей правовой жизни должно быть занесено не только 20 ноября 1864 года, впервые возвѣстившее великіе принципы Судебныхъ уставовъ, но и 14 мая 1899 года, когда эти принципы были дарованы всѣмъ безъ изъятія общимъ судебнымъ установленіямъ Имперіи.

Одухотворенныя и обновленныя этими принципами, наши общія судебныя мѣста имѣютъ въ настоящее время единый процессуальный кодексъ, но нормы матеріальнаго права представляютъ еще большое разнообразіе. Такъ, въ Привислинскомъ краѣ дѣйствуютъ еще гражданское уложеніе 1825 года, торговый кодексъ, ипотечные уставы; въ Прибалтійскихъ губерніяхъ суды руководствуются особымъ сводомъ мѣстныхъ узаконеній; имѣются свои законы въ Бессарабіи и т. п.

Еще большую пестроту представляетъ собою правовая жизнь тѣхъ окраинъ, гдѣ существуютъ особыя инородческіе суды. Здѣсь уже, что ни шагъ, то новыя и процессуальныя формы и нормы матеріальнаго права; здѣсь властно царствуетъ обычай не только въ гражданскомъ, но и въ уголовномъ правѣ и процессѣ. Кроме того и отношеніе русскаго законодательства къ инородческимъ судамъ не одинаково. Въ иныхъ мѣстахъ законъ довольствуется указаніемъ, что такіе-то туземцы имѣютъ свои особыя суды, рѣшающіе дѣла на основаніи обычаевъ, и лишь перечисляетъ въ общихъ, нерѣдко крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ тѣ дѣла, которыя изъемяются изъ вѣдѣнія инородческихъ судовъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ нормируетъ дѣятельность этихъ судовъ,

устанавливая на ряду съ обычаемъ обязательныя для нихъ правила судебного разбирательства и нормы матеріальнаго права (напр., Полож. объ упр. Турк. кр., Врем. правила о судѣ кочевыхъ инородцевъ Забайкальской области, Полож. объ упр. Степн. областей).

Въ виду указанной выше необходимости считаться съ правовозрѣніями и бытовыми особенностями инородческихъ племенъ, государство, конечно, должно было дать имъ или оставить свои суды, но едва ли представляются достаточныя основанія къ совершенному обособленію этихъ судовъ отъ общихъ судебныхъ установленій Имперіи. Находясь лишь подъ внѣшнимъ контролемъ административной власти и будучи поставлены внѣ всякой связи съ русскимъ судомъ, инородческіе суды изолированы такимъ образомъ отъ вліянія на нихъ русскаго закона и не только не представляются учрежденіями, индифферентными въ дѣлѣ сліянія туземцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, а наоборотъ, поддерживая старыя обычаи отцовъ и дѣдовъ и игнорируя общіе законы, являются весьма серьезнымъ консервативнымъ оплотомъ противъ воспріятія русскихъ нравовъ и обычаевъ. Кромѣ того, такъ какъ правовая жизнь двухъ самостоятельныхъ разрядовъ судебныхъ мѣстъ—общенперскихъ и инородческихъ—протекаетъ и развивается независимо другъ отъ друга, то среди практическихъ дѣятелей, а равно и ученыхъ юристовъ, почти совершенно отсутствуетъ интересъ къ изученію правовыхъ возрѣній и обычаевъ туземцевъ и ихъ судебной практики. А между тѣмъ, это изученіе, быть можетъ, доказало бы, что не у всѣхъ инородческихъ племенъ правовыя понятія согласуются съ интересами русской государственности и что именно эти интересы требуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ самаго дѣятельнаго вмѣшательства русской власти въ отправленіе правосудія инородческимъ судомъ.

Въ этомъ отношеніи для юриста представляется весьма интереснымъ и поучительнымъ положеніе прокурорскаго надзора въ народномъ судѣ Туркестанскаго края и Степныхъ областей.

Отличительною чертою устройства народнаго суда въ

этихъ областяхъ является отступленіе отъ основнаго принципа полной обособленности инородческихъ судовъ отъ общаго судебнаго строя. Народные суды, организованные на основаніи Положенія объ управленіи Туркестанскаго края ¹⁾, подлежатъ контролю прокурорскаго надзора, которому 218-ю статьей этого Положенія предоставлено исключительное и не обусловленное никакими сроками право принесенія протестовъ въ окружные суды на приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности.

Хотя, такимъ образомъ, предѣлы вмѣшательства прокуратуры и окружныхъ судовъ въ отправленіе правосудія судомъ народнымъ строго ограничены и трехлѣтній періодъ дѣятельности въ этомъ направленіи общихъ судебныхъ мѣстъ со времени введенія судебной реформы 14 мая 1899 года представляется недостаточнымъ, чтобы подводить итоги вліянія русскаго суда на туземный, однако рядъ вопросовъ, возникшихъ при принесеніи протестовъ на приговоры и рѣшенія народнаго суда, характерные случаи превышенія этимъ судомъ своей власти, спорные казусы коллизіи общаго закона съ обычноправовыми положеніями, проводимыми народнымъ судомъ, накопили матеріалъ, небезынтересный для юриста воообще и въ частности полезный для лицъ прокурорскаго надзора, которымъ приходится примѣнять 218-ую статью положенія объ управленіи Туркестанскаго края.

Не претендуя на научную разработку даннаго матеріала, мы хотимъ лишь подѣлиться съ нашими читателями впечатлѣніями, вынесенными изъ этой сферы прокурорской дѣятельности, отдать на судъ ихъ установившуюся практику и поднять хотя бы край завѣсы, скрывающей отъ нашихъ взоровъ обширную и любопытную область отправленія правосудія по обычаямъ въ среднеазиатскомъ народномъ судѣ, поскольку эта область была доступна ознакомленію по доходившимъ до прокурорскаго надзора приговорамъ и рѣшеніямъ

¹⁾ Въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской.

въ случаяхъ возникновенія вопроса о превышеніи власти и нарушеніи подсудности.

Но прежде всего, дабы было понятно дальнѣйшее изложеніе, остановимся на организаціи народнаго суда въ Туркестанѣ и характеристикѣ его дѣятельности.

I.

Въ старину, до покоренія Туркестанскаго края, у киргизовъ, жившихъ родовымъ патріархальнымъ бытомъ, судъ и расправу творили по обычаямъ бѣи—старѣйшіе представители рода. У сартовъ казуистичныя правила мусульманской религіи охватывали не только отношенія ихъ къ церкви, обществу и государству, но и подробно регламентировали семейную и личную жизнь каждаго мусульманина и даже его помыслы. Казій былъ въ одно и то же время судьей и духовнымъ лицомъ. Никакихъ инстанцій суда не существовало,—на казія можно было жаловаться только представителю верховной власти—хану или эмиру. Власть казія была громаднa. Кромѣ тѣлесныхъ наказаній плетью, отсѣченія рукъ и ногъ онъ имѣлъ право приговаривать и къ смертной казни. При этомъ неподвижныя и неизмѣнныя постановленія шаріата представляли собою единый кодексъ процессуальнаго и матеріальнаго права; все было имъ предусмотрѣно, вслѣдствіе чего обычное право у сартовъ не могло развиваться и находилось въ зачаточномъ состояніи. Въ такомъ положеніи, какъ и сотни лѣтъ тому назадъ, находился народный судъ осѣдлаго населенія и при завоеваніи Туркестанскаго края русскими войсками.

Первымъ законодательнымъ актомъ, относящимся до устройства Туркестанскаго края, является объявленный въ приказѣ Военнаго Министра 5 іюля 1854 года именной Высочайшій указъ о командующемъ Сыръ-Дарьинской линіей (2-ое Полное собраніе законовъ, томъ XXIX, № 28392). Указомъ этимъ на командующаго линіей возложено, между прочимъ, заведываніе киргизами, и для зачатій по управленію киргизами

назначены состоять при немъ чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, помощникъ его, письмоводитель и переводчикъ. Никакихъ указаній на то, какъ управлять киргизами и какими законоположеніями при этомъ руководствоваться, въ указѣ не имѣется. Изъ того, что киргизы находятся какъ бы въ вѣдѣніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (или вѣрнѣе, подъ наблюденіемъ этого Министерства черезъ спеціальнаго чиновника), слѣдуетъ признать, что внутреннее самоуправленіе киргизъ и ихъ судъ были оставлены безъ измѣненія.

Высочайше утвержденнымъ 27 іюля 1864 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (2-ое Полн. собр. зак. томъ XXXIX, № 41114) киргизы Сыръ-Дарьинской линіи были изъяты изъ вѣдѣнія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и переданы въ вѣдомство главнаго мѣстнаго военнаго начальства Оренбургскаго края, но и въ этомъ законѣ не было сдѣлано какихъ либо указаній относительно внутренней организаціи киргизскаго управленія и суда.

Законодательныя постановленія по сему предмету впервые встрѣчаются во Временномъ положеніи объ управленіи Туркестанскою областью 6 августа 1865 года (2-ое Полн. собр. зак., томъ XL, № 42373). Включивъ въ составъ вновь образуемой области прежнюю Сыръ-Дарьинскую линію и весь край, занятый на югъ отъ рѣки Чу, и подчинивъ эту область особому военному губернатору, Временное положеніе указываетъ, что послѣдній управляетъ областью па общихъ правилахъ, установленныхъ для губернаторовъ, и на основаніи инструкцій командующаго войсками Оренбургскаго края. Губернатору при этомъ предоставляется утверждать въ должностяхъ и смѣщать киргизскихъ родоправителей, биевъ, сартовскихъ аксакаловъ (старшинъ) и казіевъ. Убийства и грабежи подсудны особымъ военно-суднымъ комиссіямъ; всѣ дѣла о барантахъ ¹⁾ „въ качествѣ разбоя“ судятся по полемому

¹⁾ Определеніе понятія баранты—см. нашу замѣтку „Баранта“ въ Юридической Газетѣ за 1902 годъ, въ № 76 и 77. По нашему мнѣнію, баранта представляетъ собою родъ саморасправы—вооруженное нападеніе съ цѣлью отмщенія за обиду

уголовному уставу; остальные же дѣла киргизовъ между собою рассматриваются ихъ народнымъ судомъ біевъ, присуждающимъ виновныхъ къ уплатѣ жуна. Дѣла сартовъ между собою также рѣшаются ихъ народнымъ судомъ, но приговоры послѣдняго по уголовнымъ дѣламъ подлежатъ утвержденію военнаго губернатора, которому предоставляется право ограничивать рѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда они несообразны съ понятіемъ о человѣколюбіи.

Послѣ учрежденія Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату 11 іюля 1867 года въ составѣ Сырь-Дарьинской и Семирѣченской областей Туркестанскаго генералъ-губернаторства былъ составленъ проектъ положенія объ управленіи этими областями, хотя и не получившій законодательнаго утвержденія въ общеустановленномъ порядкѣ, но служившій въ силу распоряженія Туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана единственнымъ руководствомъ для администраціи и фактически примѣнявшійся въ качествѣ закона вплоть до изданія въ 1886 году нынѣ дѣйствующаго Положенія объ управленіи Туркестанскаго края. Проектъ этотъ, сохранивъ какъ кочевымъ, такъ и осѣдлымъ туземцамъ ихъ народный судъ, въ § 181 указываетъ, что судъ у киргизовъ творится по народнымъ обычаямъ выборными судьями—біями, а въ § 214 говоритъ только, что народный судъ у сартовъ есть разборъ дѣлъ выборными судьями, называемыми казіями. Такимъ образомъ проектъ какъ бы подчеркиваетъ наличность обычнаго права у киргизовъ и отсутствіе таковаго у сартовъ. Даруя при этомъ обѣимъ народностямъ совершенно чуждый имъ институтъ выборныхъ судей, проектъ, собственно говоря, тѣмъ самымъ упразднилъ прежнихъ казіевъ и біевъ. Надо думать, что реорганизациія прежняго суда или, точнѣе, его упраздненіе представлялось необходимымъ въ цѣляхъ государственной политики, но едва ли удачнымъ было предоставленіе населенію права избранія судей.

Воспитанные вѣками въ принципахъ восточной деспотіи,

или самовольнаго возвращенія отнятаго имущества, оканчивающееся часто нанесеніемъ ранъ, увѣчий и даже убійствомъ.

туземцы не могли понять благаго значенія этого института. Явились партійныя интриги, приобрѣла самое широкое распространеніе система подкуповъ, и въ результатѣ судъ сталъ ареною для сведенія взаимныхъ личныхъ счетовъ и орудіемъ беззащитной эксплуатаціи населенія ея же избранниками, стремящимися тѣмъ или инымъ путемъ вернуть съ избыткомъ подчасъ весьма солидныя суммы, затраченныя на выборную агитацію.

Далѣе, проектъ положенія установилъ нѣсколько инстанцій народнаго суда. У киргизовъ было создано ихъ три: 1) бій, рѣшающій окончательно дѣла цѣнностью не свыше 100 рублей (5 лошадей, 50 барановъ); 2) волостной съѣздъ биевъ, рѣшающій дѣла на всякую сумму и окончательно до 1000 рублей, и 3) чрезвычайный съѣздъ, созываемый по распоряженію уѣзднаго начальника и являющійся апелляціонною инстанціей для дѣлъ на сумму свыше 1000 рублей и первую и единственною инстанціей для дѣлъ уголовныхъ, при чемъ въ примѣчаніи къ § 198 проекта было оговорено, что уголовными дѣлами у киргизовъ, подлежащими суду народному, считаются убійство и баранта, а такъ какъ изъ вѣдѣнія народнаго суда были изъяты лишь преступленія, совершенныя туземцами противъ русскихъ или совмѣстно съ ними, то вышеизложеннымъ правиломъ подтверждался обычный взглядъ киргизовъ на преступленіе, какъ на гражданское правонарушеніе, влекущее за собой лишь возмѣщеніе убытковъ и уплату потерпѣвшему особаго вознагражденія—куна. Этимъ взглядомъ киргизовъ на преступленіе, вѣроятно, объясняется и то обстоятельство, что въ противоположность народному суду казіевъ проектъ положенія не указываетъ размѣровъ власти биевъ въ наложеніи наказаній за убійство и баранту; наказанія эти состояли только въ денежномъ штрафѣ. Особый порядокъ обжалованія былъ установленъ § 203 проекта для дѣлъ брачныхъ. Сторона, недовольная рѣшеніемъ народнаго суда, могла обращаться съ жалобой къ уѣздному начальнику, который рѣшалъ дѣло своею властью, а въ болѣе важныхъ случаяхъ представлялъ его на усмотрѣніе военнаго губернатора.

Для народнаго суда осѣдлаго населенія (сартовъ) проектъ установилъ лишь двѣ самостоятельныя инстанціи: казія, рѣшающаго окончательно дѣла на сумму до 100 рублей, и съѣздъ казіевъ—для рѣшенія исковыхъ дѣлъ на сумму свыше 100 рублей и для дѣлъ уголовныхъ. Въ примѣчаніи первомъ къ § 232 было указано, что тѣлесныя наказанія, истязанія, отсѣченіе членовъ и смертная казнь, постановлявшіяся прежде рѣшеніями казіевъ, отменяются и взамѣнѣ этихъ наказаній полагается арестъ, штрафы, отдача въ заработки и ссылка въ Сибирь. Согласно съ правилами шаріата, не знающими апелляціоннаго или кассационнаго обжалованія, проектъ предоставляетъ казіямъ и ихъ съѣздамъ постановлять окончательныя рѣшенія, но при этомъ разрѣшаетъ при неудовольствіи обѣихъ сторонъ на рѣшеніе казія обращаться къ русскому суду. Кромѣ того по дѣламъ брачнымъ и семейнымъ, какъ и въ судѣ биевъ, проектъ (§ 235) предоставляетъ сторонамъ право обжалованія рѣшеній казіевъ уѣздному начальнику, который или рѣшаетъ дѣло самъ, или представляетъ его на усмотрѣніе военнаго губернатора.

Эта особая постановка дѣлъ брачныхъ и семейныхъ и предоставление разрѣшенія ихъ административной власти, по ея „усмотрѣнію“, имѣла своимъ основаніемъ стремленіе освободить туземную женщину изъ того рабскаго положенія, въ которомъ она находится, вслѣдствіе взгляда на нее, какъ на имущество, приобретаемое уплатою калыма и переходящее по наследству.

Характерною особенностью проекта положенія является предоставленіе туземцамъ по всѣмъ дѣламъ какъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ, обращаться, по взаимному соглашенію сторонъ, къ русскому суду, при чемъ въ этихъ случаяхъ судъ былъ обязанъ при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ руководствоваться совѣстью, мѣстными обычаями и общими гражданскими законами. Казалось бы, дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи было бы разрѣшеніе переносить дѣла на русскій судъ по желанію одной изъ сторонъ, но ни Положеніе объ упр. Турк. края 1886 года, ни Временныя правила о введеніи судебной реформы въ Туркестанѣ и Степныхъ областяхъ

2 июня 1898 года не только не расширили въ этомъ направленіи юрисдикціи русскаго суда, а наоборотъ сократили ее: изъ сопоставленія 215 ст. Положенія съ пунктомъ б ст. 26 и со статьею 54 Временныхъ правилъ явствуеъ, что въ настоящее время по соглашенію сторонъ могутъ подлежать вѣдомству мировыхъ судей только гражданскія дѣла туземцевъ между собою. На практикѣ взаимное соглашеніе на разборъ дѣла въ томъ или другомъ судѣ представляется трудно достижимымъ, вслѣдствіе чего благое предположеніе закона о расширеніи этимъ путемъ юрисдикціи общихъ судовъ осталось мертвою буквою. По крайней мѣрѣ намъ съ такими случаями взаимнаго соглашенія сторонъ на передачу дѣла въ русскій судъ сталкиваться не приходилось.

Такимъ образомъ проектъ положенія объ управленіи Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областей, коснувшись въ общихъ чертахъ организаціи народнаго суда у кочеваго и осѣдлаго населенія, ввелъ въ этотъ судъ три крупныхъ новшества—выборное начало, сѣзды народныхъ судей и ограниченіе правъ казиевъ въ наложеніи наказаній. Предоставивъ засимъ административной власти право вмѣшательства въ дѣла брачныя и семейныя, проектъ сохранилъ въ неприкосновенности обширную юрисдикцію народнаго суда, изъявъ изъ его вѣдѣнія лишь преступленія, совершенныя туземцами противъ русскихъ или совмѣстно съ ними.

Слѣдующимъ законодательнымъ актомъ, измѣнившимъ организацію народнаго суда и значительно сократившимъ предѣлы его подсудности, было Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края 1886 года, дѣйствующее съ пѣкоторыми поправками и по настоящее время. Къ сожалѣнію, этотъ важный законъ, регламентирующий жизнь обширнаго края, страдаетъ весьма серьезными погрѣшностями. Редакція статей его зачастую неясна; терминологія не выдержала; встрѣчается не мало противорѣчій какъ съ другими статьями того же положенія, такъ и съ общими законами имперіи. Подробное указаніе всѣхъ этихъ недостатковъ положенія и, въ особенности, оцѣнка его постановленій по существу отвлекла бы насъ далеко за предѣлы настоящей работы. Поэтому, для

иллюстраціи мы укажемъ лишь нѣсколько попавшихся на выдержку кодификаціонныхъ промаховъ составителей Положенія. Такъ, на примѣръ, ст. 141, перечисляя уголовныя дѣла, изъятія изъ вѣдѣнія народнаго суда, упоминаетъ о подлогахъ русскихъ документовъ; статья же 143, указывая такія же гражданскія дѣла, называетъ иски, основанные на актахъ, совершенныхъ при участіи русскихъ властей. Равнозначаци ли эти понятія или отличаются другъ отъ друга и чѣмъ,—Положеніе не даетъ отвѣта. Статья 211 уже прямо противорѣчитъ 143 статьѣ, ибо въ ней говорится, что изъяты изъ вѣдѣнія народнаго суда не только дѣла по искамъ, основаннымъ на документахъ, совершенныхъ при участіи русскихъ властей, но и засвидѣтельствованныхъ при ихъ участіи. По 142 статьѣ изъемяются изъ вѣдѣнія народнаго суда преступленія, совершенныя туземцами относительно русскихъ; а по 143 также изъемяются гражданскіе споры и иски между туземцами и лицами, не принадлежащими къ туземному населенію. Какъ понимать это различіе? Для чего въ одной статьѣ понадобилось туземцамъ противопоставлять русскихъ, а въ другой болѣе широко—лицъ, не принадлежащихъ къ туземному населенію? По 219 статьѣ наказанія налагаются въ народномъ судѣ лишь въ случаѣ непримиренія сторонъ, а по 232 народныя судьи кочеваго населенія приступаютъ къ разбирательству дѣлъ не только по жалобамъ частныхъ лицъ, но и по сообщеніямъ волостнаго управителя или уѣзднаго начальника. Кто въ последнемъ случаѣ является стороною, имѣющею право мириться, неизвѣстно. Статья 242 указываетъ, что доставленіе на сѣзды отвѣтчиковъ и свидѣтелей лежитъ на обязанности сельскихъ властей, а объ обвинителяхъ, истцахъ и обвиняемыхъ не упоминаетъ. Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что къ единоличному судѣ никто, а въ сѣздѣ обѣ стороны по уголовному дѣлу и истцы по гражданскому не могутъ быть доставляемы? 252 статья говоритъ, что опекунскими дѣлами осѣдлыхъ туземцевъ завѣдываетъ участковый судья, отъ котораго зависитъ назначеніе опекуновъ къ малолѣтнимъ и ихъ имуществу. Объ опеѣ по другимъ поводамъ и у кочевниковъ вообще Поло-

женіе вовсе не упоминаетъ. Статья 263¹, предоставляя владельцамъ земельныхъ участковъ ходатайствовать о выдѣлѣ ихъ земель и опредѣляя порядокъ разрѣшенія этихъ ходатайствъ, говоритъ, что на выдѣленный участокъ по распоряженію областного правленія выдается данная. Кѣмъ?—Неизвѣстно.

Этихъ примѣровъ вполне достаточно для того, чтобы судить объ удовлетворительности Положенія въ редакціонномъ смыслѣ и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя оно ставитъ на каждомъ шагѣ и судебной практикѣ, и администраціи.

Предпринятый въ настоящее время коренной пересмотръ Положенія объ управленіи Туркестанскаго края является, несомнѣнно, настоятельною необходимостью, и остается только пожелать, чтобы онъ былъ совершенъ возможно скорѣе и чтобы лица, занятыя этою работою, обратили серьезное вниманіе на редакцію статей, а также на точное соблюденіе и ясность терминологіи.

Народному суду въ дѣйствующемъ Положеніи объ управленіи Туркестанскаго края отведена III глава, содержащая въ себѣ 45 статей—съ 210 по 254. Названія казиевъ и биевъ совершенно исчезаютъ изъ текста закона; равнымъ образомъ не упоминается въ немъ о судѣ у сартовъ и у киргизовъ; говорится лишь о народномъ судѣ и народныхъ судьяхъ осѣдлаго и кочеваго населенія, и какъ тому, такъ и другому даются совершенно одинаковыя организація, подсудность и размѣры власти въ опредѣленіи наказаній. Различіе, конечно, имѣется, но въ деталяхъ.

Первою инстанціею для всѣхъ дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, является единоличный народный судья, избираемый населеніемъ на три года изъ туземцевъ, достигшихъ 25 лѣтъ отъ роду и не подвергавшихся наказанію или не состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ за преступленія, позорящія честь и доброе имя и влекущія за собою заключеніе въ тюрьмѣ, исключеніе изъ службы, отрѣшеніе отъ должности или иныя болѣе строгія наказанія. На каждую должность судьи избираются два кандидата, одинъ изъ коихъ утверждается въ должности военнымъ губернаторомъ. У осѣдлаго населенія народ-

ный судья имѣеть опредѣленный территоріальный участокъ, въ составъ котораго нерѣдко входитъ нѣсколько волостей, но во всякомъ случаѣ не менѣе цѣлой волости. У кочевниковъ же на каждую волость избирается не менѣе четырехъ народныхъ судей и не болѣе числа аульныхъ обществъ данной волости; въ предѣлахъ своей волости судьи эти территоріальныхъ участковъ не имѣютъ, и обращеніе къ тому или другому изъ нихъ предоставлено на волю и соглашеніе сторонъ.

Вторую—апелляціонную инстанцію представляетъ сѣздъ народныхъ судей, въ которомъ должно участвовать у кочевниковъ не менѣе трехъ судей данной волости, а у осѣдлаго населенія не менѣе двухъ третей всего числа судей района, образующаго сѣздъ. Особо, внѣ общаго строя инстанцій, стоятъ чрезвычайныя сѣзды, назначаемыя по распоряженію губернатора для рѣшенія, въ качествѣ первой и единственной инстанціи, дѣлъ, въ которыхъ участвуютъ жители разныхъ волостей и уѣздовъ.

Кассационною инстанціей, разсматривающею исключительно протесты лицъ прокурорскаго надзора на приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленныя съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности, является окружный судъ, который въ случаѣ отмѣны приговора или рѣшенія возвращаетъ дѣло съ надлежащими указаніями въ народный судъ для новаго разсмотрѣнія, а при неподсудности дѣла народному суду даетъ ему законное направленіе.

Подсудность народному суду гражданскихъ дѣлъ опредѣляется подвѣдомственностью сторонъ одному и тому же народному суду осѣдлаго или кочеваго населенія и не ограничивается размѣромъ исковыхъ требованій. Изъяты изъ вѣдѣнія народнаго суда лишь гражданскіе споры и иски между туземцами различныхъ народностей, дѣла, основанныя на документахъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей (ст. 142 и 211 Полож. объ упр. Турк. края), и, въ силу 3 пункта III статьи Высочайше утвержденнаго 2 іюня 1898 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о судебной реформѣ въ Туркестанскомъ краѣ, гра-

жданскія дѣла между туземцами одной народности въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ проживаетъ въ предѣлахъ русскихъ поселеній. Съ другой стороны подсудность гражданскихъ дѣлъ народному суду расширяется разрѣшеніемъ лицамъ нетуземнаго происхожденія, а равно и туземцамъ, имѣющимъ различные народные суды, по взаимному соглашенію истца и отвѣтчика, обращаться въ народный судъ.

Подсудность уголовныхъ дѣлъ народному суду ограничивается не только родомъ преступленій, но и принадлежностью обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ къ различнымъ народностямъ, а также мѣстомъ совершенія преступленія. Не подлежатъ его вѣдѣнію дѣла о всѣхъ преступленіяхъ, совершенныхъ туземцами противъ или въ соучастіи лицъ нетуземнаго происхожденія, или въ предѣлахъ русскихъ поселеній, затѣмъ дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ между туземцами различныхъ народностей, имѣющихъ отдѣльные народные суды, и всѣ преступленія должностныхъ лицъ изъ туземцевъ (ст. 142 Пол. объ упр. Турк. края и законъ 2 іюня 1898 года). Далѣе, статья 141 положенія перечисляетъ по раздѣламъ уложенія о наказаніяхъ тѣ преступленія туземцевъ, которыя, при какихъ бы условіяхъ они ни были совершены, изъемяются изъ вѣдѣнія народнаго суда ¹⁾. Перечень этотъ, въ общихъ чертахъ соотвѣтствуя указанному въ 1 п. 1285 ст. уст. гражд. суд. перечисленію преступленій туземцевъ Карсской области и округовъ Батумскаго и Артвин-

¹⁾ По 141 ст. неподсудны народному суду: преступленія противъ вѣры христіанской, государственныя, противъ порядка управленія, по службѣ государственной и общественной, противъ постановленій о повинностяхъ государственныхъ и земскихъ, противъ имущества и доходовъ казны, нарушенія карантиннаго устава, постановленій противъ повальныхъ и заразительныхъ болѣзней противъ правилъ на случай скотскихъ падежей, составленіе шашекъ и пристанодержательство, живые доносы и лжесвидѣтельство по дѣламъ, судимымъ по законамъ Имперіи, укрывательство бѣглыхъ, порча телеграфовъ и дорогъ, преступленія противъ законовъ о состояніяхъ, убійства, нанесеніе ранъ и побоевъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть, изнасилованіе, лишеніе свободы, насильственное завладѣніе чужой недвижимостью и истребленіе граничныхъ межъ и знаковъ, поджогъ и вообще умышленное истребленіе чужаго имущества, разбой, грабелжъ, похищеніе казеннаго имущества и подлоги русскихъ документовъ.

саго, подсудныхъ общеимперскимъ судебнымъ установленіямъ, въ частностяхъ весьма существенно расходится съ нимъ, въ особенности въ преступленіяхъ личныхъ и имущественныхъ. Кромѣ того отсутствіе въ 141 ст. положенія прямыхъ ссылокъ на статьи закона и употребленіе не вполне точныхъ юридическихъ терминовъ создаетъ иногда на практикѣ затрудненія въ правильномъ разрѣшеніи вопроса о подсудности даннаго преступленія русскому или народному суду.

Такова организація и предѣлы вѣдомства народныхъ судовъ Туркестанскаго края и Степныхъ областей.

Надзоръ административной власти за ихъ дѣятельностью, по мѣстному Положенію, весьма ограниченъ и сводится, главнымъ образомъ, къ присутствію волостнаго управителя на обыкновенномъ сѣздѣ и уѣзднаго начальника или замѣняющаго его чиновника на чрезвычайномъ сѣздѣ, исключительно для наблюденія за благочпніемъ въ мѣстѣ собранія сѣзда, къ праву уѣздныхъ начальниковъ не приводитъ въ исполненіе и представляетъ прокурору окружнаго суда приговоры и рѣшенія, постановленные съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности, и къ наблюденію уѣзднаго начальника за веденіемъ книгъ и исполненіемъ приговоровъ. Затѣмъ къ обязанностямъ уѣзднаго начальника относится созваніе сѣздовъ, принятіе у осѣдлыхъ туземцевъ жалобъ на неокончательныя рѣшенія единоличныхъ судей (у кочевниковъ эта обязанность возложена на волостнаго управителя), наложеніе на народныхъ судей денежныхъ взысканій за неявку на сѣзды, назначеніе ихъ въ чрезвычайные сѣзды кочеваго населенія и замѣна наложеннаго народнымъ судомъ денежнаго взысканія въ случаѣ несостоятельности осужденнаго отдачею въ общественныя работы на срокъ до трехъ мѣсяцевъ.

Удаленіе отъ должности народныхъ судей, обнаружившихъ (по выраженію закона 18 ноября 1898 года) „несовмѣстныя съ достоинствомъ судейскаго званія нравственныя свойства“, предоставлено власти генераль-губернатора, который кромѣ того утверждаетъ по соглашенію съ Министромъ Юстиціи таксу вознагражденія народныхъ судей за

совершеніе и свидѣтельствованіе актовъ и документовъ и устанавливаетъ форму актовъ объ отчужденіи земельныхъ участковъ.

За преступленія по службѣ народные судьи предаются суду областными правленіями порядкомъ, установленнымъ для преданія суду должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства.

Это подчиненіе народнаго суда административной власти имѣетъ серьезное значеніе въ опредѣленіи мѣста, которое должно быть отводимо этому суду въ общемъ судебномъ строѣ нашего государства. Неопредѣленное положеніе народныхъ судей, съ одной стороны, какъ носителей судебной власти, съ другой, какъ должностныхъ лицъ, подчиненныхъ въ дисциплинарномъ отношеніи уѣзднымъ начальникамъ и утверждаемыхъ въ должности, а также удаляемыхъ отъ нея административною властью, и отсутствіе прямо соответствующихъ имъ должностныхъ лицъ въ общеимперской служебной іерархіи создало весьма разнообразную практику мѣстныхъ судебныхъ установленій по вопросу о квалификаціи оскорбленій народныхъ судей при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Въ однихъ судахъ въ этихъ случаяхъ примѣнялась 282 статья улож. о нак., въ другихъ—285 и 286; третьи признавали наличность только 31 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд. Окончательно вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ Уголовнымъ кассационнымъ департаментомъ Сената по дѣлу Хатыча-ай Якубовой (рѣшеніе 1901 года № 11).

Возгорѣвшійся по этому дѣлу юридическій споръ такъ рельефно очертилъ положеніе народнаго судьи въ ряду другихъ органовъ государственнаго управленія, и разрѣшеніе этого спора Сенатомъ было настолько удачно, что мы считаемъ себя въ правѣ отклониться отъ своей темы и изложить вкратцѣ это дѣло. Хатыча-ай Якубова за оскорбленіе народнаго судьи въ камерѣ его во время судебного разбирательства была предана суду по 282 ст. улож. о нак. Окружный судъ, разрѣшая это дѣло, нашелъ, что 282 статья непримѣнима въ данномъ случаѣ, потому что народные судьи не имѣютъ камеры присутствія, а разбираютъ дѣла во вся-

комъ помѣщеніи, даже подь открытымъ небомъ, и разборъ ихъ не только не имѣеть той торжественной обстановки, въ которой отправляется русское правосудіе, хотя бы и единоличнымъ судьей, но и вообще не регламентированъ строго закономъ, почему и носить патриархальный характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ окружный судъ не призналъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ защиты о примѣненіи 31 ст. уст. о наказ., такъ какъ послѣдняя предусматриваетъ оскорбленіе полицейскихъ и другихъ стражей, служителей правительственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ сельскаго управленія; ни къ одной изъ перечисленныхъ категорій не можетъ быть отнесенъ народный судья, имѣющій компетенцію почти равную, а въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и большую, чѣмъ мировой судья. Въ виду этого окружный судъ пришелъ къ заключенію, что наиболѣе подходящею къ данному случаю является 286 ст. улож. о нак., предусматривающая согласно разъясненіямъ Сената не только оскорбленія чиновниковъ, но и гминныхъ судей, а также и другихъ представителей власти, хотя бы они и не занимали классныхъ должностей. Въ судебной палатѣ, куда дѣло перешло по протесту прокурорскаго надзора, мнѣнія раздѣлились. Основываясь на разъясненіяхъ V департамента Сената (указъ отъ 22 января 1889 года за № 176 по дѣлу Шербутаева и опредѣленіе 1894 года по дѣлу Кійсыкова), подводившаго оскорбленіе народныхъ судей во время судебного разбирательства подъ 282 ст. улож. о нак., большинство согласилось съ протестомъ, и соотвѣтственно этому былъ измѣненъ приговоръ суда. Одинъ же изъ членовъ палаты въ особомъ мнѣніи высказалъ, что „единственнымъ основаніемъ къ признанію оскорбленія народныхъ судей подлежащимъ преслѣдованію по 282 статьѣ выставляется то соображеніе, что народный судья какъ по степени власти, такъ и по организаціи этого суда, ближайшимъ образомъ можетъ быть приравненъ къ мировому судѣ, дѣйствующему на основаніи Судебныхъ уставовъ“. Сравненіе это неправильно прежде всего потому, что мировой судья представляетъ собою всесловный судъ, тогда какъ компетенція народнаго суда ограничивается опредѣленною народ-

ностью туземцевъ средне-азиатскихъ владѣній; засимъ организація этого суда, не стѣсненнаго никакими судопроизводственными началами и нормами закона и творящаго судъ на основаніи неопредѣленныхъ нормъ обычнаго права, ничего общаго не имѣеть съ строгой, закономѣрной организаціей института мировыхъ судей. Кромѣ того такое распространительное толкованіе 282 статьи не оправдывается ни буквальнымъ содержаніемъ этой статьи, ни преподанными Правительствующимъ Сенатомъ по сему вопросу разъясненіями, въ коихъ при примѣненіи этой статьи требуется, чтобы оскорбленіе было нанесено въ камерѣ присутствія, въ виду чего, напр., подъ нее не можетъ быть подведено оскорбленіе судебного слѣдователя; въ рѣшеніи же 1882 г. № 51 Сенатъ указалъ, что при прежнемъ устройствѣ волостнаго суда оскорбленіе волостныхъ судей наказывается по 31 ст. уст. о нак.“ Оскорбленіе реформированнаго волостнаго суда по рѣшенію Общаго собранія 1896 года № 24 подводится подъ дѣйствіе 282 ст. улож. о нак., такъ какъ по закону 12 іюля 1889 года новый волостной судъ приобрѣлъ значеніе дѣйствительнаго судебного установленія и имѣеть свою камеру присутствія. Между тѣмъ, возможно ли въ отношеніи народнаго судьи говорить о „камерѣ присутствія“, въ особенности у кочевниковъ-киргизовъ, гдѣ судья нерѣдко разбираетъ дѣла подъ открытымъ небомъ, на базарѣ, не придерживаясь никакихъ судопроизводственныхъ началъ. При такой обстановкѣ крайне трудно окажется опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ пространство того мѣста, которое должно считаться „камерой“ народнаго судьи. Кромѣ того примѣненіе 282 статьи не соотвѣтствуетъ и положенію народныхъ судей среди другихъ мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ властей. Туземцу покажется страннымъ и непонятнымъ, что оскорбленіе народнаго судьи влечетъ за собою болѣе строгую отвѣтственность, нежели оскорбленіе судебного слѣдователя, товарища прокурора, уѣзднаго начальника и другихъ административныхъ властей, облеченныхъ по отношенію всѣхъ туземцевъ широкою дискреціонною дисциплинарною властью (по 64 ст. пол. объ упр. Турк. края).

Въ виду этихъ соображеній членъ палаты полагалъ болѣе правильнымъ признать оскорбленіе народнаго судьи проступкомъ, предусмотрѣннымъ 31 ст. уст. о нак., налаг. мир. суд.

Правительствующій Сенатъ, рассмотрѣвъ это дѣло, по кассационной жалобѣ осужденной, нашель, что, хотя, присоединя Туркестанскій край къ владѣніямъ Россійской имперіи, законодатель призналъ возможнымъ предоставить народному судѣ обширную компетенцію по разбору дѣлъ между туземцами, но въ этомъ нельзя видѣть актъ особаго довѣрія верховной власти и желаніе дать народному судѣ высокое положеніе, а лишь признаніе необходимости сохранить для покореннаго народа его прежнія учрежденія и возможность руководствоваться своими обычаями. Изложенныя же въ Положеніи объ упр. Турк. края правила, опредѣляющія отношенія народныхъ судей къ административной власти, также показываютъ, что они никоимъ образомъ не могутъ быть приравняемы къ мировымъ судьямъ, пользующимся независимымъ и авторитетнымъ положеніемъ среди другихъ властей; что по условіямъ своего избранія и утвержденія въ должности, а также по отношеніямъ ихъ къ административной власти народные судьи ближе всего могутъ быть приравнены къ волостнымъ старшинамъ и лицамъ, занимающимъ соотвѣтственныя должности, оскорбленія которыхъ при исполненіи служебныхъ обязанностей предусмотрѣны 208 ст. улож. о нак. Примѣненіе же къ данному случаю 282 ст. улож. о нак. не можетъ быть допущено также и потому, что названная статья предусматриваетъ оскорбленіе въ присутственномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ народный судья не имѣетъ по закону такого помѣщенія, которое, по самому наружному его виду, можно было бы назвать камерой или присутственнымъ мѣстомъ.

Нельзя не признать, что проведенная Правительствующимъ Сенатомъ аналогія между оскорбленіями народныхъ судей и оскорбленіями лицъ, соотвѣствующихъ по своей должности волостнымъ старшинамъ, теоретически представляется гораздо болѣе правильной и близкой, чѣмъ съ оскорбленіями, предусмотренными 282, 285 и 286 ст. улож. о нак. или 31 ст.

устава о нак.; въ практическомъ же отношеніи это разъясненіе Сената, признавшее оскорбленіе народныхъ судей преступленіемъ, предусмотрѣннымъ 288 ст. уложенія и, слѣдовательно, подсуднымъ въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ (ст. 53 Врем. правилъ 2 іюня 1898 года и 1260 ст. уст. угол. суд.), освободило и слѣдственную власть и окружные суды отъ значительной и зачастую совершенно бесполезной работы по разбирательству дѣлъ этого рода. Хотя случаи оскорбленія народныхъ судей при исполненіи ими служебныхъ обязанностей и рѣдки въ дѣйствительности, но жалобы на подобныя оскорбленія, наоборотъ, весьма часты, и производство по нимъ предварительныхъ слѣдствій напрасно обременяло бы слѣдователей, и безъ того затрачивающихъ большую часть своего времени и силъ на безплодные слѣдствія по самымъ неосновательнымъ и фантастическимъ жалобамъ туземнаго населенія. Теперь же большинство дѣлъ объ оскорбленіи народныхъ судей будетъ оканчиваться дознаніемъ, а немногія доходящія до мировыхъ судей дѣла, конечно, не будутъ для нихъ тяжелымъ бременемъ; да и несложность мирового разбирательства болѣе соответствуетъ характеру этого преступления и его дѣйствительному значенію. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли серьезно говорить о какой-либо камерѣ присутствія у народныхъ судей, когда они творятъ свой судъ иногда въ такой обстановкѣ:

Среди громаднаго скопленія пестрой туземной толпы въ базарный день въ подгородномъ бойкомъ селеніи на обширной площади стоитъ несмолкаемый шумъ и гамъ. Здѣсь идетъ оживленный торгъ лошадьми, слышится ихъ ржанье и фырканье, тутъ раздается бляеніе пригнанныхъ на продажу и убой барановъ, ревуть верблюды и ишаки; тамъ ссорятся покупатели съ продавцами разложеннаго соблазнительнымъ яркимъ ковромъ мануфактурнаго товара; тащатъ мѣшки съ зерномъ, везутъ арбы съ клеверомъ, громко выкрикиваютъ достоинства своихъ издѣлій продавцы лепешекъ, пельменей и сладостей; кучка календаровъ (нищенствующей мусульманской екты) тянетъ монотонную пѣснь, собирая добротныя подая-

нія; поминутно проносится громкое „пошть“ (берегись). И вотъ тутъ-то въ самой сутолокѣ разсланъ коверъ или кошма (войлокъ изъ верблюжей шерсти), а на немъ возсѣдаетъ народный судья, творя судъ и расправу. Передъ нимъ, почтительно поджавъ подъ себя ноги, истцы и отвѣтчики; кругомъ праздная, любопытная толпа. Нерѣдко разбирательство прерывается поклономъ и обмѣномъ нѣсколькихъ словъ съ проходящимъ знакомымъ. Можно ли опредѣлить, гдѣ здѣсь кончается камера и начинается базаръ? Можно ли примѣнять 287 ст. улож. о нак. къ черезчуръ увлекшимся и разгорячившимся покупателямъ и продавцамъ, обругавшимъ другъ друга за спиною народнаго судьи.

II.

Судопроизводство въ народномъ судѣ также патріархально, какъ и эта картинка обстановки, въ которой творится судъ.

Въ силу 210 ст. Положенія объ упр. Турк. края народные суды разрѣшаютъ подсудныя имъ дѣла на основаніи существующихъ въ каждой части населенія (у осѣдлыхъ и кочевниковъ) обычаевъ, но такъ какъ въ слѣдующихъ статьяхъ Положеніе устанавливаетъ нѣкоторые судопроизводственные правила, то необходимо признать, что обычай хотя и является основнымъ источникомъ, коимъ руководствуются народные суды при разсмотрѣніи подсудныхъ имъ дѣлъ, но лишь постольку, поскольку эти обычаи не противорѣчатъ нормированнымъ самимъ закономъ правиламъ судебного разбирательства въ народномъ судѣ. Эти ограничивающія примѣненіе обычая постановленія закона касаются какъ матеріальнаго, такъ и формальнаго права, и относительно послѣдняго заключаютъ въ себѣ слѣдующія главнѣйшія положенія:

Подсудность гражданскихъ дѣлъ опредѣляется мѣстомъ жительства отвѣтчика, а если ихъ нѣсколько, то мѣстомъ жительства одного изъ нихъ по выбору истца. Подсудность уголовныхъ дѣлъ опредѣляется мѣстомъ совершенія престу-

плениа. Всѣ дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, начинаются у единоличнаго народнаго судьи, рѣшенія котораго признаются окончательными и не подлежатъ обжалованію, если ими присуждается не болѣе 30 рублей и не свыше 7 дней ареста. Неокончательныя рѣшенія могутъ быть обжалованы въ сѣздъ въ двухнедѣльный срокъ со дня объявленія рѣшенія. Совершается народный судъ гласно и публично. Всѣ уголовныя дѣла могутъ быть прекращаемы примиреніемъ сторонъ, и только, если послѣднее не состоится, народный судъ имѣетъ право налагать на виновныхъ денежное взысканіе до 300 рублей и заключать подъ стражу на срокъ не болѣе 1 года и 6 мѣсяцевъ. Въ случаѣ несостоятельности осужденнаго денежное взысканіе замѣняется арестомъ до трехъ мѣсяцевъ или отдачею по распоряженію уѣзднаго начальника въ общественныя работы на тотъ же срокъ.

Письменное производство въ народномъ судѣ сведено до минимума. Утвержденной Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ 1 декабря 1892 года инструкціей народнымъ судьямъ вмѣнено въ обязанность вести двѣ книги—одну для записыванія рѣшеній, другую для свидѣтельствуемыхъ актовъ.

Эти немногія правила разбирательства въ народномъ судѣ, конечно, оставляютъ обширное поле для примѣненія обычаевъ (адата и шаріата), подробное изложеніе которыхъ не входитъ въ программу настоящаго труда, да и представлялось бы поверхностнымъ, а быть можетъ, и ошибочнымъ, ибо для этого необходимо специальное и многолѣтнее изученіе ихъ. Въ основныхъ же чертахъ обычныя нормы процесса въ народномъ судѣ весьма существенно отличаются отъ современнаго европейскаго типа судопроизводства.

Прежде всего, по общему правилу, въ народномъ судѣ кочеваго населенія нѣтъ и намекъ на судебное разбирательство, подобное нашему, въ смыслѣ представленія и оцѣнки доказательствъ. Судья въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ лично вовсе не входитъ въ обсужденіе доказанности фактовъ, должностующихъ лечь въ основаніе его приговора или рѣшенія, а разрѣшаетъ лишь юридическую сторону дѣла.

Вопросы факта устанавливаются присягою или, вѣрнѣе, согласіемъ на присягу сторонъ или представляемыхъ ими присягателей. Изъ цѣлаго ряда ежедневно просматриваемыхъ рѣшеній намъ не пришлось встрѣтить за три послѣднихъ года ни одного, въ которомъ заключалось бы указаніе на дѣйствительно состоявшуюся присягу. Обыкновенно дѣло происходитъ такъ: народный судья, выслушавъ и записавъ въ книгу рѣшеній жалобу истца или обвинителя, вызываетъ стороны на извѣстный день и, если не представлено ими какихъ либо письменныхъ документовъ или послѣдніе являются недостаточнымъ доказательствомъ, то предлагаетъ одной изъ сторонъ принять присягу въ правдивости представленнаго ею объясненія. Сторона заявляетъ, что она согласна принять присягу, такое согласіе считается равносильнымъ самой присягѣ, и дѣло рѣшается въ пользу согласившагося присягнуть; при отказѣ же отъ присяги отказавшійся признается неправымъ и проигрываетъ дѣло. Этотъ простѣйшій случай осложняется весьма часто заявленіемъ другой стороны, что она не желаетъ допустить противника къ присягѣ. Въ этихъ случаяхъ народный судья иногда прямо приступаетъ къ постановленію рѣшенія, указывая въ немъ, что за отказомъ истца или обвинителя допустить противную сторону къ присягѣ дѣло разрѣшается въ пользу послѣдней. Но, какъ при недопускѣ къ присягѣ, такъ и по другимъ основаніямъ, судья часто постановляетъ предоставить принятіе очистительной присяги родственникамъ той или другой стороны, но не ближе извѣстной степени родства, и опредѣляетъ при этомъ срокъ, къ которому долженъ быть представленъ присягатель. Повидимому, въ опредѣленіи близости родства присягателя играетъ роль большая или меньшая степень правдоподобности обвиненія или основательности иска, при чемъ случается, что народный судья назначаетъ присягателя изъ родственниковъ въ 15—18 колѣнѣ. При неявкѣ присягателя или отказѣ его отъ присяги дѣло рѣшается противъ стороны, обязавшейся его представить, а въ случаѣ согласія принять присягу до послѣдней дѣло обыкновенно не доходитъ, и судья постановляетъ рѣшеніе въ пользу стороны, представившей при-

сягателя. Разбирательство гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, въ общемъ одинаковое, различается, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ гражданскихъ дѣлахъ присяга въ большинствѣ случаевъ предоставляется истцу, въ уголовныхъ же обвиняемому. Затѣмъ по гражданскимъ дѣламъ изрѣдка встрѣчаются рѣшенія, основанныя на представленныхъ сторонами документахъ, а въ уголовныхъ за послѣднее время, очевидно подъ вліяніемъ русскаго суда, попадаютъ приговоры, основанные на показаніяхъ свидѣтелей, удостоверяющихъ извѣстные факты, доказывающіе или опровергающіе виновность обвиняемаго. Удостоверенія эти, конечно, касаются простѣйшихъ видовъ доказательствъ,—ограничиваются, такъ называемыми, прямыми уликами, напр., захватомъ обвиняемаго на мѣстѣ преступленія, признаніемъ его, розысканіемъ у него поличнаго и т. п.

Особенно своеобразны бываютъ приговоры по дѣламъ о конокрадствѣ, которое, встаети сказать, развито въ Туркестанскомъ краѣ не меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи, и нерѣдко совершается организованными и многочисленными шайками. Киргизъ, обыкновенно, если не имѣетъ въ виду виновнаго, не заявляетъ властямъ о совершенной у него кражѣ, а отправляется розыскивать свою лошадь. Оповѣдши ее гдѣ-либо на базарѣ или въ городѣ, иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а то и черезъ 2—3 года, онъ предъявляетъ обвиненіе въ кражѣ къ лицу, у котораго ее нашель. Въ случаѣ заявленія послѣдняго, что онъ купилъ эту лошадь у кого-нибудь, народный судья не довольствуется предоставленіемъ ему присяги, а постановляетъ (какъ они называютъ) предварительное рѣшеніе, которымъ обязываетъ обвиняемаго представить въ извѣстный срокъ лицо, продавшее ему лошадь; и такимъ порядкомъ, вызывая всѣхъ ея приобретателей и продавцовъ, народный судья доходитъ до такого, который не можетъ указать или представить продавца лошади, и этотъ послѣдній, не облившій себя приобретатель краденаго, присуждается къ наказанію за кражу.

Характерною особенностью всѣхъ приговоровъ народного суда кочеваго населенія, доказывающею, между прочимъ, что

еще недавно этотъ судъ не различалъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, является обязательное, хотя бы и безъ прямого требованія потерпѣвшаго, присужденіе обвиняемаго къ уплатѣ стоимости похищеннаго и расходовъ по розыску, при чемъ въ эти расходы включается и возмѣщеніе потерпѣвшему „союнчи“, т. е. вознагражденія, уплачиваемаго за „радостное извѣстіе“ тому лицу, которое сообщило, гдѣ находится похищенное или кто совершилъ похищеніе.

Такимъ образомъ, народный судья у кочевниковъ не совершаетъ той логической работы въ оцѣнкѣ доказательствъ, безъ которой, по понятіямъ европейца, немислимо правильное отправленіе правосудія; здѣсь, собственно говоря, нѣтъ мѣста ни свободному внутреннему убѣжденію, ни формальной теоріи доказательствъ. Вся дѣятельность судьи сводится къ опредѣленію, которой изъ сторонъ или ея свидѣтелямъ дать присягу, а затѣмъ на основаніи установленныхъ такимъ способомъ фактовъ судья примѣняетъ матеріальныя нормы общаго права. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ исходъ дѣла долженъ быть случайнымъ, а между тѣмъ люди, хорошо знакомые съ бытомъ туземцевъ и дѣятельностью народнаго суда, удостовѣряютъ, что если судья не заинтересованъ въ томъ или другомъ исходѣ дѣла родствомъ, партійными вліяніями или вслѣдствіе подкупа, то онъ всегда добьется истины и постановитъ справедливое рѣшеніе. Бѣда только въ томъ, что такіе судьи рѣдки.

Въ общихъ чертахъ формы процесса у осѣдлаго населенія (у сартовъ) сходны съ киргизскими, — у нихъ точно такъ же разбирательство уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ не имѣетъ различія и носитъ частно-исковый характеръ; встрѣчаются, хотя и значительно рѣже, рѣшенія, основанныя на присягѣ; но вмѣстѣ съ этимъ судъ осѣдлаго населенія, руководствующійся всеобъемлющими правилами шаріата, знаетъ разбирательство на основаніи свидѣтельскихъ показаній и примѣняетъ подробныя правила своихъ законовѣдовъ о допускѣ свидѣтелей и силѣ ихъ показаній въ зависимости отъ пола, занятій и даже физическихъ качествъ свидѣтеля. Крупное различіе между судомъ осѣдлаго и кочеваго населенія ска-

зывается въ нормахъ матеріальнаго права, а вслѣдствіе этого и въ послѣдней стадіи дѣятельности судьи, когда онъ даетъ установленнымъ присягою фактамъ юридическую оцѣнку. У киргизовъ эта сторона дѣятельности судьи рѣдко вызываетъ споры и возраженія; у сартовъ же зачастую споръ переносится на юридическую почву, — стороны представляютъ судьямъ говорящія въ пользу каждой изъ нихъ, составленные законами, „риваяты“ — выписки изъ толкованій мусульманскими авторитетами правилъ шаріата. Обыкновенно эти выписки даютъ діаметрально противоположныя толкованія, и для правильной оцѣнки ихъ судья долженъ обладать серьезною эрудиціей. Между тѣмъ при выборахъ судьи довѣренныя народонаселенія — пятидесятники рѣдко считаются съ этими качествами своего избранника, а выбираютъ того, кто вліятельнѣе и щедрѣе, кто является представителемъ болѣе многочисленной партіи въ данной волости и истратилъ большую сумму на угощеніе и подарки пятидесятникамъ.

Если сравнить народный судъ въ Туркестанскомъ краѣ съ какими-либо извѣстными среди европейскихъ народовъ формами процесса, то до нѣкоторой степени онъ напоминаетъ намъ древній франко-германскій процессъ, построенный, какъ для уголовныхъ, такъ и для гражданскихъ дѣлъ, по частноисковому типу. Никакого оффиціального розыска и тутъ, и тамъ не существуетъ, доказательства не собираются, обвинитель и обвиняемый называются истцами и отвѣтчиками и пользуются равными правами. Каждое дѣло для своего возникновенія необходимо предполагаетъ частнаго истца, разбирательство происходитъ гласно и публично, и все производство сводится къ спору истца и отвѣтника, которые въ большинствѣ случаевъ сами являются и рѣшителями спора, соглашаясь или отказываясь отъ принятія присяги. Въ отличіе, впрочемъ, отъ древне-европейскихъ формъ процесса народный судъ въ Туркестанскомъ краѣ не знакомъ съ другими видами суда Божія — съ поединкомъ, испытаніемъ водою и желѣзомъ и иными ордалями. Нѣсколько иначе проявляется въ народномъ судѣ и участіе постороннихъ присягателей. Таковыми, какъ нами уже было указано, избираются у кир-

гизовъ родственники сторонъ въ извѣстномъ колѣнѣ, при чемъ иногда ближайшій выборъ присягателя изъ лицъ этой категоріи предоставляется сторонамъ, иногда же народный судья прямо указываетъ присягателя. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ присягатель не обязывается немедленно принять присягу; наоборотъ, ему назначается для этого извѣстный срокъ въ нѣсколько недѣль, изъ чего слѣдуетъ заключить, что присяга не имѣетъ значенія простаго удостовѣренія доброй славы того, за кого она приносится; присягатель въ теченіе даннаго ему срока производитъ свое разслѣдованіе, собираетъ необходимыя свѣдѣнія для того, чтобы убѣдиться въ правотѣ стороны, и затѣмъ сознательно даетъ свое согласіе на присягу или отказывается отъ нея. Послѣдняя по своему значенію всегда подтвердительная, а не обѣщательная, какъ въ нашемъ процессѣ.

Этимъ, быть можетъ, отчасти объясняется полное отсутствіе сознанія у туземцевъ святости и важности присяжнаго обѣщанія показывать правду и массовое лжесвидѣтельство въ русскомъ судѣ. Такая присяга, да и самый допросъ свидѣтели не о виновности или правотѣ обвиняемаго, а объ извѣстныхъ ему обстоятельствахъ дѣла, совершенно чужды правосозрѣніямъ туземцевъ, а потому и непонятны имъ. Первое время по введеніи судебной реформы свидѣтели на вопросъ председательствующаго, что имъ извѣстно по дѣлу, обыкновенно отвѣчали коротко, что такой-то виноватъ или невиноватъ, а болѣе ему ничего неизвѣстно. Теперь же, приравливаясь къ требованіямъ русскаго суда, свидѣтели сплошь и рядомъ вполне сознательно даютъ ложныя показанія, а, будучи уличены, наивно утверждаютъ, что они показывали правду, ибо хотя и не были очевидцами того, о чемъ свидѣтельствовали, но знаютъ или убѣждены, что это было такъ.

За послѣднее время и въ русскомъ судѣ все чаще и чаще повторяются случаи отказа мусульманъ отъ принятія присяги, въ особенности, когда по бывшимъ прецедентамъ они узнали о ненаказуемости такого отказа. Объясняется это тѣмъ, что туземцы вообще неохотно и лишь въ крайнихъ случаяхъ принимаютъ присягу. По ихъ понятіямъ, благочестивый мусуль-

манинъ долженъ быть правдивымъ и заслуживаетъ довѣрія и безъ клятвы именемъ Божиимъ, а потому принесеніе присяги уничижаетъ достоинство дающаго ее и является дѣяніемъ, позорящимъ его въ глазахъ единовѣрцевъ. Очевидно, исходя изъ этого взгляда, народные судьи и не прибѣгаютъ при разрѣшеніи дѣлъ къ присягѣ, а довольствуются только соглашеніемъ принести ее.

Внѣшняя обстановка судебного разбирательства въ народномъ судѣ весьма типична. Хорошо владѣющей мѣстнымъ языкомъ и знающей туземную жизнь Н. Лыкошинъ въ бытовомъ очеркѣ, подъ заглавіемъ „Казіи“, такъ описываетъ разборъ дѣла у народныхъ судей города Ташкента (стр. 42 и слѣд.).

„Камера народнаго судьи (называемая у туземцевъ „махкаме“) всегда находится въ его собственномъ домѣ, гдѣ живетъ и судья съ семействомъ. Наружный дворикъ дома (ташкарі) служить хозяину и для приѣма гостей и для отправленія правосудія. Обыкновенно все помѣщеніе состоитъ изъ двухъ комнатъ. Въ одной помѣщается самъ народный судья и его совѣтники (муфтіи и аалымы), если таковыя случаются на лицо, а въ другой комнатѣ располагаются писцы съ канцеляріей. Мебели ни въ той, ни въ другой половинѣ не полагается, всѣ сидятъ на полу, покрытомъ циновками и коврами. Мѣсто, гдѣ предпочитаетъ сидѣть самъ судья, иногда можно узнать по разостланной тамъ шкурѣ медвѣдя или барсука. Ниши въ стѣнахъ комнаты обыкновенно заняты въ порядкѣ разставленными книгами, имѣющими значеніе для судопроизводства, а передъ судьей лежитъ должностной знакъ съ цѣпью, печать и письменный приборъ. Определенныхъ дней недѣли или часовъ у народныхъ судей для разбора не назначено. Просители начинаютъ собираться съ раннего утра, тотчасъ послѣ утренней молитвы, которая оканчивается зимою около 6 часовъ утра, а лѣтомъ и еще раньше, въ зависимости отъ времени восхода солнца. Съ утра и до вечера судья безотлучно находится въ камерѣ и готовъ къ приѣму просителей, разбору дѣлъ и засвидѣтельствованію актовъ. Только съ наступленіемъ сумерекъ прекращается дневная

дѣятельность судьи..... Просители входятъ въ комнату, гдѣ сидитъ народный судья, поодиночѣ или небольшими группами, если у нѣсколькихъ лицъ одно и то же дѣло. Лѣтомъ окна изъ комнаты на террасу при домѣ остаются открытыми, такъ что желающіе слушать разборъ могутъ присутствовать, не стѣсняя самого судьи съ его совѣтниками и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Произнеся при входѣ въ комнату общепринятое привѣтствіе („ас-салямъ—алеікюмъ“) и получивъ на него отвѣтъ („ва-алеікюм-ас-салямъ“), проситель усаживается ближе къ входной двери. По мусульманскому обычаю почетными мѣстами въ комнатѣ считаются тѣ, которыя расположены противъ входной двери и дальше отъ нея вглубь комнаты, поэтому проситель и занимаетъ подобающее мѣсто, чтобы не заслужить порицанія въ невѣжествѣ. Садится туземецъ передъ народнымъ судьей не такъ, какъ самъ признаетъ для себя удобнѣе, онъ даже не можетъ сѣсть, что называется „по турецки“, поджавъ подъ себя ноги, а долженъ непременно принять позу, установленную для молитвы. Для этого нужно, собственно, встать на колѣни и опустить нижнюю часть туловища на пятки ногъ. Проситель почтительно ждетъ, пока судья предложитъ ему высказать его желаніе, и только тогда, стараясь быть краткимъ и сохраняя почтительность въ голосѣ, излагаетъ свое дѣло. Сами туземцы являются къ народному судѣ въ большинствѣ случаевъ только тогда, когда они обращаются къ нему, какъ къ нотариусу, для засвидѣтельствованія различнаго рода актовъ, или когда пачатое дѣло не вызываетъ никакихъ сомнѣній, несложно само по себѣ. Чуть дѣло поважнѣе и требуетъ извѣстной ловкости и знанія судебныхъ пріемовъ, оно передается для веденія профессиональному повѣренному (вакылъ). Эти лица замѣняютъ въ народномъ судѣ адвокатовъ и приносятъ много вреда.... Если просьба заключается въ желаніи получить какую-либо копію или засвидѣтельствовать документъ, то просители направляютъ въ канцелярію народного судьи, гдѣ привычные къ дѣлу писцы быстро исполняютъ приказаніе судьи, и кліентъ возвращается съ готовой записью или роспиской, которую судья имѣетъ утвердить приложеніемъ своей должност-

ной печати. Если сдѣлка происходитъ между двумя находящимися на лицо кліентами, то они снова садятся и на вопросы судьи опредѣленно выражаютъ свое согласіе на утверженіе состоявшейся сдѣлки. Судья неторопливо надѣваетъ на себя цѣпь со знакомъ, присвоеннымъ его должности, также неторопливо намазываетъ тушью съ мизинца желѣзную печать и, лизнувъ языкомъ то мѣсто документа, гдѣ текстъ заканчивается словами „приложилъ печать“, прикладываетъ печать. Проситель почтительно подходитъ къ судѣ, беретъ изъ рукъ его документъ и, отступая къ двери, а не поворачиваясь спиной, оставляетъ помѣщеніе камеры... По гражданскому или уголовному дѣлу, занеся въ книгу жалобу просителя, судья спрашиваетъ его о подробностяхъ дѣла и выясняетъ, кого именно необходимо вызвать къ разбору. Повѣстки заготавливаются на маленькихъ трехугольныхъ клочкахъ бумаги и передаются для врученія особымъ лицамъ изъ туземцевъ, постоянно находящимся при канцеляріи народнаго судьи. Эти люди больше всего извѣстны подъ общимъ названіемъ „эсауловъ“, и врученіе повѣстокъ составляетъ для нихъ промыселъ, дающій имъ средства къ жизни. Народный судья не платитъ содержанія эсауламъ, но за врученіе каждой повѣстки посланный получаетъ небольшое вознагражденіе въ 10—25 коп. отъ истца. Болѣе расторопные эсаулы иногда ухитряются получать деньги и за неврученіе повѣстокъ. Это случается, если отвѣтчикъ или свидѣтель по дѣлу, въ силу тѣхъ или другихъ соображеній, находитъ необходимымъ уклониться отъ явки по вызову судьи. Въ такомъ случаѣ вызванный платитъ эсаулу за то, чтобы тотъ унесъ повѣстку назадъ и сказалъ, что не могъ пайти вызываемаго, и, разумѣется, платитъ немного болѣе того, что могъ бы получить эсауль за врученіе повѣстки. Въ день разбора, когда явились стороны и свидѣтели, народный судья провѣряетъ, всѣ ли явились, и затѣмъ приступаетъ къ разбирательству. Все производство ведется кратко и также кратко записывается на оборотѣ исковой просьбы. Протоколъ судебного разбирательства носитъ названіе „тазкира“ и содержитъ въ себѣ изложеніе послѣдовательнаго хода преній сторонъ. По окончаніи

разбора всѣ удаляются изъ камеры, а народный судья, посоветовавшись со своими ааялами и муфтіями, диктуетъ писцу рѣшеніе, которое и вписывается въ книгу. Когда рѣшеніе записано, всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ снова зовутъ въ камеру, усаживаютъ перѣдъ народнымъ судьей, и рѣшеніе объявляется присутствующимъ подъ росписку въ книгѣ рѣшеній, съ выдачей желающей сторонѣ копиі рѣшенія“.

Интересно, что обязанность тяжущихся выслушивать рѣшенія сидя считается столь необходимою формальностью, что этимъ пользуются нѣкоторые туземцы, желающіе затянуть дѣло. Передъ самымъ рѣшеніемъ онъ встаетъ и не подчиняется приказанію казія сѣсть. Посадить его силою нельзя; оставаясь же стоять, онъ оказываетъ судѣѣ неуваженіе и выражаетъ этой позою нежеланіе подчиниться рѣшенію. Бывали случаи, что за такое упорство казіи присуждали неповинующихся приказанію сѣсть даже къ тюремному заключенію.

Приблизительно въ такой же обстановкѣ, какъ и у казіевъ города Ташкента, происходитъ судебное разбирательство и у народныхъ судей сельскаго населенія. Лѣтомъ судья большею частью творитъ судъ и расправу на открытомъ воздухѣ у себя во дворѣ, гдѣ посерединѣ обыкновенно имѣется четырехугольное глиняное возвышеніе—„супа“, защищенная отъ палящихъ лучей солнца густою листвою кара-агача или чипара. Нѣкоторые судьи, имѣющіе въ предѣлахъ своихъ участковъ большія селенія съ бойкимъ базаромъ, въ видахъ удобства выѣзжаютъ туда въ базарные дни и разбираютъ дѣла въ домѣ мѣстнаго старшины или другаго почетнаго и богатаго туземца, въ свободной лавкѣ или, какъ мы уже упоминали выше, среди самой базарной сутолоки.

Тотъ же характеръ имѣетъ разборъ дѣлъ и у біевъ, только „махкаме“ замѣняется юртою, и вся процедура проще и менѣе торжественна.

Что касается существа дѣятельности народнаго суда, то слѣдуетъ, къ сожалѣнію, сознаться, что выборный институтъ, введенный еще до Положенія объ упр. Турк. края 1886 г., оказался не по плечу туземному населенію. Казіи, лишеныя духовной власти, и бін,—своего положенія старѣйшинъ въ патриар-

хальной родовой семьѣ кочеваго аула, лишились вмѣстѣ съ тѣмъ и прежняго авторитета. Выборное начало выродилось въ беззастѣнчивую систему подкупа избирателей. До чего простирается цинизмъ подкупа, можно судить по одному дѣлу, дошедшему до разбирательства окружнаго суда, гдѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства фигурировалъ весьма краснорѣчивый документъ, выданный избирателю-пятидесятинику однимъ сартомъ, стремившимся попасть въ народные судьбы. Документомъ этимъ послѣдній обязывался, за подачу пятидесятикомъ голоса въ его пользу, уступить ему все доходы отъ дѣль, которыя будутъ возникать по тремъ сельскимъ обществамъ той волости, куда онъ будетъ избранъ въ судьбы. Такихъ документовъ, разумѣется, выдается не мало, расходуются и крупныя суммы, дѣлаются значительныя подарки, передъ выборами по цѣлымъ недѣлямъ претендентъ держитъ у себя и кормитъ привлеченныхъ на свою сторону пятидесятниковъ и зорко слѣдитъ, чтобы какъ-нибудь противникъ не переманилъ ихъ къ себѣ. А въ результатѣ,—въ народные судьбы стали попадать не достойнѣйшіе и свѣдущіе въ обычномъ правѣ люди, а болѣе ловкіе, имѣющіе за собой вліятельную партію друзей и купленныхъ пятидесятниковъ, иногда даже прямо невѣжественные и неграмотные. Лицепріятіе къ богатымъ и пользующимся вліяніемъ, продажность, мстительное отношеніе къ противной партіи, поощреніе кляузничества,—и все это въ связи съ косностью и рабскимъ подчиненіемъ неподвижнымъ и устарѣлымъ правиламъ шаріата и адата,—вотъ что представляетъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ народный судъ въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ.

Чтобы избѣжать упрека въ голословномъ изображеніи такой мрачной картины, мы позволимъ себѣ привести выдержку изъ протокола засѣданія общаго присутствія Тургайскаго областного правленія, состоявшагося 27 января 1894 года при участіи уѣздныхъ начальниковъ и свѣдущихъ лицъ изъ киргизовъ. Засѣданіе это на основаніи официальныхъ свѣдѣній признало возможнымъ констатировать¹⁾,

¹⁾ Вопросы управленія, хозяйства, суда и народнаго образованія въ Тургайской области²⁾. Изд. 1894 г. стр. 23.

что „избирательная борьба (среди туземцевъ) порождаетъ крайне печальныя явленія. При раздѣленіи на партіи все население находится въ возбужденномъ состояніи; искатели должностей принимаютъ всѣ мѣры къ привлеченію на свою сторону возможно большаго числа голосовъ. Пускаются въ ходъ подкупы, угрозы, обѣщанія должностей, побои, кражи и грабежи. На противниковъ возводятся различныя обвиненія, большею частью вымышленныя; присутственныя мѣста и должностныя лица забрасываются доносами о преступленіяхъ, совершенныхъ въ отдаленнѣйшія времена. Наконецъ, кончились выборы, и одна изъ партій побѣдила. Тогда начинаются притѣсненія противниковъ по выборамъ, которые обыкновенно проигрываютъ всѣ дѣла въ народномъ судѣ и привлекаются къ отвѣтственности по вымышленнымъ искамъ на пополненіе убытковъ, понесенныхъ во время выборовъ стоящею у власти партіей“.

Впрочемъ, надо сказать слово и въ оправданіе туземца. Подъ горячимъ южнымъ небомъ всѣ страсти разгораются сильнѣе, а тутъ еще помогаютъ и лукавые софизмы благочестивыхъ мумль. По свидѣтельству барона Торнау („Особенности мусульманскаго права, СПб. 1892 г. стр. 18, гдѣ сдѣлана ссылка на сочиненіе Халиль Ибне Исхака, переводъ Петерсона, томъ V стр. 126, 128“), подкупъ при избраніи на должность народнаго судьи въ глазахъ туземца находить себѣ оправданіе въ мнѣніи нѣкоторыхъ мусульманъ законовѣдовъ, которые, не отрицая неодобрительности приношенія подарковъ при домогательствѣ должности народнаго судьи достойными ея лицами (а кто же не мнитъ себя достойнымъ), считаютъ это меньшимъ зломъ, чѣмъ оставленіе судебной расправы въ рукахъ чловѣка несвѣдущаго или неблагочестиваго.

Но, какими бы причинами ни вызывалось широкое распространеніе подкуповъ и обусловленная ими продажность народныхъ судей, явленіе это представляется величайшимъ зломъ, съ которымъ трудно мириться и пресѣчь которое, по нашему убѣжденію, возможно только уничтоженіемъ народнаго суда или коренною его реорганизаціей.

При этомъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что общераспространенная точка зрѣнія на туземца нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, какъ на простодушнаго, неразвитаго дикаря, представляется далеко несоотвѣтствующей дѣйствительности. Наоборотъ, хитрость и смѣтливость природнаго ума, выдержка и скрытность характера, упрямая настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли, соединенная съ неразборчивостью средствъ, не знающая пощады мстительность врагу—являются качествами, присущими почти каждому туземцу и особенно развитыми у людей, занимающихъ извѣстное общественное или служебное положеніе. Этими характерными національными чертами надѣлены, конечно, и народные судьи. Иной разъ прямо недоумѣваешь передъ ихъ изобрѣтательностью и изворотливостью. Казалось бы, какое значеніе для достиженія личныхъ неправосудныхъ цѣлей можетъ имѣть установленное 233 ст. Положенія объ упр. Турк. края правило о томъ, что рѣшеніе народнаго судьи, присуждающее не болѣе 30 рублей и не свыше 7 дней ареста, признается окончательнымъ и обжалованію не подлежитъ. Оказывается, что народный судья, желающій изъ корыстныхъ или партійныхъ побужденій принять сторону отвѣтника, пользуется этой статьей и преграждаетъ правому истцу возможность обжаловать рѣшеніе, присуждая въ его пользу по иску въ нѣсколько тысячъ—3 или 5 рублей. Еще большія злоупотребленія создаются на почвѣ закона, имѣющаго своею цѣлью обезпечить заинтересованнымъ лицамъ возможное свободнаго выбора безпристрастнаго судьи и тѣмъ гарантировать справедливое разрѣшеніе дѣла. На основаніи 232 и 222 ст. Положенія объ упр. Турк. края у кочевниковъ избирается не менѣе 4-хъ народныхъ судей на волость, и стороны имѣютъ право обращаться къ любому изъ нихъ по взаимному соглашенію; при отсутствіи же соглашенія дѣло рѣшаетъ судья, указанный истцомъ, при чемъ отвѣтникъ имѣетъ право отвести двухъ судей. Этимъ-то правомъ отвода и пользуются отвѣтники, иногда по указанію самихъ благопріятствующихъ имъ судей, для того, чтобы безъ риска добиться выигрыша дѣла, а именно: предъявивъ въ первой инстанціи отводъ противъ

двухъ своихъ сторонниковъ, отвѣтчикъ тѣмъ самымъ оставляетъ истцу выборъ между остальными двумя судьями. Если предположить, что оба они враждебны отвѣтчику и не поддерживаютъ его, то въ сѣздѣ онъ навѣрное добьется рѣшенія въ свою пользу, такъ какъ большинство (2 отведенныхъ судьи) на его сторонѣ. Постигнувъ эту продѣлку, мы стали бороться противъ нея путемъ протестовъ. Доходившіе до прокурорскаго надзора случаи подобнаго злоупотребленія имѣли своимъ послѣдствіемъ внесеніе протестовъ въ порядкѣ 218 ст. Пол. объ упр. Турк. края на томъ основаніи, что составленіе присутствія сѣзда изъ отведенныхъ стороною судей незаконно и является превышеніемъ власти, влекущимъ отмѣну рѣшенія. Однако, несмотря на согласную съ этимъ взглядомъ практику окружнаго суда, отмѣнявшаго подобныя рѣшенія и разъяснявшаго народнымъ судьямъ допущенную ими неправильность въ составленіи присутствія сѣзда, крпгизы прибѣгаютъ къ этой уловкѣ и по настоящее время.

При такой неудовлетворительности народнаго суда въ Туркестанскомъ крайѣ, по самому существу его дѣятельности, и полномъ отсутствіи права всякаго вмѣшательства въ управленіе подобнаго правосудія со стороны административной власти понятно то серьезное значеніе, какое имѣетъ наблюденіе прокурорскаго надзора, въ силу 218 ст. мѣстнаго Положенія, за нарушеніями народнымъ судомъ подсудности и предѣловъ предоставленной ему власти. Чѣмъ шире проявляется это наблюденіе, тѣмъ внимательнѣе относится прокурорскій надзоръ ко всѣмъ доходящимъ до него жалобамъ частныхъ лицъ и представленіямъ администраціи о неправильныхъ дѣйствіяхъ народнаго суда, тѣмъ чаще путемъ разъясненій со стороны окружныхъ судовъ при отмѣнѣ неправильныхъ рѣшеній вливается въ сознаніе и туземнаго населенія и его судей понятіе правды и справедливости, нелицепріятной и равной для всѣхъ, вносятся въ ихъ правовую жизнь гуманныя начала общеимперскаго законодательства, и укореняется убѣжденіе, что они не представляютъ обособленнаго и самостоятельнаго мусульманскаго міра, а являются составною частью всей Россіи и должны жить одной жизнью съ нею и подчиняться ея основнымъ законамъ.

Поэтому въ видахъ государственной политики и въ интересахъ самого населенія, страдающаго отъ несправедливости и произвола своего народнаго суда, слѣдуетъ признать, что право принесенія прокурорскимъ надзоромъ протестовъ по 218 ст. Положенія должно быть толкуемо въ самомъ широкоемъ смыслѣ, и на основаніи этого общаго положенія слѣдуетъ разрѣшать всѣ сомнительные случаи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

№ 8.

ОКТЯБРЬ

1903.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1903.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОРЪ ВЪ НАРОДНОМЪ СУДѢ ВЪ ТУРКЕ- СТАНСКОМЪ КРАѢ.

С. Н. Трегубова.

(Продолженіе) ¹⁾.

III.

Призванный 14 мая 1899 года къ дѣятельности въ Туркестанскомъ краѣ прокурорскій надзоръ окружныхъ судовъ засталъ уже сложившуюся практику старой областной прокуратуры по вопросамъ о порядкѣ и поводахъ опротестованія приговоровъ и рѣшеній народнаго суда, на основаніи 218 ст. мѣстнаго Положенія. Представители новаго прокурорскаго надзора должны вспомнить добромъ своихъ предшественниковъ, оставившихъ имъ въ наслѣдіе въ этой сферѣ дѣятельности рядъ разработанныхъ положеній, чѣмъ создавалась возможность сразу стать на твердую почву и ориентироваться въ спорныхъ вопросахъ.

Такъ, прежде всего оказался разрѣшеннымъ весьма важнымъ вопросомъ о правѣ лицъ прокурорскаго надзора приносить протесты на рѣшенія народныхъ судовъ помимо представлений уѣздныхъ начальниковъ.

218 ст. Положенія объ упр. Турк. края гласить, что „приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти или по дѣламъ, ему неподсуднымъ, не приводятся въ исполненіе, и о нихъ уѣздный начальникъ

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст. Сентябрь, стр. 103.
Жур. Мин. Юст. Октябрь 1903.

представляет прокурору. Последний вносит протестъ.... Исходя изъ буквального толкованія текста этой статьи и желая поднять въ глазахъ туземнаго населенія престижъ уѣзднаго начальнига предоставленіемъ ему исключительной инициативы отмены рѣшеній народного суда, нѣкоторые представители мѣстной административной власти отрицали за лицами прокурорскаго надзора право приносить протесты по доходившимъ до нихъ жалобамъ частныхъ лицъ ¹⁾. Въ пользу этого взгляда склонился и Семирѣченскій областной судъ въ опредѣленіи своемъ, постановленномъ по протесту областного прокурора на приговоръ народного суда по дѣлу киргиза Бекбалы Маина. Разсмотрѣвъ это опредѣленіе по частному протесту прокурора, Правительствующій Сенатъ, въ указѣ Вѣрненскому окружному суду отъ 30 июня 1899 года, разъяснилъ, что изъ смысла 218 ст. Пол. объ упр. Турк. края нельзя вывести того заключенія, чтобы законодатель имѣлъ намѣреніе ограничить право прокурора опротестовывать неправильные приговоры народного суда, постановленные съ нарушеніемъ предѣловъ вѣдомства или власти, лишь тѣми случаями, которые сдѣлаются ему извѣстными по представленію уѣзднаго начальства; принятіе этого послѣдняго положенія привело бы въ тому послѣдствію, что многіе подобные приговоры народного суда получили бы силу судебного рѣшенія въ виду того, что уѣздный начальникъ, какъ органъ административный, по своей недостаточной опытности въ дѣлахъ судебныхъ, не всегда былъ бы въ состояніи обнаруживать болѣе сложные случаи нарушенія народнымъ судомъ предѣловъ вѣдомства и власти его, между тѣмъ какъ предоставленіе областному прокурору права опротестовывать приговоры народного суда, постановленные съ превышеніемъ власти, независимо отъ того, какимъ путемъ прокурору сдѣлалась извѣстною неправильность приговора, вслѣдствіе ли представленія уѣзднаго начальнига или жалобы участвую-

¹⁾ Во внесенномъ Военнымъ Министерствомъ въ Государственный Совѣтъ въ 1901 году проектѣ измѣненія статей Положенія объ упр. Турк. края, касающаго народного суда, предполагалось прямо ограничить въ этомъ отношеніи права прокурорскаго надзора.

щихъ въ дѣлѣ лицъ, вполне согласно съ цѣлями правосудія, которое не можетъ допустить, чтобы неправильные приговоры вступали въ силу судебного рѣшенія; и что такое пониманіе правъ областного прокурора находить себѣ подтвержденіе и въ правилахъ, установленныхъ 73 ст. учр. суд. мѣсть прежняго устройства (2 ч. XVI т. Св. зак. изд. 1892 г.); на основаніи пунктовъ 14 и 17 сей статьи къ обязанностямъ областного прокурора относится „наблюденіе, чтобы суды не присвоили себѣ не принадлежащей власти и не входили въ дѣла, стояція внѣ ихъ подсудности“, а также „отвращеніе явныхъ по суду утѣсненій, самоуправства и злоупотребленій“. Такое наблюденіе прокурора, безъ сомнѣнія, не можетъ быть стѣсняемо формальными условіями въ родѣ того, которое возбудило разномысліе по настоящему дѣлу. Въ виду изложеннаго Правительствующій Сенатъ призналъ за прокурорскимъ надзоромъ право принесенія протестовъ по 218 ст. мѣстнаго Положенія, помимо представленій уѣздныхъ начальниковъ, по жалобамъ частныхъ лицъ.

Къ этимъ соображеніямъ Сената слѣдуетъ добавить, что осуществляя въ формѣ протестовъ одну изъ своихъ существеннѣйшихъ обязанностей наблюденія за охраненіемъ законовъ, прокурорскій надзоръ по самому характеру этой обязанности можетъ быть стѣсненъ въ правѣ принесенія протеста родомъ дѣлъ, приговоровъ и опредѣленій судебныхъ мѣсть, сроками, свойствомъ нарушеній и т. п., но никоимъ образомъ не такими случайными и внѣшними обстоятельствами, какъ тотъ путь, черезъ посредство котораго до свѣдѣнія прокурорскаго надзора дошло нарушеніе, подлежащее протесту. Постановленіе въ этомъ отношеніи лицъ прокурорскаго надзора въ зависимость отъ усмотрѣнія чиновъ полиціи, обязанныхъ въ своей дѣятельности по судебнымъ дѣламъ руководствоваться указаніями прокурорскаго надзора, не только не соответствовало бы ихъ взаимнымъ отношеніямъ, но и прямо противорѣчило бы самому понятію права прокуратуры на принесеніе протестовъ. Можно вовсе лишить прокурорскій надзоръ права опротестованія приговоровъ и рѣшеній народнаго суда, освободивъ его такимъ образомъ

отъ обязанности наблюденія за законмѣрностью дѣятельности этого суда, и взаимнѣ сего предоставить уѣзднымъ начальникамъ входить непосредственно въ окружные суды съ ходатайствами объ отмѣнѣ неправильныхъ рѣшеній, но нельзя ограничивать право протеста тѣмъ или инымъ способомъ освѣдомленія о незаконности рѣшенія.

Поэтому мы идемъ дальше вышеуказаннаго разъясненія Сената и полагаемъ, что лица прокурорскаго надзора могутъ приносить протесты не только по представленіямъ уѣздныхъ начальниковъ и жалобамъ участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ, но и во всѣхъ рѣшительно случаяхъ, когда освѣдомятся изъ какихъ бы то ни было источниковъ о нарушеніи народнымъ судомъ предѣловъ вѣдомства и власти, хотя бы черезъ посредство анонимнаго доноса, при разсмотрѣніи другаго дѣла, при посѣщеніи тюрьмы и т. п.

На практикѣ въ такомъ объемѣ и осуществляется надзоръ прокуратуры за законностью дѣйствій народного суда, и окружные суды при разсмотрѣніи протестовъ по дѣламъ этого рода не входятъ вовсе, да и не имѣютъ права входить, въ обсужденіе вопроса о томъ, какимъ путемъ прокурорскій надзоръ былъ освѣдомленъ о незаконности рѣшенія народного суда.

Наконецъ, если бы и было введено въ законъ ограниченіе правъ прокурорскаго надзора на принесеніе протестовъ представленіями уѣздныхъ начальниковъ, то такое ограниченіе на практикѣ осталось бы мертвою буквою и свелось къ соблюденію никому ненужной формальности, которая только осложнила бы переписку, ибо прокуроръ, получивъ иными путями свѣдѣнія о незаконномъ рѣшеніи народного суда, всегда можетъ предложить уѣздному начальнику представить ему копию этого рѣшенія для опротестованія, а уѣздный начальникъ подъ угрозою отвѣтственности обязанъ исполнить такое законное требованіе, хотя бы по существу и не сходился во взглядахъ съ прокуроромъ. Престижъ же уѣзднаго начальника среди туземнаго населенія можно и должно поддерживать другими болѣе дѣйствительными средствами, а не стѣсненіемъ необходимаго въ интересахъ государства и част-

ныхъ лицъ надзора прокуратуры за закономѣрностью рѣшеній народного суда.

Признавая, такимъ образомъ, полную самостоятельность прокурорскаго надзора въ примѣненіи своего права принесенія протестовъ по 218 ст. мѣстнаго Положенія. мы должны оговориться, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ протесты вносятся въ окружные суды на основаніи представлений уѣздныхъ начальниковъ и участковыхъ приставовъ. такъ какъ даже и тогда, когда жалобщики прилагаютъ къ своимъ прошеніямъ засвидѣльствованныя копии рѣшеній, представляется часто необходимымъ провѣрить приводимые ими поводы къ протесту, и провѣрка эта производится путемъ собранія надлежащихъ свѣдѣній черезъ уѣздныхъ начальниковъ.

Въ виду категорическаго указанія 228 ст. Положенія объ упр. Турк. края, что приговоры и рѣшенія народного суда, постановленные съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности. „не приводятся въ исполненіе, и о нихъ уѣздный начальникъ представляетъ прокурору“, —одновременно съ такимъ представленіемъ уѣздный начальникъ долженъ пріостановить исполненіе, а прокуроръ. если не найдетъ почему-либо основаній къ внесенію въ окружный судъ протеста, обязанъ поставить объ этомъ въ извѣстность уѣзднаго начальника и сообщить ему, что представленное рѣшеніе должно быть обращено къ исполненію. Конечно, подача частными лицами жалобъ на нарушеніе народнымъ судомъ предѣловъ вѣдомства и власти сама по себѣ не можетъ влечь пріостановленіе исполненія приговора или рѣшенія, но разъ только прокуроръ, усматривая подходящее подъ 218 статью нарушеніе, признаетъ необходимымъ внести протестъ, то въ силу прямого велѣнія этой статьи обязанъ пріостановить исполненіе опротестованнаго приговора или рѣшенія. Поэтому для устраненія возможныхъ недоразумѣній въ нашей практикѣ было установлено, что прокурорскій надзоръ одновременно съ внесеніемъ протеста въ порядкѣ 218 ст. Положенія, по представленіямъ ли уѣздныхъ начальниковъ, по жалобамъ ли частныхъ лицъ. или по другимъ основаніямъ, безразлично, увѣ-

домляетъ о семь подлежащаго уѣзднаго начальника съ указаніемъ, что исполненіе по опротестованному рѣшенію или приговору должно быть пріостановлено.

Поводами къ отмѣнѣ приговоровъ и рѣшеній народнаго суда (безъ различія окончательныхъ или неокончательныхъ), какъ нами уже неоднократно указывалось, являются: 1) нарушеніе подсудности и 2) превышеніе власти.

Здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ, въ какомъ смыслѣ понимать эти термины. Остановимся на первомъ.

Распределеніе судебной власти между судебными мѣстами образуетъ компетенцію или вѣдомство ихъ, а отношеніе между дѣлами и судомъ, въ силу котораго опредѣленные дѣла подлежатъ вѣдомству опредѣленнаго судебного мѣста, составляетъ подвѣдомственность или подсудность дѣла (Фойницкій, Курсъ уголовного судопроизводства, ч. II изд. 1897 г. стр. 91). Въ частности подсудность дѣла извѣстному уголовному суду обусловливается: 1) свойствомъ преступныхъ посягательствъ, опредѣляющихъ предметную подсудность, и 2) совокупностью тѣхъ правилъ, которыми опредѣляется подсудность дѣлъ мѣстному суду. Только черезъ выясненіе по каждому дѣлу предметной и мѣстной подсудности можно установить, который изъ многочисленныхъ судовъ стоитъ къ данному дѣлу въ такихъ законныхъ отношеніяхъ, которыя уполномочиваютъ судъ на принятіе и разрѣшеніе даннаго дѣла (Случевскій, Учебникъ русскаго уголовного судопроизводства изд. 1895 г. стр. 313).

Какую же подсудность подразумѣваетъ 218 ст. Полож. объ упр. Турк. края?

Въ виду мнѣнія нѣкоторыхъ мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей, что здѣсь говорится лишь о предметной подсудности, и только нарушеніе народнымъ судомъ предѣловъ вѣдомства его можетъ быть опротестовано въ порядкѣ 218 ст. Положенія, мы считаемъ необходимымъ изложить соображенія, по которымъ признаемъ такое узкое толкованіе этой статьи не соответствующимъ ни буквѣ, ни духу закона.

Установленный въ интересахъ публичныхъ, институтъ подсудности, какъ предметной, такъ и мѣстной, обязательнъ

для суда. Вся разница лишь въ томъ, что нарушеніе судомъ предѣловъ вѣдомства всегда влечетъ за собой недѣйствительность приговора или рѣшенія, которое въ этомъ случаѣ никогда не входитъ въ силу законнаго судебного рѣшенія (разъясненія общ. собр. 1881 г. № 64, 1880 г. № 7, угол. касс. деп. 1871 г. № 268 и друг.); нарушеніе же мѣстной подсудности имѣетъ условное значеніе, такъ, напр., по гражданскимъ дѣламъ только тогда влечетъ за собой отмѣну рѣшенія, когда сторонами своевременно былъ заявленъ отводъ. Но и въ первомъ, и во второмъ случаѣ (при своевременномъ отводѣ) судъ не только въ правѣ, но и обязанъ уклониться отъ разрѣшенія дѣлъ, ему неподсудныхъ, подъ угрозой кассациіи его рѣшенія съ восстановленіемъ надлежащей подсудности. Кромѣ того, если бы законодатель имѣлъ въ виду предоставить окружнымъ судамъ отмѣну только тѣхъ рѣшеній народнаго суда, которыя постановлены съ нарушеніемъ предѣловъ вѣдомства сего суда, указанныхъ въ статьяхъ 141, 142, 143 и 211 мѣстнаго Положенія, то это было бы подчеркнута указаніемъ именно на нарушеніе предѣловъ вѣдомства; статья же 218 Положенія прямо говоритъ о разрѣшеніи народнымъ судомъ дѣлъ, ему неподсудныхъ, не указывая основаній неподсудности, а, слѣдовательно, подразумѣваетъ какъ предметную, такъ и мѣстную неподсудность. И если выраженіе статей 186 и 793 уст. угол. суд. и 174 и 912 уст. гражд. судопр. „нарушеніе предѣловъ вѣдомства“ не возбуждаетъ сомнѣнія, что здѣсь предусматриваются нарушенія не только предѣловъ вѣдомства въ тѣсномъ смыслѣ, но и подсудности мѣстной, то тѣмъ болѣе такое значеніе должно быть признано за выраженіемъ „дѣла неподсудныя“.

Наконецъ, если принять ограниченительное толкованіе 218 ст. Положенія, то какую же санкцію будетъ имѣть 214 статья, указывающая, что подсудность уголовныхъ дѣлъ определяется въ народномъ судѣ мѣстомъ совершенія преступленія, а гражданскихъ—мѣстомъ жительства отвѣтчика? Оставлять въ силѣ рѣшенія, постановленныя съ нарушеніемъ этихъ правилъ подсудности, значило бы узаконять произволь. При

этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что подобное нарушеніе имѣетъ весьма серьезное практическое значеніе, и отказъ въ восстановленіи нарушенной мѣстной подсудности являлся бы нерѣдко прямымъ отказомъ въ правосудіи, такъ какъ, если нарушеніи предметной подсудности не представляють собою остраго явленія и происходятъ въ большинствѣ случаевъ отъ недостаточнаго знакомства народныхъ судей съ ихъ компетенціей, то нарушенія подсудности мѣстной, т. е. принятіе народнымъ судьей къ своему разбирательству дѣла, подсуднаго по мѣсту совершенія преступленія или жительства отвѣтчика другому народному суду, имѣетъ почти всегда въ своемъ основаніи сознательное злоупотребленіе — желаніе изъ корысти или дружбы разрѣшить дѣло въ пользу неправой стороны.

За трехлѣтіе 1899—1901 года прокурорскимъ надзоромъ Ташкентскаго окружнаго суда было опротестовано 147 приговоровъ и рѣшеній народнаго суда. Изъ нихъ за подсудностью дѣлъ русскому суду было принесено 42 протеста, за нарушеніемъ мѣстной подсудности—21 протестъ и за превышеніемъ власти—84 протеста. Всѣ эти протесты безъ исключенія были признаны окружнымъ судомъ заслуживающимъ уваженія, и опротестованныя рѣшенія народнаго суда были отмѣнены.

IV.

Какъ мы видѣли, подвѣдомственность дѣлъ народному суду прежде всего опредѣляется принадлежностью сторонъ къ извѣстной категоріи лицъ, называемыхъ въ Положеніи объ упр. Турк. края терминомъ „туземцы“. Кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ этимъ терминомъ, Положеніе не указываетъ, но различаетъ осѣдлыхъ туземцевъ и кочевниковъ, далѣе, въ примѣчаніи 1-омъ къ 262 ст., говоритъ, что подъ туземцами, упоминаемыми въ сей статьѣ (т. е. имѣющими право на приобрѣтеніе въ край недвижимости), слѣдуетъ ра-

зумѣть также и евреевъ, водворившихся съ незапамятныхъ времянь въ Туркестанскомъ краѣ, и происходящее отъ нихъ потомство.

Это отсутствіе опредѣленія понятія туземца создало на практикѣ рядъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ различно.

Высказывалось и иногда строго проводилось въ рѣшеніяхъ русскихъ судебныхъ мѣстъ мнѣніе, что подъ туземцами слѣдуетъ разумѣть только 1) сартовъ, имѣющихъ казіевъ, т. е., по выраженію закона, народныхъ судей осѣдлаго населенія, рѣшающихъ дѣла на основаніи шаріата, и 2) кочевыхъ киргизовъ, разбирающихся у біевъ на основаніи обычнаго права—адата. Однако, по справкѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, оказывается, что изъ осѣдлаго населенія не одни сарты имѣютъ своихъ народныхъ судей. Таковыхъ выбираютъ въ своихъ селеніяхъ и дунгане, и таджики, и узбеки. Встрѣчаются судебные районы казіевъ, въ предѣлы которыхъ входятъ кишлаки (селенія) различныхъ народностей. Далѣе, нельзя забывать, что Положеніе объ упр. Турк. края ни въ одной изъ своихъ статей не упоминаетъ о сартахъ или киргизахъ, а говоритъ о туземцахъ осѣдлыхъ и кочевнигахъ, имѣющихъ отдѣльные народные суды (ст. 210), изъ чего слѣдуетъ заключить, что племенному различію законодательная власть не придавала никакого значенія, а основаніемъ къ разграниченію подсудности двухъ категорій народнаго суда признавала только бытовья особенности, истекающія изъ образа жизни туземцевъ. Наконецъ, противъ такого узкаго толкованія понятія туземца говоритъ и *ratio legis*. Считааясь послѣ покоренія края съ правовыми возрѣніями покоренныхъ народностей, не признавая возможнымъ сразу производить кореннаго измѣненія ихъ юридическаго быта, законодатель не только сартамъ и киргизамъ, но всему туземному населенію, т. е. всѣмъ племенамъ, населявшимъ Туркестанъ до его занятія русскими войсками, оставилъ ихъ прежній судъ, введя въ немъ лишь нѣкоторыя частичныя улучшенія и ограничивъ его власть сообразно съ требованіями государственной политики.

Такъ разрѣшенъ этотъ принципиальный вопросъ и IV

департаментомъ Правительствующаго Сената въ его указѣ отъ 3 іюня 1891 года за № 859 по дѣлу Исхаговыхъ.

Сырѣ-Дарьинскимъ областнымъ судомъ было отказано ташкентскимъ жителямъ Магометъ-Омару и Магометъ-Оману Исхаковымъ въ ходатайствѣ о выдачѣ крѣпостнаго свидѣтельства на приобрѣтенный ими по давности владѣнія участокъ земли на томъ основаніи, что отецъ ихъ по происхожденію татаринъ, а слѣдовательно они не могутъ быть признаны туземцами Туркестана. Признавая необходимымъ для правильного разрѣшенія этого дѣла выяснитъ вопросъ о томъ, какія народности и племена входятъ въ составъ туземнаго населенія, Сенатъ потребовалъ по сему вопросу заключенія отъ Военнаго Министра. Послѣдній въ рапортѣ отъ 31 марта 1891 года за № 14237 донесъ, что въ составъ туземнаго населенія въ Туркестанѣ входятъ: сарты, таджики, узбеки, каракалпаки, кипчаки, туркмены, киргизы, кураминцы, татары, таранчи, дунгане, монголо-китайцы, калмыки, индѣйцы, персіане, евреи, арабы, авганцы и цыгане, и что въ частности подъ понятіе туземцевъ изъ мѣстныхъ татаръ подходятъ лишь тѣ, которые водворились въ край съ незапамятныхъ временъ, равно какъ происходящее отъ нихъ потомство. Татары же, поселившіеся въ край въ позднѣйшее время, т. е. по завоеваніи его русскими, туземцами признаны быть не могутъ. Согласившись съ этимъ заключеніемъ и принявъ во вниманіе, что по разъясненію Государственнаго Совѣта въ Высочайше утвержденномъ 23 мая 1889 года мнѣніи (Собр. уз. № 76 ст. 666) подъ туземцами, упомянутыми въ 262 ст. Полож. объ упр. Турк. кр., слѣдуетъ разумѣть также и евреевъ, водворившихся въ край съ незапамятныхъ временъ, и ихъ потомство, Правительствующій Сенатъ призналъ, что по мысли законодателя всѣ мѣстныя народности Туркестанскаго края, исчисленныя въ заключеніи Военнаго Министра и проживавшія тамъ съ незапамятныхъ временъ до присоединенія этого края къ руссійскому государству, признаются туземцами названной окраины Имперіи.

Впрочемъ къ руководству мѣстнымъ административнымъ властямъ было дано и болѣе широкое, но едва ли правиль-

ное, толкованіе понятія туземца. Въ 1887 году Туркестанскій генераль-губернаторъ возбудилъ ходатайство о дополненіи въ законодательномъ порядкѣ мѣстнаго Положенія указаніемъ, на основаніи котораго всѣ брачныя и семейныя дѣла татаръ Туркестанскаго края подлежали бы вѣдѣнію народнаго суда осѣдлаго населенія ¹⁾. Въ отвѣтъ на это ходатайство Главный штабъ въ отзывѣ отъ 18 мая 1888 года за № 25922 разъяснилъ, что „Туркестанское Положеніе не дѣлаетъ различія между аборигенами края и пришлымъ неевропейскимъ элементомъ и подразумѣваетъ подъ выраженіемъ „туземцы“ не только коренныхъ жителей края, но и всѣхъ инородцевъ мусульманъ, проживающихъ въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ, не исключая даже хивинцевъ, бухарцевъ и дунганъ, переселившихся въ его предѣлы и принявшихъ русское подданство по занятіи этого края русскими войсками. Съ другой же стороны семейныя и бракоразводныя дѣла магометанъ по мусульманскому кодексу принадлежать къ дѣламъ гражданскимъ, разрѣшаемымъ по шаріату матеріальнымъ вознагражденіемъ потерпѣвшихъ. Гражданскія же дѣла между туземцами, на основаніи 209 ст. Положенія 1886 г., въ свою очередь подлежатъ вѣдѣнію народнаго суда“. Въ виду этихъ соображеній, раздѣленныхъ также Министерствомъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, было признано излишнимъ вносить вопросъ о подсудности семейныхъ и брачныхъ дѣлъ татаръ народному суду на разсмотрѣніе законодательной власти.

Не касаясь существа возбужденнаго генераль-губернаторомъ ходатайства, на нашъ взглядъ вполне удовлетворительно разрѣшаемаго дѣйствующими узаконеніями въ пользу подсудности этихъ дѣлъ народному суду, но лишь при условіи принадлежности сторонъ къ числу татаръ-туземцевъ, поселившихся въ Туркестанѣ до его покоренія, мы полагаемъ, что такое широкое толкованіе Главнымъ штабомъ термина

¹⁾ Представленіе это шло въ разрѣзъ съ проводимымъ ранѣе началомъ ограниченія власти народнаго суда въ брачныхъ и семейныхъ дѣлахъ всѣхъ туземцевъ (§ 203 и 235 прежняго проекта Положенія).

„туземцы“, объемлющее всѣхъ инородцевъ-мусульманъ, проживающихъ постоянно въ краѣ, хотя и переселившихся туда послѣ его завоеванія, представляется неправильнымъ.

Оставляя народный судъ туземному населенію, проживавшему въ Туркестанѣ въ моментъ его покоренія, законодатель, разумѣется, былъ далекъ отъ мысли подчинять этому несовершенному суду другихъ своихъ подданныхъ, пользующихся общими правами состоянія и, слѣдовательно, подлежащихъ суду по Судебнымъ уставамъ и общимъ уголовнымъ или гражданскимъ законамъ имперіи. Совершенно непонятно, почему татаринъ Казанской губерніи, ведущій въ Туркестанѣ торговлю и потому постоянно проживающій тамъ, становится вслѣдствіе этого туземцемъ, подсуднымъ народному суду. То обстоятельство, что онъ мусульманинъ по религіи, не можетъ имѣть въ этомъ вопросѣ никакого значенія, такъ какъ Положеніе объ упр. Турк. края не вводитъ этого признака въ понятіе туземца и не исключаетъ изъ числа послѣднихъ лицъ немусульманскаго происхожденія, какъ, напр., евреевъ, цыганъ. Неправильно и утвержденіе, что семейныя и брачныя дѣла магометанъ, какъ гражданскія, всегда подлежатъ вѣдѣнію народнаго суда. Они подлежатъ ему, но только при условіи принадлежности истца и отвѣтчика къ народностямъ, имѣющимъ одинъ и тотъ же народный судъ, т. е. если оба они кочевники или осѣдлые; въ противномъ случаѣ, а также если отвѣтчикъ проживаетъ въ предѣлахъ русскаго поселенія, брачныя и семейныя, какъ и всѣ другія гражданскія дѣла, хотя бы и мусульманъ, подлежатъ вѣдѣнію русскаго суда.

Противъ принятаго нами толкованія понятія туземца, намъ приходилось слышать возраженія, что такимъ образомъ мусульманскому суду по шаріату подчинены и туземцы другихъ вѣроисповѣданій, напр., индусы, еврея. Да, подчинены, какъ они были подчинены этому суду до покоренія края русскими. Никакой перемѣны въ этомъ отношеніи въ жизнь этихъ туземцевъ наше законодательство не внесло, ибо не сдѣлало въ указанномъ смыслѣ никакой оговорки; а безъ этой оговорки мы не имѣемъ права распространять на нихъ

привилегію судиться по всѣмъ своимъ дѣламъ въ русскомъ судѣ. Не слѣдуетъ забывать, что они равноправны съ остальными туземцами,—на ряду съ ними участвуютъ въ выборахъ пятидесятниковъ, должностныхъ лицъ туземной администраціи и народныхъ судей, платятъ одинаковые налоги, такъ же освобождены отъ воинской повинности, пользуются тѣми же льготами по приобрѣтенію земель и по своимъ правовымъ воззрѣніямъ близко подходятъ къ тѣмъ мусульманамъ, среди которыхъ живутъ уже цѣлые вѣка. Затѣмъ мы не видимъ основанія, почему народный судъ долженъ непременно отождествляться съ судомъ мусульманскимъ. Положеніе объ упр. Турк. края, игнорируя шаріатъ, предписываетъ народному суду руководствоваться существующими въ населеніи обычаями и вовсе не содержитъ въ себѣ запрета избирать въ народные судьи кромѣ мусульманъ и лицъ другаго вѣроисповѣданія. Въ дѣйствительности народные судьи всегда избираются изъ мусульманъ, такъ какъ послѣдніе въ каждомъ избирательномъ собраніи представляютъ собою подавляющее большинство, но отвлеченно можно представить себѣ случай, когда въ извѣстной общинѣ окажется, напр., больше избирателей изъ евреевъ, и въ народные судьи будетъ избранъ еврей. Ничего противозаконнаго въ такихъ выборахъ не будетъ. Противники наши, желающіе изытія туземцевъ не мусульманскаго вѣроисповѣданія изъ вѣдѣнія народнаго суда, забываютъ, что привилегія судиться въ русскомъ судѣ въ сущности *privilegia odiosa*, такъ какъ рядомъ съ усовершенствованными процессуальными формами къ туземцу, судящемуся въ русскомъ судѣ, примѣняются и болѣе строгія карательныя нормы уложенія о наказаніяхъ. Забываютъ они также и 213 ст. мѣстнаго Положенія, въ силу которой всѣ подданные сосѣднихъ ханствъ, а слѣдовательно и бухарскіе евреи, судятся по правиламъ о подсудности осѣдлыхъ туземцевъ, и только въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ осѣдлаго населенія, подчиняются вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ выводѣ мы приходимъ къ заключенію, что въ смыслѣ подсудности народному суду туземцами слѣдуетъ признавать всѣ племена, населявшія

Туркестанскій край до его присоединенія къ Россіи, безъ различія вѣроисповѣданія.

Народностей Положеніе объ упр. Турк. края знаетъ только двѣ, соответственно ихъ образу жизни, а именно: осѣдлыхъ туземцевъ и кочевниковъ. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои самостоятельныя суды, въ которыхъ и разбирается только по дѣламъ между собою. Дѣла же, уголовныя и гражданскія, между кочевниками и осѣдлыми туземцами подлежатъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, такъ же, какъ и дѣла между туземцами, съ одной стороны, и нетуземнымъ населеніемъ края—съ другой.

Эти основныя правила подсудности хорошо усвоены народными судьями, и протесты прокурорскаго надзора на нарушенія личной подсудности сравнительно рѣдки, хотя и случается, что казіи принимаютъ къ своему разбирательству жалобы осѣдлыхъ сартовъ на кочевниковъ-киргизовъ и при отсутствіи возраженій со стороны послѣднихъ, по незнанію закона, присуждаютъ ихъ къ строгимъ наказаніямъ. Въ нашей практикѣ наблюдались слѣдующіе случаи нарушенія личной подсудности: 1) по гражданскимъ дѣламъ, гдѣ истцами выступали бухарскіе евреи, а отвѣтчиками киргизы; 2) по дѣламъ о кражахъ, совершенныхъ киргизами у сартовъ, у татаръ; 3) по дѣламъ о кражахъ, совершенныхъ соучастниками сартами и киргизами, и 4) былъ случай присужденія народнымъ судьей киргиза за кражу лошади у русскаго крестьянина.

Неподсудность народному суду дѣлъ о преступленіяхъ, совершенныхъ при соучастіи осѣдлыхъ туземцевъ съ кочевниками, основывается на томъ соображеніи, что 142 ст. мѣстнаго Положенія изъемеретъ изъ разбирательства народнаго суда „дѣла по преступленіямъ и проступкамъ между туземцами различныхъ народностей“. Отсюда явствуетъ, что тѣ изъ соучастниковъ преступленія, которые принадлежатъ къ разнымъ народностямъ съ потерпѣвшимъ, подсудны русскому суду, а въ силу 207 ст. уст. угол. суд. этому же суду подсудны и ихъ соучастники одной народности съ потерпѣвшимъ.

Болѣ трудными представляются для разрѣшенія тѣ случаи, когда преступленіе совершено между туземцами одной народности, напр., сартомъ похищены лошади со двора сарта же, но потерцѣвшимъ—хозяиномъ лошадей—оказывается киргизъ. Такія дѣла народные судьи принимаютъ къ своему разсмотрѣнію и, конечно, рѣшаютъ ихъ въ пользу своихъ единоплеменниковъ. Всѣ подобныя приговоры, доходившіе до прокурорскаго надзора Ташкентскаго окружнаго суда, опротестовывались и отмѣнялись на томъ основаніи, что мѣсту совершенія преступления придается значеніе лишь при опредѣленіи мѣстной подсудности, но не предметной, которая не опредѣляется также и намѣреніемъ совершить преступленіе противъ опредѣленнаго лица, ибо, съ одной стороны, это намѣреніе зачастую не можетъ быть установлено, а съ другой—*ergo in objecto* не измѣняетъ состава преступленія, въ существенные признаки котораго не входитъ опредѣленный объектъ. Важно для насъ лишь одно,—что жалобникомъ, а слѣдовательно—стороною въ дѣлѣ, является лицо разной народности съ обвиняемымъ.

Высочайше утвержденнымъ 2 іюня 1898 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта изъ вѣдѣнія народнаго суда Туркестанскаго края изъяты всѣ преступленія должностныхъ лицъ изъ туземцевъ (п. 2 ст. III этого закона). Правило это еще недостаточно усвоено народными судьями, которые нерѣдко разсматриваютъ дѣла не только объ общихъ преступленіяхъ должностныхъ лицъ, но и о преступленіяхъ по службѣ. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ сѣздъ народныхъ судей по жалобѣ волостнаго управителя присудилъ волостнаго писаря за растрату переданныхъ ему для сдачи въ казначейство податныхъ денегъ къ тюрьмѣ на 12 мѣсяцевъ; въ другомъ—народный судья општрафовалъ аульнаго старшину на 7 рублей за нерадѣніе въ отправленіи должности, выразившееся въ недостатленіи отвѣтчика къ разбирательству дѣла. Былъ случай присужденія народнымъ судьей и сѣздомъ сельскаго старшины и его соучастниковъ за кражу къ тюремному заключенію на 7 мѣсяцевъ каждаго. О томъ, что одинъ изъ осужденныхъ сельскій старшина, въ приговорѣ упомянуто не было,

я только по обращеніи его къ исполненію участковый товарищъ прокурора при посѣщеніи тюрьмы изъ разспроса заключеннаго узналъ, что во время совершенія приписываемаго ему преступленія онъ занималъ должность старшины. Исполненіе приговора было пріостановлено, по протесту прокурорскаго надзора онъ былъ отмѣненъ судомъ, и дѣло передано слѣдователю для производства предварительнаго слѣдствія. Закончилось это дѣло оправданіемъ всѣхъ обвиняемыхъ, такъ какъ на судебномъ слѣдствіи выяснилось, что ни у народнаго судьи, ни въ сѣздѣ они не сознавались, что кража была совершена неизвѣстными людьми, а обвиненіе введено на старшину и его родственниковъ изъ партійной вражды и изъ соображеній корыстнаго характера,—съ него, какъ съ человѣка состоятельнаго, можно было взискать убытки, причиненные кражей, и расходы по веденію дѣла, которыхъ, очевидно, было не мало.

Помимо злоупотребленій и незнанія народными судьями новаго закона, правильное примѣненіе его затрудняется еще и казуистичностью самаго понятія должностнаго лица изъ туземцевъ. Если безспорно, что къ этой категоріи должно отнести всѣхъ должностныхъ лицъ туземной администраціи и суда, выбираемыхъ населеніемъ изъ своей среды или назначаемыхъ уполномоченною на то властью, а именно: народныхъ судей, волостныхъ управителей, писарей ихъ, городскихъ, сельскихъ и аульныхъ старшинъ и ихъ помощниковъ, низшихъ полицейскихъ служителей, завѣдывающихъ оросительными сооруженіями арыкъ-аксакаловъ и мирабовъ, то, съ другой стороны, могутъ ли быть отнесены къ числу должностныхъ лицъ городскіе и волостные выборные (пятидесятники), кандидаты къ должностнымъ лицамъ, писаря сельскихъ и аульныхъ старшинъ, переводчики и служители разныхъ правительственныхъ установленій, торговые депутаты, члены разныхъ благотворительныхъ учрежденій, почетные блюстители туземныхъ школъ, ночные сторожа и т. п.?

Мы полагаемъ, что едва ли законъ 2 іюня 1898 года имѣлъ въ виду изъять изъ вѣдѣнія народнаго суда столь обширную категорію лицъ. По нашему разумѣнію, цѣлью

этого закона было прежде всего поставить должностныхъ лицъ туземной администраціи и суда, какъ облеченныхъ правительственною властью, въ одинаковыя условія ответственности передъ закономъ съ другими должностными лицами и тѣмъ самымъ гарантировать ихъ добропорядочность и вселить въ нихъ, а черезъ ихъ посредство и въ остальномъ населеніи, уваженіе къ законамъ имперіи. Кромѣ того волостной управитель, арыкъ-аксакаль, народный судья и старшина всегда пользуются въ своей средѣ огромнымъ вліяніемъ и могутъ оказывать давленіе, какъ на причастныхъ къ ихъ дѣлу лицъ, такъ и на судящаго ихъ народнаго судью. Подчиненіе же ихъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ обезпечиваетъ спокойное и безпристрастное разсмотрѣніе этой категоріи дѣлъ и ставитъ выясненіе ихъ преступной и порочной дѣятельности внѣ зависимости отъ воли частныхъ лицъ, могущихъ въ народномъ судѣ каждое дѣло окончить примиреніемъ.

Всѣ эти соображенія, если не отсутствуютъ вовсе, то въ значительной мѣрѣ ослабляются по отношенію къ туземцамъ, состоящимъ въ какихъ-либо должностяхъ и званіяхъ, не соединенныхъ съ оказаніемъ имъ особаго довѣрія или съ врученіемъ власти по отношенію мѣстнаго населенія. Однако нельзя не считаться съ буквой закона. Она говоритъ не о должностныхъ лицахъ туземной администраціи и суда, а вообще о должностныхъ лицахъ изъ туземцевъ. Поэтому мы полагаемъ, что сюда должны быть отнесены всѣ туземцы, занимающіе установленныя въ законномъ порядкѣ государственныя или общественныя должности, хотя бы и низшихъ служителей, и безразлично къ тому, состоятъ ли они на государственной службѣ или отправляютъ свою должность по вольному найму, и будетъ ли эта должность штатною или нѣтъ. Но къ категоріи должностныхъ лицъ нельзя относить ни кандидатовъ послѣднихъ, доколѣ они не вступили въ исполненіе служебныхъ обязанностей лицъ, кандидатами которыхъ состоятъ, ни выборныхъ избирателей—пятидесятниковъ, ни торговыхъ депутатовъ, ни, тѣмъ болѣе, туземцевъ, пользующихся какими-либо почетными званіями или состоящихъ чле-

нами общественныхъ благотворительныхъ учреждений. Всѣ эти лица при извѣстныхъ условіяхъ и въ опредѣленные моменты осуществляютъ нѣкоторыя правительственныя функціи и, совершивъ въ это время преступленіе, будутъ подлежать ответственности въ общемъ порядкѣ, но въ обыденной жизни являются частными людьми, и къ изъятію ихъ изъ вѣдѣнія народнаго суда въ силу закона 2 іюня 1898 года не представляется достаточныхъ основаній.

Въ нашей практикѣ возникли и были разрѣшены отрицательно вопросы о подсудности русскому суду дѣлъ: 1) о кражѣ, совершенной писаремъ аульнаго старшины, и 2) о побояхъ, нанесенныхъ ночнымъ сторожемъ. Обвинительные приговоры по этимъ дѣламъ были представлены уѣздными начальниками къ отмѣнѣ въ порядкѣ 218 ст. Пол. объ упр. Турк. брая на томъ основаніи, что осужденные являются должностными лицами, неподсудными народному суду. По первому дѣлу отказъ въ опротестованіи былъ основанъ на томъ соображеніи, что хотя по разъясненіямъ Угол. кассац. департамента Сената (1874 г. № 280, 1880 г. № 40 и друг.) письмоводители станovýchъ приставовъ и другіе служащіе по вольному найму являются должностными лицами, но для признанія ихъ въ качествѣ таковыхъ необходимо одинъ весьма существенный признакъ, который хотя и не выраженъ прямо въ рѣшеніяхъ Сената, но имѣется на лицо во всѣхъ случаяхъ признанія имъ вольнонаемныхъ канцелярскихъ служителей должностными лицами: необходимо, чтобы они исполняли обязанности должностнаго характера по порученію такихъ лицъ, которыя уполномочены на то закономъ, ибо назначеніе на должность или порученіе должностныхъ обязанностей властью, не управомоченною на такое дѣйствіе, представляется равносильнымъ назначенію кого-либо на должность частнымъ лицомъ. Съ этой точки зрѣнія аульный старшина, не имѣющій штатной канцеляріи и не получающій канцелярскихъ суммъ, не имѣетъ права нанимать письмоводителей; порученіе имъ кому-либо письмоводства является частнымъ соглашеніемъ, лишеннымъ всякаго значенія для признанія такого письмоводителя должностнымъ лицомъ. Иное

толкованіе привело бы къ такому абсурду, что пришлось бы признавать должностными лицами не только различныхъ частныхъ секретарей, но и всѣхъ тѣхъ, кого заблагодарасудится любому писцу пригласить для помощи въ канцелярской работѣ.

На томъ же основаніи не могутъ быть признаны должностными лицами и ночные сторожа, нанимаемые не только частными лицами, но и городскими или сельскими обществами для охраны спокойствія и безопасности въ городахъ и селеніяхъ. Хотя оскорбленіе сторожей второй категоріи въ силу спеціальнаго велѣнія закона (ст. 31 уст. о нак. и рѣшенія Угол. кассац. департамента 1870 г. № 797, 1871 г. № 300 и друг.) и приравнивается къ оскорбленію низшихъ должностныхъ лицъ, но отсюда еще далеко до вывода, что поэтому они являются должностными лицами, а тѣмъ болѣе въ смыслѣ изъятія всѣхъ совершаемыхъ ими преступленій изъ вѣдѣнія народнаго суда.

Какъ мы уже упоминали, на основаніи 213 ст. Положенія объ упр. Турк. края кромѣ туземцевъ народному суду осѣдлаго населенія подсудны и пребывающіе въ предѣлахъ края подданные сосѣднихъ ханствъ. Правило это на практикѣ не возбуждало какихъ-либо вопросовъ. Характерно оно признаніемъ отсутствія въ сосѣднихъ ханствахъ кочевниковъ, иначе непонятно, почему послѣдніе должны судиться судомъ осѣдлаго, а не кочеваго населенія. Въ силу этой статьи подвѣдомственны народному суду и бухарскіе евреи, со стороны которыхъ замѣчается стремленіе избѣгнуть этой юрисдикціи, чего они и достигаютъ по гражданскимъ дѣламъ весьма успѣшно, заключая всѣ сдѣлки посредствомъ векселей и другихъ актовъ, засвидѣтельствованныхъ нотаріусами, вслѣдствіе чего всѣ возникающія изъ такихъ сдѣлокъ споры на основаніи 2 п. 211 ст. положенія подсудны русскому суду.

Редакціи статей положенія—143, опредѣляющей гражданскую подсудность общеимперскихъ судебныхъ установлений, и 211, устанавливающей подсудность народнаго суда, какъ мы уже упоминали, не были согласованы между собою. Первая указываетъ, что мировыми судьями и областными су-

дами вѣдаются „дѣла по искамъ, совершеннымъ при участіи русскихъ властей“, а вторая гласитъ, что вѣдѣнію народнаго суда подлежатъ „всѣ дѣла гражданскія, . . . если дѣла сіи не основаны на документахъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей“. Такимъ образомъ, по бубѣвъ закона оказывалось, что между туземцами одной народности гражданскія дѣла, основанныя на актахъ, засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей, не подсудны ни русскому, ни туземному суду. Конечно, въ такомъ положеніи лишенныхъ пристанища пасынковъ правосудія эти дѣла не оставались. Признавая, что 211 статья является какъ бы дополненіемъ 143 и не исключаетъ, а лишь развиваетъ и подробнѣе указываетъ принципы разграниченія подсудности общихъ судебныхъ установленій и народнаго суда, мѣстные суды придавали 211 статьѣ доминирующее значеніе и принимали къ своему разсмотрѣнію гражданскія дѣла, основанныя на документахъ, не только совершенныхъ, но и засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей. Временными правилами 2 іюня 1898 г. это разнорѣчіе устранено,—ст. 26 этихъ правилъ просто указываетъ, что вѣдѣнію мировыхъ судебныхъ установленій не подлежатъ дѣла между туземцами, отнесенныя къ вѣдомству ихъ собственныхъ судовъ.

Въ народномъ судѣ нарушеніе 2 п. 211 ст. Положенія представляется рѣдкимъ явленіемъ, главнымъ образомъ, потому, что стороны закрѣпляютъ свои договорныя отношенія документомъ, совершеннымъ или засвидѣльствованнымъ при участіи русскихъ властей, именно съ тою цѣлью, чтобы въ случаяхъ спора разбираться въ русскомъ судѣ, а потому и обращаются прямо въ русскій, а не народный судъ. Впрочемъ, не такъ давно въ самомъ г. Ташкентѣ имѣло мѣсто довольно грубое нарушеніе 211 статьи. Нѣкій сартъ Салихджановъ предъявилъ у одного изъ народныхъ судей г. Ташкента искъ къ сарту же Ахметову о возвратѣ переданныхъ послѣднему якобы на храненіе векселей на 4000 рублей. Векселя эти были выданы Салихджанову русскимъ купцомъ Анцыферовымъ. На судоговореніи Ахметовъ возражалъ, что

векселя перешли къ нему по бланковой надписи Салихджанова. Затѣмъ сторонами были указаны свидѣтели, и предъявлены народному судѣ, какъ доказательства правильности исковыхъ требованій и возраженій, различные нотаріальныя документы. Допросивъ свидѣтелей истца, удостовѣрившихъ передачу векселей на храненіе, и игнорируя весь остальной доказательный матеріалъ, народный судья удовлетворилъ исковыя требованія. Протестомъ по этому дѣлу былъ возбужденъ рядъ вопросовъ: 1) принципиальный—о подсудности дѣла о вексельныхъ обязательствахъ, 2) имѣетъ ли значеніе въ смыслѣ изыятія дѣла изъ вѣдѣнія народнаго суда то обстоятельство, что актъ, положенный въ основаніе исковыхъ требованій, былъ выданъ отъ имени русскаго купца, неподсуднаго народному суду, и 3) какое значеніе имѣютъ въ томъ же смыслѣ предъявленные въ подтвержденіе или опроверженіе иска документы, совершенные при участіи русскихъ властей. Въ виду признанія окружнымъ судомъ всѣхъ вексельныхъ дѣлъ подсудными русскому суду, по основаніямъ, которыя будутъ изложены нами ниже при обсужденіи подсудности подлоговъ векселей, два послѣднихъ вопроса не были подвергнуты детальному разсмотрѣнію. Мы же полагаемъ, что если совершеніе акта отъ имени лица, не подсуднаго народному суду, само по себѣ не изымлетъ иска, основаннаго на такомъ актѣ изъ вѣдѣнія народнаго суда до тѣхъ поръ, пока лицо это не является стороною, то предъявленіе въ качествѣ доказательнаго матеріала документовъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей, хотя бы самый искъ непосредственно былъ основанъ на туземномъ документѣ, изымлетъ дѣло изъ вѣдѣнія народнаго суда. Это явствуетъ изъ самаго текста 211 ст. Положенія объ управл. Турк. края, говорящей не о документѣ, на которомъ основаны исковыя требованія, а о дѣлахъ, основанныхъ на даннаго рода документахъ. Основаніемъ же дѣла является весь доказательный матеріалъ, служащій для постановленія рѣшенія. Допустить обсужденіе народнымъ судьей по правиламъ адата или шаріата силы и значенія документа, совершеннаго или засвидѣтельствованнаго при участіи русскихъ властей,

значило бы лишить этот документ того обязательного значения, которое онъ имѣетъ въ силу закона, и, слѣдовательно, дискредитировать въ глазахъ туземца власть, участвовавшую въ его совершеніи.

Большой камень преткновенія для народныхъ судей, да и для русскихъ юристовъ, представляетъ содержащійся въ 141 ст. Пол. объ упр. Турк. края перечень преступленій туземцевъ, подлежащихъ во всѣхъ случаяхъ вѣднію общеимперскихъ судебныхъ мѣстъ.

Начинается эта статья неточнымъ выраженіемъ, что туземцы „привлекаются“ (а не „подлежать“) къ отвѣтственности на общемъ основаніи, какъ будто дѣло идетъ лишь о судопроизводственныхъ нормахъ, а не о примѣненіи къ нимъ и общихъ наказаній; въ дальнѣйшемъ изложеніи она даетъ перечень преступленій, подлежащихъ преслѣдованію въ общемъ порядкѣ; но, къ сожалѣнію, въ текстѣ ея не имѣется ссылокъ на статьи уложенія и устава о наказаніяхъ, какъ это сдѣлано въ аналогичной по содержанію 1285 ст. уст. угол. суд., которая прямо указываетъ рядомъ съ общими наименованіями преступленій, подвѣдомственныхъ русскимъ судебнымъ установленіямъ, и тѣ статьи уголовного кодекса, которыя предусматриваютъ эти преступленія, чѣмъ точно устанавливается подсудность и устраняются всякія недоразумѣнія.

Первые семь и девятый пункты 141 статьи, какъ обнимающіе собою цѣлыя раздѣлы уложенія о наказаніяхъ, достаточно ясны, но въ остальныхъ имѣются недомолвки, порождающія рядъ спорныхъ вопросовъ ¹⁾. Такъ, лит. в пункта 8 ст. 141 изъ ряда преступленій противъ общественнаго спокойствія и порядка признаетъ неподсуднымъ народному суду, между прочимъ, укрывательство бѣглыхъ, т. е. преступленія,

¹⁾ На ряду съ этими недомолвками имѣется и такой излишній плеоназмъ, какъ самостоятельное указаніе на изытіе изъ вѣднія народнаго суда похищенія казеннаго имущества; предусмотрѣно оно 548 ст. улож. о нак., находящейся въ VII раздѣлѣ уложенія „о преступленіяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны“, относительно преслѣдованія которыхъ на общемъ основаніи уже упомянуто въ предшествующемъ (6) пунктѣ той же 141 статьи.

предусмотрѣнны 958 и 974 ст. уложенія. Последняя говоритъ объ укрывательствѣ бѣжавшихъ съ каторжныхъ работъ, поселенія, изъ арестантскихъ отдѣленій и другихъ мѣстъ заключенія, но отсылаетъ къ наказанію по 316 ст. уложенія, въ которой предусмѣрено только укрывательство лицъ, присужденныхъ къ наказанію не ниже тюремнаго заключенія съ ограниченіемъ правъ.

Вслѣдствіе этого возникаетъ вопросъ, какой подсудности должно слѣдовать предусмѣренное 64 ст. Уст. о нак. укрывательство бѣжавшаго изъ арестнаго дома или изъ тюрьмы, если бѣжавшій былъ присужденъ къ ней безъ ограниченія въ правахъ. Преступленіе это по своему содержанію вмѣщаетъ въ себѣ всѣ признаки укрывательства бѣглыхъ, но помѣщено въ главѣ V устава о наказаніяхъ, трактующей о нарушеніяхъ паспортнаго устава. Последнія же не указаны въ перечнѣ преступленій, за которыя туземцы подлежатъ ответственности въ общемъ порядкѣ, хотя, казалось бы, ихъ слѣдовало изъять изъ вѣдѣнія народныхъ судей уже по одному тому, что нарушеніе обязательныхъ и для туземцевъ правилъ о видахъ на жительство является преступленіемъ совершенно непонятнымъ для народныхъ судей и не соответствующимъ характеру ихъ частно-искового типа процесса. Признаніе же укрывательства бѣжавшихъ изъ арестныхъ домовъ или изъ тюремъ подсуднымъ народному суду представляется еще болѣе несоответствующимъ назначенію народнаго суда—быть только рѣшителемъ своихъ домашнихъ споровъ между туземцами—и ставило бы незыблемость приговоровъ судебныхъ мѣстъ имперіи подъ охрану народныхъ судовъ, что, разумѣется, не могло входить въ намѣреніе составителей Туркестанскаго Положенія. Въ виду этого и находя, что помѣщеніе ст. 64 устава о наказ. въ главѣ о паспортныхъ нарушеніяхъ не измѣняетъ существа этого преступленія, мы утверждаемъ, что по существеннымъ своимъ признакамъ оно является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, и именно тѣмъ укрывательствомъ бѣглыхъ, которое на основаніи 8 п. 141 ст. Положенія изъято изъ вѣдѣнія народнаго суда.

Въ лит. г того же 8-го пункта 141 статьи говорится о „порчѣ телеграфовъ и дорогъ“. Какія статьи уложенія и устава о нак., предусматривающія нарушенія устава телеграфнаго и правилъ охраны путей сообщенія, объемлются этимъ выраженіемъ, и употреблено ли оно случайно или для того, чтобы указать, что туземцы не за всѣ нарушенія этого рода отвѣчаютъ по общимъ уголовнымъ законамъ,—сказать трудно. Подойдутъ ли сюда, напр., остановка телеграфнаго сообщенія безъ поврежденія или порчи самаго телеграфа, или нарушеніе различныхъ правилъ, установленныхъ для огражденія правильнаго судоходства (ст. 77 и слѣд. уст. о нак.)? Надо полагать, что по буквальному смыслу 141 ст. преступленія эти неподсудны русскому суду.

Изъ преступленій противъ личности туземцы отвѣчаютъ по общимъ законамъ а) за убійство, б) за нанесеніе ранъ и побоевъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть, в) изнасилованіе, и г) противозаконное задержаніе и заключеніе. Отсутствіе указаній на необходимость умышленной дѣятельности при убійствѣ толкуется въ томъ смыслѣ, что терминъ „убійство“ принятъ былъ составителями положенія, какъ объемлющій и умышленное лишеніе жизни и неосторожное причиненіе смерти, вслѣдствіе чего всѣ эти преступленія туркестанскою судебною практикою признаются подсудными общимъ судебнымъ установленіямъ, хотя, строго говоря, теорія уголовного права не придаетъ термину „убійство“ столь широкаго значенія. Указаніе въ пунктѣ б) только на раны и побои, окончившіеся смертью, по нѣкоторымъ дѣламъ давало поводъ къ возбужденію со стороны обвиняемыхъ въ причиненіи увѣщій, послѣдствіемъ коихъ была смерть, вопроса о подсудности этихъ дѣлъ народному суду. Для устраненія всякихъ сомнѣній слѣдовало бы замѣнить казуистичное выраженіе этого пункта 141 статьи болѣе широкимъ—„тѣлесныя поврежденія, послѣдствіемъ коихъ была смерть“¹⁾. Терминъ „изнасилова-

¹⁾ Впрочемъ и въ послѣднемъ законодательномъ актѣ, нормирующемъ дѣятельность инородческаго суда въ Забайкальской области (Временное положеніе 23 апрѣля 1901 г. ст. 49, Собр. узак. и расп. прав. 1901 г. № 50 ст. 975).

нѣ“ самъ по себѣ не возбуждаетъ сомнѣній; очевидно, что онъ объѣмлетъ преступленія, предусмотрѣнные 1523—1529 ст. улож. о нак. Но въ практикѣ одного изъ окружныхъ судовъ Туркестанскаго края возникъ вопросъ о подведеніи подъ этотъ пунктъ 141 статьи насильственного похищенія замужней женщины, предусмотрѣннаго 1580 и 1581 ст. уложенія и отсылающаго къ наказанію по 1525—1527 статьямъ. Мы полагаемъ, что для правильнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо обратиться прежде всего къ рассмотрѣнію того обстоятельства, предусматриваетъ ли статья со ссылкой санкціей самостоятельное преступленіе или является однимъ изъ тѣхъ повтореній, которыми изобилуетъ наше уложеніе о наказаніяхъ. Съ этой точки зрѣнія предусмотрѣнное 1581 статьею насильственное похищеніе замужней женщины съ послѣдующимъ лишеніемъ чести представляеть собою то же изнасилованіе, которое предусмотрѣно 1525—1526 ст. уложенія, и предшествующее похищеніе можетъ разсматриваться только какъ моментъ, квалифицирующій наказаніе, но не измѣняющій состава преступления. Въ данномъ случаѣ норма—не насилуй женщины—является нарушенною одинаково, какъ и въ изнасилованіи, не соединенномъ съ похищеніемъ, и по тому же основанію, какъ и это послѣднее, должно быть признано преступленіемъ, изъятымъ изъ вѣдѣнія народнаго суда. Тотъ же пріемъ толкованія примѣнимъ и къ другимъ однороднымъ случаямъ (ст. 1580, 2 ч. 1550 и друг. улож. о нак.).

Болѣе всего споровъ на практикѣ возбудилъ послѣдній пунктъ 141 статьи, изъемяющій изъ вѣдѣнія народнаго суда „подлоги русскихъ документовъ“. Что подразумѣвать подъ русскимъ документомъ? Представляется ли это понятіе равнозначащимъ документу, совершенному или засвидѣтельствованному при участіи русскихъ властей, о которыхъ упоминають 143 и 211 ст. Положенія? Могутъ ли быть отнесены къ русскимъ документамъ векселя туземцевъ?

говорятся также о неподсудности этому суду нанесенія ранъ и побоевъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть. Вѣроятно, редакция заимствована изъ неудачной 141 ст. Положенія объ упр. Турк. край.

Вопросъ этотъ представляетъ особенную важность, такъ какъ за послѣднее время векселя приобрѣли серьезное значеніе въ экономической жизни мѣстнаго населенія и изъ года въ годъ получаютъ все большее распространеніе не только среди туземцевъ, живущихъ вблизи культурныхъ центровъ и имѣющихъ коммерческія сношенія съ представителями русскихъ и иностранныхъ торговыхъ фирмъ, но и въ глухой киргизской степи, какъ подспорье при взаимныхъ расчетахъ. Съ присоединеніемъ къ Россіи обширныхъ среднеазиатскихъ владѣній бывшая прежде въ ходу мѣновая торговля въ ея чистомъ видѣ стала падать и въ настоящее время совершенно исчезаетъ. Съ одной стороны, киргизъ сознаетъ большую выгоду въ сбытѣ своего скота не по мелочамъ случайному проѣзжему торговцу, а промышленнику большими партіями, а съ другой—и торговецъ различнымъ необходимымъ для кочевника товаромъ сталъ съ неохотою брать плату скотомъ, связывающимъ его и замедляющимъ передвиженіе. Размѣнная же монета, да и вообще болѣе или менѣе крупныя суммы денегъ и теперь рѣдко имѣются на рукахъ даже у богатаго киргиза, а если и имѣются, то онъ съ ними неохотно разстается. Эта затруднительность немедленнаго расчета на наличныя и повлекла за собой распространеніе вексельныхъ обязательствъ, ознакомившись съ силою и значеніемъ которыхъ, туземцы поняли ихъ удобство. Въ доказательство того, что вексельныя обязательства приобрѣли права гражданства среди населенія Туркестанскаго края, можно привести тотъ весьма рельефный фактъ, что солидную долю доходовъ нотаріусовъ такихъ заброшенныхъ въ глухую степь городовъ, какъ Туркестанъ, Церовскъ и Казалинскъ, составляетъ плата за засвидѣтельствованіе подписей на векселяхъ. Конечно, не мало векселей выдается безъ участія нотаріусовъ.

При такихъ условіяхъ понятно, какое важное значеніе въ торговомъ оборотѣ края имѣютъ какъ сами вексельныя обязательства, такъ и правильное разрѣшеніе дѣлъ, на нихъ основанныхъ. Признаніе этихъ дѣлъ подсудными народному суду подорвало бы всякое значеніе векселя и внесло бы смуту въ сложившіяся условія торговаго оборота, ибо юридическое

значеніе векселя, его сила должна быть опредѣляема на точномъ основаніи закона, тогда какъ народные суды руководствуются мѣстными обычаями или мусульманскимъ правомъ (шаріатомъ) и рѣшаютъ дѣла почти исключительно на основаніи присяги и свидѣтельскихъ показаній; документы же, на которыхъ основывается искъ, нерѣдко не имѣютъ для нихъ никакого доказательнаго значенія. Сознавая въ виду этого полную невозможность отнесенія вексельныхъ взысканій къ вѣдѣнію народнаго суда, нѣкоторые судебныя мѣста Туркестанскаго края, невзирая на отсутствіе въ мѣстномъ Положеніи прямыхъ указаній по сему предмету, уже давно принимаютъ къ своему разбирательству дѣла о взысканіяхъ по векселямъ между туземцами одной народности, мотивируя такую практику тѣмъ соображеніемъ, что на основаніи 3 ст. вѣкс. устава изд. 1902 г. ¹⁾ векселя обязательно должны быть написаны на особой гербовой (вексельной) бумагѣ, изготовляемой и продаваемой государственными учрежденіями, а, слѣдовательно, должны быть приравнены къ документамъ, совершаемымъ при участіи русскихъ властей. Кромѣ того въ подкрѣпленіе такого толкованія понятія „участіе русской власти въ составленіи документа“ указываютъ на всю совокупность установленныхъ Положеніемъ объ управленіи Туркестанскаго края правилъ о границахъ подсудности гражданскихъ дѣлъ народному суду; изъ правилъ этихъ явствуетъ, что признаніе иска по векселю, какъ документу, созданному для обращенія среди неопредѣленнаго круга лицъ, подсуднымъ народному суду находилось бы въ явномъ разнорѣчій со стремленіемъ закона ограничить эту подсудность разборомъ гражданскихъ споровъ среди строго очерченной группы туземцевъ.

Въ равной степени важнымъ представляется и признаніе подсудными русскому суду уголовныхъ дѣлъ о подлогахъ векселей, такъ какъ въ противномъ случаѣ была бы парализована и гражданская подсудность вексельныхъ обязательствъ. Стоитъ сторонѣ, не желающей разбора дѣла въ русскомъ судѣ, заявить о подложности векселя, чтобы дѣло пе-

¹⁾ 9 п. 2 ст. стараго уст. о вѣкс.

решло для разбирательства въ народный судъ и тамъ было рѣшено по правиламъ адата или шаріата.

Колебанія въ практикѣ по этимъ дѣламъ были положены конецъ разъясненіемъ Уголовнаго кассационнаго департамента по дѣлу Абдуль-Азисъ Ходжаева (1901 года, № 12).

Приговоромъ окружнаго суда сартъ Абдуль-Азисъ Ходжаевъ за составленіе подложныхъ векселей отъ имени киргизъ Халыбега Сапынбаева и Бѣляка Юладчева былъ присужденъ, на основаніи 1160 ст. улож. о нак., къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 3 года и 9 мѣсяцевъ. При разсмотрѣніи этого дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ по отзыву защитника подсудимаго судебная палата признала необходимымъ остановиться на вопросѣ о подсудности этого дѣла и, сопоставивъ 141 статью съ 143 и 211 статьями Положенія, пришла къ заключенію, что подъ русскими документами слѣдуетъ прежде всего разумѣть документы, исходящіе отъ русскихъ правительственныхъ или общественныхъ учрежденій, удостовѣренія и справки присутственныхъ мѣстъ, виды на жительство, приговоры общества и вообще всякаго рода официальные бумаги, а засимъ къ числу ихъ, согласно 211 ст. пол. объ упр. Турк. края, слѣдуетъ отнести всѣ документы, совершенные или засвидѣтельствованные при участіи русскихъ властей, и что расширять понятіе „русскаго документа“ далѣе того опредѣленія, которое установлено правилами о подсудности гражданскихъ дѣлъ, не представляется основаній, какъ въ виду тѣсной связи между гражданскимъ и уголовнымъ производствами по спорамъ о подлогахъ документовъ, такъ и вслѣдствіе того, что несогласованіе въ этомъ отношеніи правилъ о подсудности уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ повело бы къ тому, что споръ о подлогѣ документа, искъ по которому подсуденъ народному суду, подлежалъ бы разрѣшенію русскаго суда. Отнести къ числу документовъ, совершенныхъ при участіи русскихъ властей, незасвидѣтельствованные и неопротестованные вексели, выдаваемые туземцами на имя туземцевъ же, не представляется законныхъ основаній, такъ какъ одно только написаніе дол-

говаго обязательства на вексельномъ бланкѣ, равно какъ и совершеніе какого-либо домашняго акта на листѣ гербовой бумаги, не можетъ быть признано совершеніемъ документа при участіи русскихъ властей. Но если даже допустить, что подъ понятіе русскихъ документовъ подходятъ все вообще документы, писанные на русскомъ языкѣ, то и тогда выданный туземцемъ туземцу же вексельный бланкъ съ подписью на туземномъ языкѣ не можетъ считаться русскимъ документомъ, хотя бы засимъ бланкъ этотъ и былъ заполненъ русскимъ текстомъ, такъ какъ по подписи и по участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ документъ этотъ является туземнымъ. Кроме того, если на основаніи 6 ст. уст. о век. ¹⁾ крестьянамъ, не имѣющимъ недвижимой собственности или не взявшимъ торговыхъ документовъ, запрещается выдавать отъ своего имени векселя, было бы непослѣдовательно признавать право обязываться векселями за туземцами среднеазиатскихъ русскихъ владѣній—полудикими кочевниками и инородцами, не понимающими не только силы и значенія векселя и постановленій вексельнаго устава, но часто даже и значенія собственной ихъ подписи. Признавъ въ виду изложеннаго, что, согласно 211 ст. Положенія объ упр. Турк. край, только подлоги векселей, подпись на которыхъ засвидѣтельствована установленнымъ порядкомъ, подсудны русскому суду, судебная палата приговоръ окружнаго суда по дѣлу Абдуль-Азизъ Ходжаева отмѣнила и постановила дѣло производствомъ прекратить за подсудностью его народному суду.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ кассационный протестъ товарища прокурора судебной палаты, въ которомъ подробно былъ разработанъ вопросъ о подсудности этого рода дѣлъ русскому суду, нашелъ, что организація народныхъ судовъ, въ связи съ отсутствіемъ какихъ-либо опредѣленныхъ процессуальныхъ и карательныхъ законовъ, указываетъ на то, что эти суды способны отвѣчать лишь потребностямъ населенія, пользующагося въ своемъ быту примитивными формами правовыхъ отношеній. Вексель же, по юридической

¹⁾ Ст. 2 п. 2 уст. о векс. изд. 1902 г.

сущности своей, является орудіемъ кредита, требующимъ спеціального опредѣленія закона и составляющимъ предметъ особаго устава; къ тому же появленіе векселя свидѣтельствуєтъ о значительномъ экономическомъ развитіи государства, и потому нельзя не признать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда правовыя отношенія туземцевъ Туркестанскаго края основываются на такомъ документѣ, какъ вексель, народныя обычая не въ состояніи уже выдвинуть какихъ-либо нормъ для разрѣшенія возникающихъ изъ сихъ отношеній дѣлъ. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ доводамъ, коими судебная палата установила подсудность настоящаго дѣла народному суду, Правительствующій Сенатъ призналъ, что „сопоставленіе (судебною палатою) 141 ст. Положенія объ упр. Турк. края, съ одной стороны, съ статьями 143 и 211—съ другой, и сдѣланный изъ сего выводъ, что понятіе о русскомъ документѣ опредѣляется понятіемъ объ актѣ, совершенномъ при участіи русской власти, не имѣетъ правильнаго основанія, ибо первая изъ сихъ статей опредѣляетъ подсудность дѣлъ уголовныхъ, тогда какъ послѣдняя— подсудность исключительно гражданскихъ, и нельзя допустить, чтобы въ одномъ законодательномъ актѣ для выраженія одного и того же понятія употреблены были различныя опредѣленія. Очевидно, что подсудность уголовныхъ дѣлъ русскимъ судамъ опредѣлена шире, чѣмъ гражданскихъ, и подтвержденіемъ такого взгляда служить содержаніе статей 143 и 211 ч. 2, ограничивающихъ гражданскую подсудность народнымъ судамъ лишь принадлежностью сторонъ къ разнымъ народностямъ. Поэтому, отстраняя разсужденія судебной палаты о необходимости согласованія правилъ о подсудности уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, равно какъ и о томъ, что было бы справедливо изъять изъ подсудности народныхъ судовъ дѣла о подлогѣ только тѣхъ векселей, подписанъ на коихъ засвидѣтельствована установленнымъ порядкомъ, такъ какъ разсужденія эти выходятъ изъ области толкованія дѣйствующаго закона, надлежитъ прійти къ заключенію, что подлогъ векселя, какъ документа, юридическій характеръ котораго мѣстному обычному праву неизвѣстенъ и текстъ котораго написанъ на

русскомъ языкѣ, подлежатъ согласно 141 ст. вѣдѣнію общихъ судебныхъ установлений“.

Разрубивъ созданный педомолвками Туркестанскаго Положенія гордіевъ узелъ въ пользу подсудности дѣлъ о подлогахъ векселей русскому суду, Правительствующій Сенатъ пошелъ навстрѣчу настоятельнымъ требованіямъ развивающейся экономической жизни края и установилъ порядокъ, соответственный духу закона, который не могъ отдать вексельныя дѣла на разбирательство, а слѣдовательно, и произволъ народныхъ судей.

Приведенныя разнорѣчивыя мнѣнія судебныхъ мѣстъ относительно истолкованія термина „русскіе документы“ служатъ нагляднымъ доказательствомъ того, въ какомъ безпомощномъ положеніи могутъ оказаться иногда народные судьи, часто неграмотные и совершенно незнакомые съ нашей юридической терминологіей. Имъ разобратся въ неясныхъ выраженіяхъ закона положительно не подъ силу, и потому большинство случаевъ нарушенія предметной подсудности должно быть объяснено не сознательнымъ злоупотребленіемъ съ ихъ стороны, а добросовѣстнымъ незнаніемъ казуистическихъ правилъ подсудности.

Для устранения же всякихъ недоразумѣній въ отношеніи вексельныхъ дѣлъ нельзя не высказать пожеланія, чтобы въ 141 и 143 ст. Полож. объ упр. Турк. края въ самомъ непродолжительномъ времени было введено прямое указаніе объ изыятіи изъ вѣдѣнія народнаго суда какъ гражданскихъ дѣлъ о вексельныхъ обязательствахъ, такъ и уголовныхъ—о подлогѣ векселей.

Здѣсь встаетъ упомянуть, что цитированное разъясненіе Сената не разрѣшило всѣхъ недоразумѣній, возникающихъ на практикѣ изъ толкованія термина „русскій документъ“. Такъ, въ Ташкентскомъ окружномъ судѣ возникъ, но не былъ разрѣшенъ за оправдательнымъ приговоромъ по существу, вопросъ о подсудности совершеннаго туземцемъ подлога подписи туземца же на чистомъ вексельномъ бланкѣ. Защитой было выражено мнѣніе, что въ виду рѣшенія Уголовнаго кассационнаго департамента по дѣлу Шапета Шелелева, 1897 г.

№ 3, указавшаго, что поддѣлка подписи на чистомъ вексельномъ бланкѣ наказуема не по 1160, и по 1692 ст. улож. о нак., слѣдуетъ признать это преступленіе поддѣлкою домашнихъ актовъ, на которую не распространяется разъясненіе Сената по дѣлу Абдуль Азисъ Ходжаева о неподсудности подлога векселей народному суду.

Мы полагаемъ, что, разрѣшая частный вопросъ о подсудности подлоговъ векселей, Правительствующій Сенатъ въ послѣднемъ рѣшеніи разрѣшилъ, хотя вполнѣ опредѣленно этого и не выразилъ, болѣе общій вопросъ о понятіи русскихъ документовъ вообще, какъ заимствованныхъ туземцами отъ русскихъ и неизвѣстныхъ мѣстному обычному праву, которое поэтому и „не можетъ выдвинуть какихъ-либо нормъ для разрѣшенія“ основанныхъ на этихъ документахъ дѣлъ. Обсуждая съ этой стороны значеніе чистаго вексельнаго бланка съ одною подписью векселедателя, мы должны удостовѣрить, что если вексель, какъ документъ, можетъ имѣть извѣстное, хотя и несвойственное ему значеніе въ народномъ судѣ, то незаполненный текстомъ вексельный бланкъ по правовымъ понятіямъ туземнаго судьи не имѣетъ никакого юридическаго значенія и не можетъ быть предметомъ судебного разбирательства. Въ подтвержденіе этого можемъ указать на бывшій въ нашей практикѣ случай разсмотрѣнія народнымъ судьей иска о возвратѣ данныхъ для учета вексельныхъ бланковъ. Признавъ, что одна подпись безъ текста не представляетъ собою документа, и вслѣдствіе этого искъ является безпредметнымъ, народный судья въ удовлетвореніи исковыхъ требованій отказалъ. Въ сѣздѣ, куда дѣло перешло по жалобѣ истца, стороны помирились, въ виду чего и не представилось возможности путемъ протеста поднять вопросъ о подсудности дѣлъ этого рода русскому суду на томъ основаніи, что вексельный бланкъ представляетъ собой неизвѣстный туземному обычному праву „русскій“ документъ.

V.

Вѣдомство единоличныхъ народныхъ судей и ихъ сѣздовъ ограничивается не только дѣлами, подлежащими разсмотрѣнію русскихъ судебныхъ мѣстъ, но и еще тремя родами особыхъ судебныхъ инстанцій того же народнаго суда, а именно: 1) судомъ посредниковъ (третейскихъ судей), 2) особыми сѣздами волостныхъ выборныхъ и 3) чрезвычайными сѣздами народныхъ судей.

Суду посредниковъ предоставлено разбирательство исключительно гражданскихъ дѣлъ. Мы особенно настаиваемъ на этомъ положеніи, въ виду замѣчаемой тенденціи посредниковъ не только разрѣшать гражданскіе споры, но и принимать на себя несоответствующую роль вершителей уголовныхъ дѣлъ съ наложеніемъ на признанныхъ виновными какъ денежныхъ взысканій, такъ и наказаній срочнымъ лишеніемъ свободы. Подобнаго рода рѣшенія посредниковъ въ Сырь-Дарьинской области всѣ безъ исключенія опротестовывались прокурорскимъ надзоромъ и отмѣнялись окружнымъ судомъ въ части наложенія личнаго наказанія. Основаніемъ къ подобной практикѣ служить, во-первыхъ, самый текстъ 244 и 245 ст. Полож. объ упр. Турк. края: въ этихъ статьяхъ ни слова не говорится объ обвинителяхъ или обвиняемыхъ: „*тяжущимся* предоставляется по обоюдному согласію обращаться для разбора своихъ дѣлъ... прямо къ сѣзду, а равно и къ постороннимъ лицамъ, которымъ *тяжущіеся* довѣряютъ... Согласеніе сторонъ должно быть подписано *тяжущимися*... Рѣшенія посредниковъ скрѣпляются печатями *тяжущихся*... Рѣшенія избранныхъ посредниковъ окончательны, какъ бы значительна ни была *цѣна иска*“. Всѣ эти выраженія закона не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что здѣсь подразумѣваются только гражданскія, а не уголовныя дѣла. Во-вторыхъ, право наложенія наказаній за преступленія является столь серьезною прерогативой государственной власти, что всюду и вездѣ вручается ею только опредѣленнымъ органамъ суда или администраціи, назначеніе или избраніе которыхъ

Жур. Мин. Юст. Октябрь 1903.

на должность обставлено известными гарантиями их пригодности къ выполнению этой карательной функціи. Такое крупное отступленіе отъ этого основнаго принципа государственнаго права, какъ врученіе карательной власти частнымъ лицамъ по усмотрѣнію самихъ сторонъ, не можетъ быть предполагаемо, а должно основываться на прямомъ и точномъ указаніи закона. Между тѣмъ Положеніе объ упр. Турк. края, какъ мы видѣли, предоставляетъ въ статьѣ 219 карательную власть только народному суду, т. е. единоличнымъ народнымъ судьямъ и ихъ сѣздамъ (ст. 230), но не упоминаетъ при этомъ о третейскомъ судѣ посредниковъ.

Вѣдомство особыхъ сѣздовъ волостныхъ выборныхъ ограничивается распредѣленіемъ зимовыхъ стойбищъ между кочевниками и разборомъ споровъ по поводу этого распредѣленія (ст. 273 Положенія объ упр. Турк. края). Составляются эти сѣзды изъ трехъ выборныхъ отъ каждой волости и предсѣдателя, особо назначаемаго губернаторомъ, на утвержденіе котораго представляются приговоры этого сѣзда. Точное опредѣленіе компетенціи, участіе въ качествѣ предсѣдателя должностнаго лица русской администраціи по выбору губернатора и передача на эти сѣзды дѣлъ по его же распоряженію, — все это устраняетъ случаи разсмотрѣнія сѣздомъ выборныхъ не подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ.

Въ иныхъ условіяхъ обстоитъ дѣло въ чрезвычайныхъ сѣздахъ. Неясность выраженій закона, опредѣляющихъ предметы вѣдомства и подсудность чрезвычайныхъ сѣздовъ породило и „чрезвычайное“ разнообразіе практики въ смежныхъ областяхъ Туркестанскаго края и Степнаго генерал-губернаторства и вызвало рядъ противорѣчивыхъ разъясненій органовъ центральной власти и высшаго мѣстнаго управленія.

Статья 247 Положенія объ упр. Турк. края гласитъ, что „чрезвычайные сѣзды народныхъ судей назначаются по распоряженію губернатора для рѣшенія дѣлъ, въ которыхъ участвуютъ жители разныхъ уѣздовъ или волостей“. Составляются эти сѣзды у осѣдлыхъ туземцевъ изъ судей тѣхъ судебныхъ раіоновъ, къ которымъ принадлежатъ истецъ и отвѣт-

чикъ или подсудимый, а у кочевниковъ—изъ судей тѣхъ волостей, въ которыхъ числятся тяжущіеся или подсудимые, не менѣе одного отъ волости. Такимъ образомъ, по первому взгляду, можно прійти къ выводу, что всѣ уголовныя и гражданскія дѣла, въ которыхъ участвуютъ жители разныхъ волостей, подлежатъ вѣдѣнію чрезвычайныхъ сѣздовъ. Но рядомъ съ 247-ой имѣется въ Туркестанскомъ Положеніи 214 статья, опредѣляющая подсудность уголовныхъ дѣлъ мѣстомъ совершенія преступленія, а гражданскихъ—мѣстомъ жительства отвѣтчика, и кромѣ того предоставляющая искъ, относящійся къ нѣсколькимъ отвѣтчикамъ, предъявлять по мѣсту жительства одного изъ нихъ по выбору истца. Какъ согласовать эти, повидимому, взаимно исключаютія другъ друга подсудности?

Въ Семирѣчьѣ, насколько намъ извѣстно, 247-ой статьѣ придается доминирующее значеніе, въ виду чего нормальная, установленная 214 статьею подсудность примѣняется лишь къ дѣламъ между жителями одной и той же волости; всѣ же дѣла, уголовныя и гражданскія, разъ только участвующія лица жители разныхъ волостей или уѣздовъ, разбираются чрезвычайными сѣздами. Практика эта подкрѣпляется опредѣленіемъ V департамента Сената отъ 2 декабря 1895 года за № 1161, въ которомъ было признано неправильнымъ мнѣніе областного прокурора о подсудности единоличнымъ судьямъ и ихъ сѣздамъ дѣлъ между киргизами, принадлежащими къ разнымъ уѣздамъ или волостямъ. Неправильность этого мнѣнія, говоритъ Сенатъ, доказывается сопоставленіемъ 247 и 231 статей Туркестанскаго Положенія ¹⁾, изъ коихъ явствуетъ (?), что разсмотрѣніе этой категоріи дѣлъ въ чрезвычайныхъ сѣздахъ признается по закону обязательнымъ.

Тургайское областное правленіе не нашло возможнымъ такъ просто разрѣшить этотъ вопросъ и въ засѣданіи общаго присутствія при участіи уѣздныхъ начальниковъ и свѣду-

¹⁾ Статья 231 указываетъ только, что всѣ уголовныя и гражданскія дѣла начинаются у единоличныхъ судей, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ 244 и 247 статьяхъ, т. е. суда посредниковъ и чрезвычайныхъ сѣздовъ.

щихъ лицъ 25 января 1894 года ¹⁾), исходя изъ тѣхъ соображеній, что если примѣнять въ точности правило 214 статьи, то столь полезное учрежденіе, какъ чрезвычайный сѣздъ, было бы фактически упразднено, и что по уголовнымъ дѣламъ чрезвычайные сѣзды состояются изъ судей тѣхъ волостей, въ которыхъ числятся подсудимые, пришло къ заключенію, что вѣдѣнію чрезвычайныхъ сѣздовъ подлежатъ такіа уголовныя дѣла, по которымъ къ отвѣтственности привлекаются нѣсколько подсудимыхъ изъ разныхъ волостей или уѣздовъ. По аналогіи такъ же должна разъясняться и подсудность гражданскихъ дѣлъ, хотя это будетъ въ очевидное противорѣчіе 214 статьи Туркест. Положенія. Затрудняясь поэтому предложить къ руководству какія-либо опредѣленные указанія о подсудности дѣлъ чрезвычайнымъ сѣздамъ, Тургайское областное правленіе постановило просить Земскій отдѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ разъяснить встрѣченное затрудненіе. Въ отвѣтъ на это въ предложеніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ по Земскому отдѣлу отъ 30 іюня 1894 г. за № 154 было разъяснено, что чрезвычайному сѣзду судей, созванному въ извѣстной волости и въ извѣстномъ уѣздѣ, подсудны: 1) дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, совершеннымъ въ этой волости или уѣздѣ лицами другихъ волостей или уѣздовъ, и 2) гражданскія дѣла, по коимъ лица, живущія въ предѣлахъ той же волости или уѣзда, являются отвѣтчиками передъ лицами другихъ волостей или уѣздовъ ²⁾).

Такимъ образомъ, цитированными разъясненіями Сената и земскаго отдѣла чрезвычайные сѣзды, по самому названію своему должныя представлять исключительное явленіе, преобразованы въ обыкновенный, постоянно дѣйствующій судъ для дѣлъ между туземцами разныхъ волостей и уѣздовъ.

Въ коренныхъ областяхъ Туркестанскаго края усвоенъ

¹⁾ Вопросы управленія, хозяйства и суда въ Тургайской области, изд. 1894 г. Оренбургъ, стр. 3.

²⁾ См. тамъ же, приложенія, стр. 19.

совершенно иной взглядъ на предѣлы вѣдомства этого суда. Почти немедленно послѣ изданія Положенія объ упр. Турк. края, въ январѣ 1887 года Совѣту туркестанскаго генералъ-губернатора пришлось обсуждать представленіе военнаго губернатора Ферганской области генералъ-маіора Н. А. Иванова о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ при примѣненіи на практикѣ 247 ст. Положенія.

По точному смыслу этой статьи, говорится въ представленіи губернатора, разбору чрезвычайныхъ сѣздовъ подлежатъ всѣ дѣла между туземцами разныхъ уѣздовъ или волостей; въ виду же значительнаго числа этихъ дѣлъ представится невозможнымъ правильное распределеніе времени созыва сѣздовъ въ разныхъ волостяхъ, а отъ туземной администраціи потребуются непосильный трудъ по розыску и доставленію вызываемыхъ лицъ; кромѣ того, за частымъ отвлеченіемъ судей на сѣзды, судебные раіоны останутся безъ суда, въ особенности у осѣдлаго населенія. Такимъ образомъ, назначеніе чрезвычайныхъ сѣздовъ по всѣмъ дѣламъ между туземцами разныхъ волостей, если не невозможно, то будетъ затягиваться годами; наконецъ, сами истцы, если они не обладаютъ достаткомъ, будутъ поставлены въ затрудненіе обязанностью являться въ сѣздъ, удаленный отъ ихъ мѣста жительства; масса же прибывающихъ на сѣздъ заинтересованныхъ лицъ не найдетъ ни помѣщеній, ни чѣмъ содержать себя. Иллюстраціей ненормальности подобнаго порядка вещей военный губернаторъ привелъ случай обращенія одного маргеланскаго жителя съ искомымъ прошеніемъ на временно проживающаго въ Маргеланѣ ташкентскаго сарта. Для созыва чрезвычайнаго сѣзда по сему дѣлу изъ судей городовъ Маргелана и Ташкента потребовалось бы продолжительное время, а неназначеніе этого дѣла къ немедленному разсмотрѣнію можетъ имѣть послѣдствіемъ то, что истецъ лишится удовлетворенія, если ташкентецъ выбудетъ изъ Маргелана и впослѣдствіи не будетъ найденъ; принять же противъ него какую-либо мѣру пресѣченія способовъ уклоненія отъ суда не представляется законныхъ основаній (да и не имѣется, добавимъ мы отъ себя, уполномоченнаго на это органа чрезвычайнаго сѣзда).

По мнѣнію Ферганскаго областного правленія, чрезвычайные сѣзды полезны для разсмотрѣнія дѣлъ, возникающихъ между цѣлыми обществами разныхъ судебныхъ районовъ, и то для дѣлъ, выдающихся по своему значенію, къ которымъ можно отнести споры поземельные и споры о пользованіи водою; всѣ же остальные дѣла слѣдовало бы разбирать на точномъ основаніи 214 и 240 ст. мѣстнаго Положенія (т. е. обыкновеннымъ народнымъ судомъ).

Разсмотрѣвъ это представленіе, Совѣтъ Туркестанскаго генераль-губернатора нашель, что 247 статья не составляетъ исключенія изъ общаго правила 214 статьи, а заключаетъ самостоятельное законоположеніе, дополняющее эту статью, обнимая только тѣ случаи, когда 214 статья не можетъ имѣть примѣненія, а именно: когда цѣлое селеніе, волость или даже уѣздъ предъявляютъ искъ къ селенію, волости или уѣзду, а равно, когда преступленіе совершено жителями одного селенія въ отношеніи другаго. Согласно съ этимъ взглядомъ Совѣтъ генераль-губернатора разъяснилъ, что изъ дѣлъ, въ которыхъ являются участвующими сторонами жители разныхъ уѣздовъ или областей, военные губернаторы передаютъ въ назначаемые ими чрезвычайные сѣзды дѣла, исключительно относящіеся до цѣлыхъ обществъ разныхъ судебныхъ районовъ, и притомъ возникающія изъ споровъ поземельныхъ или о пользованіи водою, а остальные дѣла между тѣми же жителями направляютъ на точномъ основаніи 214 ст. Положенія.

Въ 1897 году въ виду недоразумѣній, проистекавшихъ изъ-за различнаго толкованія компетенціи чрезвычайныхъ сѣздовъ въ Сыръ-Дарьинской и сосѣднихъ областяхъ Степнаго генераль-губернаторства, Совѣтъ Туркестанскаго генераль-губернатора въ засѣданіи 20 ноября вновь пересмотрѣлъ этотъ вопросъ и, оставаясь при прежнемъ мнѣніи, призналъ необходимымъ войти съ ходатайствомъ объ измѣненіи въ законодательномъ порядкѣ 247 статьи Положенія въ смыслѣ подчиненія вѣдѣнію чрезвычайныхъ сѣздовъ лишь дѣлъ, возникающихъ между жителями разныхъ волостей о поземельныхъ спорахъ и о пользованіи водою. Но, очевидно, законода-

тельной санкціи это ходатайство не получило, ибо и по настоящее время 247 статьи остается неизмѣнной ¹⁾).

Съ своей стороны, мы полагаемъ, что ни то, ни другое толкованіе 247 статьи не могутъ быть признаны правильными.

Категорическое утвержденіе, что по смыслу 214 и 247 статей чрезвычайнымъ сѣздамъ подсудны всѣ дѣла между туземцами различныхъ волостей и уѣздовъ, именно не согласно со смысломъ этихъ статей и на практикѣ должно породить серьезныя затрудненія. При такомъ утвержденіи общее правило 214 статьи о подсудности уголовныхъ дѣлъ по мѣсту совершения преступленія и гражданскихъ—по мѣсту жительства отвѣтчика парализуется совершенно, и принципомъ подсудности выдвигается только принадлежность сторонъ къ жителямъ той или другой волости. Власть единоличнаго народнаго судьи и обыкновенныхъ сѣздовъ ограничивается, такимъ образомъ, лишь туземцами, приписанными къ мѣстному обществу и постоянно проживающими въ ихъ судебномъ районѣ; доминирующее значеніе пріобрѣтаетъ чрезвычайный сѣздъ. Но тутъ встаетъ неустранимое противорѣчіе съ послѣдней частью 214 статьи, гласящей, что искъ въ нѣсколькимъ отвѣтчикамъ предъявляется по мѣсту жительства одного изъ нихъ по выбору истца. Конечно, здѣсь имѣются въ виду отвѣтчики, проживающіе въ разныхъ судебныхъ районахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ для истца не представлялось-бы никакого выбора,—если всѣ отвѣтчики живутъ въ одномъ судебномъ районѣ, то только у одного народнаго судьи по ихъ мѣсту жительства и можетъ быть предъявленъ искъ. А такъ какъ у осѣдлаго населенія, на основаніи 222 ст. Положенія объ упр. Турк. края, народныя судьи имѣются, не болѣе одного на волость, то отсюда

¹⁾ По тексту ея, къ обязанностямъ чрезвычайныхъ сѣздовъ относится еще рассмотрѣніе ходатайствъ народныхъ судей и ихъ сѣздовъ о высылкѣ подсудимыхъ. Послѣ изданія закона 10 іюня 1900 года объ отмѣнѣ ссылки редакція 247 ст. должна была бы подвергнуться измѣненію, такъ какъ чрезвычайные сѣзды уже не могутъ въ настоящее время принимать участія въ административной высылкѣ.

ясно, что выборъ между народными судьями можетъ быть произведенъ только въ томъ случаѣ, когда отвѣтчики проживаютъ въ разныхъ волостяхъ, т. е. когда въ отношеніи одного или нѣсколькихъ изъ этихъ отвѣтчиковъ истецъ будетъ жителемъ чужой волости, и, слѣдовательно, согласно оспариваемому нами мнѣнію, долженъ былъ бы обратиться со своимъ искомъ въ чрезвычайный съѣздъ.

Такимъ образомъ, смыслъ 214 статьи не подтверждаетъ, а, наоборотъ, опровергаетъ толкованіе подсудности чрезвычайнымъ съѣздамъ всѣхъ дѣлъ между туземцами разныхъ волостей. Теперь укажемъ, къ какому практическому абсурду приводитъ это толкованіе.

Въ былые годы, когда вслѣдствіе несовершенства путей сообщенія передвиженія на большія пространства между осѣдлыми туземцами были рѣдкою и кочевники совершали всегда опредѣленные по мѣсту и времени переходы съ зимовокъ на лѣтовки и обратно, и пришлаго элемента среди кореннаго населенія было мало, то не представлялось практическихъ затрудненій въ образованіи чрезвычайныхъ съѣздовъ изъ народныхъ судей тѣхъ судебныхъ раіоновъ, къ которымъ принадлежали стороны, почти всегда близкіе между собою сосѣди. Въ настоящее же время съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, съ развитіемъ торговыхъ сношеній на большія пространства, съ приростомъ населенія, лишаящимъ возможности найти заработокъ и пропитаніе на родинѣ, туземцы очень часто отправляются на отхожіе промыслы въ сосѣдніе волости или уѣзды, а иногда даже и въ другія области Туркестанскаго края. Поэтому не только въ областныхъ городахъ и бойкихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ, какъ Ташкентѣ, Самаркандѣ, Ковандѣ и Маргеланѣ, но и въ любомъ уѣздномъ городѣ или большомъ селеніи обитаетъ не мало пришлаго торговаго и рабочаго люда. Неужели въ намѣренія составителей Положенія 1886 года входило изъять ихъ всѣхъ изъ подсудности обыкновенному народному суду и подчинить чрезвычайнымъ съѣздамъ ¹⁾? Вѣдь для примѣне-

¹⁾ Высказывалось между прочимъ мнѣніе, что чрезвычайнымъ съѣздамъ под-

нія такого не имѣющаго разумнаго основанія правила пришлось бы, напр., въ Ташкентѣ постоянно держать народныхъ судей изъ всѣхъ судебныхъ районовъ всего Туркестанскаго края, т. е. тысячи судей, такъ какъ въ Ташкентѣ стекаются туземцы со всѣхъ концовъ, и этотъ-то постоянно мѣняющійся бродячій людъ и даетъ народнымъ судьямъ, пожалуй, больше дѣлъ, чѣмъ коренное населеніе города. Или, быть можетъ, каждый разъ, когда попадется въ какой-нибудь краѣ киргизъ изъ подъ Казалинска, а то и Копала, или будетъ предъявленъ искъ къ сарту гор. Самарканда или Андижана, вызывать судей изъ этихъ городовъ? Кто же будетъ оплачивать ихъ проѣзды на сотни и тысячи верстъ? Какъ отзовется такой сложный и медлительный порядокъ судоустройства на интересахъ сторонъ? На всѣ эти вопросы отвѣтъ напрашивается самъ собою...

Но если подобная организація чрезвычайныхъ сѣздовъ немыслима на практикѣ и несогласна съ закономъ, то едва-ли правильно юридически и мнѣніе Совѣта Туркестанскаго генералъ-губернатора, полагающаго, что чрезвычайные сѣзды функционируютъ лишь тогда, когда 214 ст. Положенія не можетъ имѣть примѣненія, а именно—когда предъявленъ искъ или совершено преступленіе цѣлымъ селеніемъ, волостью или уѣздомъ противъ другаго селенія, волости или уѣзда. Статья 214 и здѣсь примѣнима,—уголовное дѣло будетъ подлежать разсмотрѣнію народнаго судьи по мѣсту совершенія преступленія, а гражданское—по мѣсту жительства одного изъ отвѣтчиковъ по выбору истца. Въ томъ-то и суть, что здѣсь не невозможно, а нежелательно примѣненіе 214 статьи. Когда въ дѣлѣ участвуетъ большой кругъ лицъ, когда оно приобретаетъ, такимъ образомъ, въ данной мѣстности выдающееся общественное значеніе, весьма

судны дѣла только лицъ, *живущихъ* въ разныхъ волостяхъ; жители же одной мѣстности, но принадлежащіе по мѣсту приписки къ разнымъ волостямъ, подсудны обыкновенному народному суду. Однако, противъ этого мнѣнія буквальный текстъ 247 статьи, указывающей, что въ чрезвычайныхъ сѣздахъ участвуютъ народные судьи тѣхъ судебныхъ районовъ или волостей, къ которымъ *принадлежатъ* или въ которыхъ *числятся* (а не проживаютъ) стороны.

естественно предположеніе, что народные судьи будутъ не чужды партійныхъ или родовыхъ симпатій и антипатій и что ихъ рѣшенія не представляютъ достаточной гарантіи спокойствія и безпристрастія, необходимыхъ для правильнаго отправленія правосудія. Къ такимъ дѣламъ, какъ правильно указывало Ферганское областное правленіе, прежде всего относятся поземельные споры между сельскими обществами различныхъ волостей и уѣздовъ и споры о пользованіи водою. Но возможно, что и дѣла между отдѣльными лицами, въ видахъ безпристрастнаго разрѣшенія ихъ споровъ, представится необходимымъ изъять изъ вѣдѣнія мѣстныхъ судей, принадлежащихъ въ партіи или роду отвѣтчика или обвинителя. Въ такихъ случаяхъ, по мысли законодателя, образуется чрезвычайный съѣздъ, въ составъ котораго кромѣ судей, избираемыхъ сторонами, входятъ и назначаемые уѣздными начальниками.

Какія дѣла должны разбираться въ такомъ особомъ, исключительномъ по своему составу съѣздѣ, законодатель не указываетъ, потому что невозможно предугадать напередъ, при какихъ условіяхъ и по какому рода дѣламъ представится надобность въ созваніи чрезвычайнаго съѣзда. Сдѣлано лишь указаніе на общій руководящій принципъ для примѣненія такой экстраординарной мѣры—участіе въ процессѣ жителей разныхъ уѣздовъ или волостей. Отдѣлка же каждаго даннаго повода къ передачѣ дѣла на чрезвычайный съѣздъ предоставлена высшей административной власти въ области—военному губернатору, вслѣдствіе чего 247 статья и начинается словами:— „Чрезвычайные съѣзды народныхъ судей назначаются по распоряженію губернатора....“

При обсужденіи вопроса о согласованіи 214 и 247 статей Туркестанскаго Положенія на это правило не было обращено вниманія, тогда какъ, по нашему убѣжденію, въ немъто и заключается разъясненіе всѣхъ спорныхъ пунктовъ, и только такимъ путемъ устраняются не только всѣ противорѣчія, но и тѣ кажущіяся затрудненія, которыя возникаютъ изъ разнообразія практики сосѣднихъ областей. Это разнообразіе необходимо; оно вытекаетъ изъ различія условій, въ

которыхъ находится та или другая часть пестраго по своему образу жизни, правамъ и обычаямъ туземнаго населенія; оно обусловливается и характеромъ дѣлъ, возникающихъ въ данной мѣстности. Тамъ, гдѣ земельныя отношенія не установились, гдѣ вслѣдствіе недостатка воды или по другимъ причинамъ осложнены и обострены споры изъ-за пользованія водою, гдѣ старинная партійная вражда является почвой для возбужденія неосновательныхъ дѣлъ и народныя судьи изъ господствующей партіи поддерживаютъ послѣднюю, тамъ, конечно, чаще будутъ назначаться чрезвычайныя сѣзды и, быть можетъ, даже стануть на нѣкоторое время обычнымъ явленіемъ. Въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ правовая жизнь протекаетъ при болѣе нормальныхъ условіяхъ, какъ, напр., въ Сырь-Дарьинской области, чрезвычайныя сѣзды будутъ рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ.

Такимъ образомъ, всѣ туземцы, безъ различія, приписаны ли они къ одной или разнымъ волостямъ, проживаютъ ли въ различныхъ судебныхъ районахъ,—подлежатъ суду мѣстныхъ народныхъ судей и ихъ сѣздовъ. Въ чрезвычайныя же сѣзды передаются дѣла жителей разныхъ уѣздовъ или волостей, въ случаѣ ходатайства о томъ сторонъ или уѣздной администраціи, исключительно по распоряженію военнаго губернатора.

Этотъ принципъ разграниченія подсудности твердо проводился на практикѣ прокурорскимъ надзоромъ Ташкентскаго окружнаго суда, отказывавшимъ въ домогательствахъ объ опротестованіи приговоровъ и рѣшеній народныхъ судей только на томъ основаніи, что стороны жители разныхъ уѣздовъ или волостей. Въ томъ же смыслѣ было разрѣшено и прокуроромъ Ташкентской судебной палаты пререканіе по сему предмету между прокурорскимъ надзоромъ двухъ сосѣднихъ судовъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на одинъ родъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ въ изыатіе изъ общаго правила непосредственному разбирательству сѣздовъ помимо единоличныхъ народныхъ судей и, слѣдовательно, безъ гарантіи двухъ инстанцій, представляемой всѣмъ другимъ

дѣламъ. На основаніи 254 статьи Положенія объ управленіи Туркестанскаго края за упущенія и злоупотребленія по опекабъ опекуны подлежатъ отвѣтственности, уголовной и гражданской, по суду свѣзда народныхъ судей. Надо полагать, что основаніемъ къ такому изъятію послужило то соображеніе, что по 252 статьѣ того же Положенія у осѣдлыхъ туземцевъ опекунами дѣлами завѣдываетъ участковый народный судья, который назначаетъ опекуновъ, а потому до извѣстной степени является и самъ отвѣтственнымъ за выборъ и дѣйствія опекуна, доведшаго дѣло до необходимости предьявленія противъ него исковъ или уголовного обвиненія. Но эти соображенія касаются лишь народныхъ судей осѣдлаго населенія. У кочевниковъ же, какъ это совершенно правильно разъяснено циркуляромъ Туркестанскаго генералъ-губернатора 1 декабря 1901 года, на основаніи 241 ст. 1 ч. X т. Свод. зак., назначаетъ опекуновъ и повѣряетъ ихъ дѣйствія аульный сходъ.

VI.

Отсутствіе со стороны праваго увѣренности въ справедливости и безпристрастіи народныхъ судей и желаніе неправаго разбираться у судьи, ему благопріятствующаго, является причиною замѣчаемаго среди туземнаго населенія стремленія къ созданію искусственной мѣстной подсудности въ обходъ 214 ст. Положенія.

Особенно рельефно эта характерная черта въ туземной правовой жизни сказывается по дѣламъ брачнымъ и семейнымъ у кочевниковъ-киргизовъ. Обыкновенно, когда мальчуганъ еще только начинаетъ ходить, родители уже подыскиваютъ ему невѣсту и приступаютъ къ уплатѣ исподволь условленнаго калыма. Проходятъ года, подрастаютъ женихъ и невѣста; иногда они сами сопротивляются намѣченному браку, иногда родители того или другаго находятъ для себя болѣе выгоднымъ заключить новую брачную сдѣлку, и въ результатѣ возникаетъ рядъ исковъ о возвратѣ калыма, о присужденіи невѣсты въ жены тому, кто уже выплатилъ калымъ;

нерѣдко эти споры осложняются насильственнымъ похищеніемъ невѣсты или отобраніемъ взаимнѣ калыма какого-либо имущества ея родственниковъ и даже одноаульцевъ. Умереть женихъ или невѣста раньше брака, начинаются притязанія на невѣсту со стороны родственниковъ умершаго, или наоборотъ предъявляются требованія о возвратѣ калыма, отъ котораго давно уже ничего не осталось. Всѣ эти отношенія еще болѣе запутываются, когда вопреки обычаю молодая вдова умершаго не хочетъ переходить вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ имуществомъ въ жены его старому родственнику. Случается, что и послѣдній и руками и ногами упирается отъ брачнаго сожителства съ достающейся ему по наслѣдству дряхлой старухой. Каждая сторона заинтересована, чтобы возникающее судебное дѣло было разобрано своимъ судьей, не безъ основанія полагая, что онъ поддержитъ и не дастъ своего въ обиду чужому, а между тѣмъ искъ надо предъявлять по мѣсту жительства отвѣтчика. Чтобы выйти изъ этого нежелательнаго положенія туземцы, давно уже усвоившіе правила мѣстной подсудности, рядомъ съ гражданскимъ искомъ о возвратѣ бѣжавшей жены или похищенной до полной уплаты калыма невѣсты предъявляютъ вымышленное обвиненіе въ кражѣ, побояхъ, насиліи и т. п., при чемъ мѣстомъ совершенія преступленія указываютъ свой аулъ. Добившись этимъ путемъ подсудности дѣла своему судѣ, истецъ или лично входитъ съ послѣднимъ въ сдѣлку, или вліяетъ на него черезъ посредство богатыхъ и сильныхъ родственниковъ; однимъ словомъ, принимаетъ все мѣры къ тому, чтобы дѣло рѣшилось въ его пользу, и въ большинствѣ случаевъ достигаетъ успѣшныхъ результатовъ.

Черезъ наши руки за періодъ времени почти въ 4 года прошло не мало рѣшеній по подобнаго рода дѣламъ, и почти всегда можно было предугадать заранѣе, что если брачное дѣло вслѣдствіе искусственно измѣненной подсудности разбиралось судьей той волости, къ которой принадлежитъ истецъ, то исковыя требованія окажутся удовлетворенными. Всѣ эти рѣшенія опротестовывались за нарушеніемъ 214 ст. Положенія и отмѣнялись окружнымъ судомъ, разъяснявшимъ непра-

вильность соединенія гражданскаго дѣла съ уголовнымъ для созданія подсудности народному суду по мѣсту жительства или приписки истца.

Точно такъ же искусственно измѣняется подсудность брачныхъ и семейныхъ дѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ виду принадлежности сторонъ къ разнымъ народностямъ или жительства отвѣтчика въ предѣлахъ русскихъ селеній дѣло подлежитъ вѣдѣнію общеимперскихъ судебныхъ мѣстъ, гдѣ несправедливыя и чрезмѣрные требованія истца, конечно, не найдутъ себѣ поддержки.

Укажемъ пришедшій на память одинъ случай настойчивости киргиза въ стремленіи, чтобы его дѣло разбиралось не въ русскомъ, а въ народномъ судѣ. Явившись какъ-то въ камеру прокурора Ташкентскаго окружнаго суда, киргизъ Джаналиевъ заявилъ жалобу на непринятіе народнымъ судьей гор. Ташкента его иска о возвратѣ къ нему бѣжавшей жены — татарки по отцу и сартянки по матери. Получивъ разъясненіе, что ему надлежитъ со своимъ искомъ обратиться въ русскія судебныя установленія, Джаналиевъ удалился, а черезъ нѣкоторое время къ прокурору поступило прошеніе объ отмѣнѣ рѣшенія народнаго судьи кочеваго населенія (бія) подгородной Зенгиатинской волости, которымъ жена Джаналиева была присуждена „или идти жить къ мужу, или уплатить въ двухнедѣльный срокъ 80 тиллей“. За нарушеніемъ 143 и 214 ст. Положенія объ упр. Турк. края на рѣшеніе это прокуроромъ былъ поданъ протестъ, и окружный судъ, отмѣнивъ рѣшеніе, разъяснилъ, что искъ Джаналиева въ виду принадлежности сторонъ къ различнымъ народностямъ, имѣющимъ отдѣльные суды, подсуденъ русскому суду. Тогда Джаналиевъ у того же народнаго судьи предъявилъ противъ отчима и матери своей жены обвиненіе въ похищеніи послѣдней и въ кражѣ, и народный судья первого, какъ киргиза, присудилъ къ заключенію въ тюрьму на 3 мѣсяца и къ уплатѣ Джаналиеву 89 рублей; въ отношеніи же второй, какъ сартянки, призналъ дѣло себѣ неподсуднымъ. По опротестованіи и отмѣнѣ и этого рѣшенія Джаналиевъ снова явился къ прокурору и, доказывая, что жена его киргизка, такъ какъ ея отчимъ киргизъ,

домогался признанія его дѣла подсуднымъ народному суду, но не соглашался на предъявленіе иска въ судѣ русскомъ, очевидно, будучи убѣжденъ въ неосновательности своихъ притязаній.

Говоримъ „очевидно“ потому, что сначала робко, а за послѣднее время все чаще и чаще, туземцы, убѣжденные въ своей правотѣ, ходатайствуютъ о передачѣ ихъ дѣлъ на разсмотрѣніе русскаго суда, при чемъ иногда прямо указываютъ, что не надѣются на справедливость и неподкупность своихъ судей и желаютъ воспользоваться дарованнымъ всѣмъ остальнымъ подданнымъ Вѣлаго Царя правомъ судиться въ Его судѣ. Въ большинствѣ же случаевъ это домогательство бываетъ замаскировано или вымышленнымъ обвиненіемъ въ разбоѣ, грабежѣ, покушеніи на убійство и т. п., или несогласнымъ съ дѣйствительностью, указаніемъ, что преступленіе было совершено въ предѣлахъ русскаго города. Конечно, по разслѣдованіи обстоятельствъ дѣла выясняются въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и мѣстные представители русской судебной и административной власти, симпатизируя въ душѣ этому желанію судиться въ русскомъ судѣ и понимая, что такое желаніе должно было бы поощряться, какъ въ интересахъ справедливости, такъ и государственной политики, поневолѣ считаются съ необходимостью соглашенія сторонъ (да и то лишь по гражданскимъ дѣламъ) на передачу дѣла въ русскій судъ и отказываютъ ищущимъ правды въ ихъ справедливыхъ по существу, но несогласныхъ съ закономъ ходатайствахъ.

Въ виду этого нельзя не высказать пожеланія, чтобы не только въ интересахъ правильнаго отправленія правосудія, но и въ цѣляхъ приближенія къ туземному населенію и доступности русскаго суда было уничтожено не имѣющее пракческаго значенія требованіе соглашенія сторонъ на разсмотрѣніе дѣла русскимъ судомъ (Врем. правила 2 іюня 1898 г. ст. 26) и предоставлены вѣдѣнію послѣдняго всѣ дѣла между туземцами въ случаѣ заявленія которою-либо изъ сторонъ ходатайства объ изъятіи дѣла изъ разбирательства народнаго суда.

Говоря о мѣстной подсудности, мы должны еще указать,

что въ отступленіе отъ правила разбирательства дѣло по мѣсту совершенія преступленія или жительства отвѣтчика, въ случаѣ отвода судей по необходимости дѣло можетъ быть передано на разсмотрѣніе другого ближайшаго судьи или сѣзда. Вопросъ о томъ, какъ поступать при отводахъ, совершенно не разработанъ въ Положеніи объ упр. Турк. края, не даетъ на него отвѣта и обычное право. Въ иныхъ мѣстахъ уѣздные начальники по полученіи заявленія объ отводѣ того или другого народнаго судьи или нѣсколькихъ судей, входящихъ въ составъ даннаго сѣзда, лично разрѣшаютъ вопросъ о степени уважительности причинъ отвода и собственною властью указываютъ какого-либо другаго судью или сѣздъ, предписывая имъ разобрать дѣло, въ другихъ—этимъ распоряжаются областныя правленія. Иногда даже самъ отведенный судья передавалъ дѣло на разсмотрѣніе своего кандидата.

Въ настоящее время это разнообразіе практики устранено указами Правительствующаго Сената отъ 15 января 1901 года за № 321 и 319, данными Туркестанскому генералъ-губернатору и Сыръ-Дарьинскому областному правленію. Несмотря на отсутствіе въ Положеніи объ упр. Турк. края указаній на право отвода сторонами народныхъ судей осѣдлага населенія,—ст. 232 предоставляетъ право немотивированнаго отвода двухъ судей только въ судѣ кочеваго населенія,—Сенатъ по дѣлу объ отводѣ сартомъ Ходжиновымъ членовъ сѣзда народныхъ судей города Ташкента призналъ, что въ случаѣ отвода противъ даннаго народнаго судьи, на основаніи ст. 16 прим., 43 и 45 учр. суд. уст. и ст. 197 и 199 уст. гр. суд. по аналогіи между добавочными мировыми судьями и кандидатами народныхъ судей, отведенный судья можетъ быть замѣненъ своимъ кандидатомъ. Если же отводъ предъявленъ противъ одного или нѣсколькихъ народныхъ судей, входящихъ въ составъ сѣзда, какъ апелляціонной инстанціи, то помимо замѣны каждаго изъ отводимыхъ судей ихъ кандидатами имѣется и другой способъ разрѣшенія вопроса, а именно: примѣнительно къ ст. 677 и 678 уст. гр. суд. дѣло можетъ быть передано областнымъ правленіемъ

въ другой сѣздъ народныхъ судей; составленіе же особаго сѣзда изъ однихъ кандидатовъ народныхъ судей, какъ было сдѣлано по обжалованному опредѣленію областного правленія, не соотвѣтствуетъ смыслу ни 225 ст. Турк. Положенія, ни Судебнымъ уставамъ.

Любопытно, что въ томъ же указѣ Сырь-Дарьинскому областному правленію Севать, игнорируя 218 ст. Положенія и руководствуясь тѣмъ, что постановленное сѣздомъ кандидатовъ рѣшеніе не приведено въ исполненіе, отмѣнили обжалованное опредѣленіе областного правленія со всѣми послѣдствіями, т. е. и постановленное на основаніи этого опредѣленія рѣшеніе сѣзда. Кромѣ того, узаконивъ право отводовъ и предоставивъ областнымъ правленіямъ пополнять сѣзды кандидатами или передавать дѣла въ другіе сѣзды, Сенать оставилъ практикѣ рядъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Почему распоряженія, сопряженные съ отводами народныхъ судей, должны быть отнесены къ обязанностямъ областного правленія? Должно ли оно при этомъ входить въ обсужденіе основательности отводовъ, или это лежитъ на самомъ отводимомъ судѣ, обязанномъ сообразоваться съ мѣстными обычаями? Въ какихъ случаяхъ эти отводы допустимы? Можетъ ли и долженъ ли устранять себя отъ участія въ дѣлѣ при извѣстныхъ случаяхъ самъ судья? Какъ поступать прокурорскому надзору въ тѣхъ случаяхъ, когда подана просьба объ отмѣнѣ рѣшенія на томъ основаніи, что народный судья не уважилъ предъявленнаго противъ него отвода и рассмотрѣлъ дѣло? Нужно ли здѣсь предварительно передать обсужденіе вопроса о законности и основательности отвода на разсмотрѣніе областного правленія и затѣмъ уже, сообразуясь съ опредѣленіемъ послѣдняго, вносить протестъ, или судъ непосредственно по протесту имѣетъ право обсуждать правильность дѣйствій народнаго судьи? Всѣ эти вопросы назойливо встаютъ теперь передъ органами русской власти, сталкивающимися повседневно съ дѣятельностью народныхъ судовъ. и ждуть разрѣшенія.

Разрѣшать ихъ на основаніи Судебныхъ уставовъ мы не считали себя въ правѣ, и когда уѣздные начальники

обращались къ намъ за разъясненіями, какъ поступать въ этихъ случаяхъ, то рекомендовали имъ ходатайствовать передъ губернаторомъ о передачѣ подобныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе чрезвычайныхъ съѣздовъ, и такимъ образомъ всѣ спорные вопросы падали сами собою.

Быть можетъ, въ виду возможности подобнаго разрѣшенія ихъ, Положеніе объ упр. Турк. края не безъ умысла умалчиваетъ объ отводахъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

№ 10.

ДЕКАБРЬ

1903.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская Типографія
1903.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ВЪ НАРОДНОМЪ СУДѢ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

С. Н. Трегубова.

(*Окончаніе*) ¹⁾.

VII.

Объемъ превышенія власти, какъ повода къ отмѣнѣ рѣшеній народнаго суда, не всѣми опредѣляется одинаково; часто среди судебныхъ дѣятелей Туркестанскаго края возникали споры о томъ, подходитъ ли подъ это понятіе то или другое нарушеніе, и даже высказывалось мнѣніе, что подъ превышеніемъ власти слѣдуетъ разумѣть только случаи присужденія народными судьями къ наказаніямъ свыше сроковъ, установленныхъ въ 219 ст. Туркестанскаго Положенія.

Мы полагаемъ, что къ принятію такого ограничительнаго толкованія не представляется достаточныхъ основаній, такъ какъ ограниченіе это нельзя вывести ни изъ буквальнаго смысла выраженія закона „превышеніе власти“, ни изъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовались при установленіи обязанности прокурорскаго надзора—опротестовывать, а окружающихъ судовъ—отмѣнять приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти.

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст. Октябрь, стр. 65.

Понятіе это не новое въ нашемъ законодательствѣ,—его знаютъ и уложеніе о наказаніяхъ (ст. 338), и Судебные уставы; но, конечно, превышеніе власти, какъ преступное дѣяніе, наказуемое по 341—343 ст. улож. о наказ., отличается по своему объему и существеннымъ признакамъ отъ нарушенія предѣловъ власти, влекущаго по 186 и 793 ст. уст. гражд. суд. и 174 и 912 ст. уст. угол. суд. отмѣну приговоровъ и рѣшеній въ порядкѣ кассационномъ. Очевидно, не понятіе преступленія, а этотъ послѣдній видъ превышенія власти, подразумѣваетъ 218 ст. Положенія объ управленіи Туркестанскаго края, а потому для правильнаго пониманія ея необходимо обратиться къ понятію превышенія или нарушенія предѣловъ власти по Судебнымъ уставамъ.

Изъ нашихъ процессуалистовъ большинство только вскользь касается этого понятія. Такъ, профессоръ Фойницкій, повидимому, признаетъ, что 3 п. 912 ст. уст. угол. суд. предусматриваетъ лишь одинъ видъ кассациі—нарушеніе подсудности. Въ своемъ курсѣ уголовного судопроизводства (второй выпускъ, т. II стр. 165). Фойницкій, между другими поводами кассациі, заключающимися въ нарушеніи законовъ процессуальныхъ, указываетъ: „превышеніе предѣловъ вѣдомства и власти суда, т. е. принятіе къ производству неподсуднаго ему дѣла“. Но въ уставѣ уголовного судопроизводства говорится не о нарушеніи предѣловъ *вѣдомства и власти*, а *вѣдомства или власти*. Еще яснѣе въ этомъ отношеніи текстъ 218 ст. Положенія объ упр. Турк. края, гласящій, что подлежатъ отмѣнѣ приговоры и рѣшенія народнаго суда, поставленные съ превышеніемъ власти или по дѣламъ ему неподсуднымъ. Отсюда явствуетъ, что Положеніе объ упр. Турк. края не отождествляетъ этихъ двухъ поводовъ кассациі. Не отождествляетъ ихъ и профессоръ Случевскій. Въ Учебникѣ русскаго уголовного судопроизводства (стр. 776) онъ указываетъ, какъ примѣры предусмотрѣннаго 3 п. 912 ст. уст. угол. суд. нарушенія судомъ предѣловъ вѣдомства или власти,—разсмотрѣніе уголовнымъ судомъ гражданскаго дѣла, возобновленіе дѣла безъ разрѣшенія Сената, рѣшеніе дѣла не въ надлежащемъ присутствіи. Подробнѣе другихъ останавливается на

опредѣленіи судопроизводственнаго понятія превышенія власти сенаторъ Будковскій въ своихъ „Очеркахъ судебныхъ порядковъ“ (стр. 63 и 124). Указывая, что въ строгомъ смыслѣ всякое нарушеніе порядка судопроизводства есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушеніе предѣловъ принадлежащей суду власти, Будковскій полагаетъ, что Судебные уставы, поставляя въ особую категорію нарушенія предѣловъ власти, имѣли въ виду подъ этимъ опредѣленіемъ наиболѣе явныя и важныя нарушенія коренныхъ правилъ судопроизводства. Перечисляя засимъ отдѣльныя относящіяся сюда случаи, Будковскій приходитъ къ выводу, что нарушеніе этихъ основныхъ правилъ судопроизводства, очерчивающихъ предѣлы власти суда, должно влечь за собою безусловную отмѣну приговора, какъ не могущаго имѣть силу судебного рѣшенія ни въ какомъ случаѣ, и подлежать исправленію кассационною инстанціею даже помимо указаній на нихъ кассаторовъ.

Исходя изъ этого понятія превышенія власти, какъ нарушенія основныхъ правилъ судопроизводства, и имѣя въ виду, что по отношенію къ народному суду, которому предоставлено при разрѣшеніи дѣлъ руководствоваться своими матеріальными и судопроизводственными обычаями, эти основныя правила изложены въ немногихъ статьяхъ Положенія объ упр. Турк. края (211 и слѣд.), мы утверждаемъ, что подъ превышеніемъ народнымъ судомъ своей власти слѣдуетъ разумѣть всѣ случаи нарушенія имъ этихъ обязательныхъ для него статей Положенія, тѣмъ болѣе, что при иномъ толкованіи невозможность исправленія этихъ нарушеній путемъ отмѣны приговора или рѣшенія по протесту прокурора сдѣлала бы эти велѣнія закона мертвою буквою. Они приобрѣли бы характеръ лишь добрыхъ пожеланій, неисполненіе которыхъ не влекло бы за собой никакихъ результатовъ и къ соблюденію которыхъ у народнаго суда не было бы понудительныхъ основаній.

Дальнѣйшее изложеніе отдѣльныхъ случаевъ покажетъ, насколько важно такое пониманіе превышенія власти, какъ въ интересахъ государственной политики, такъ и для возстановленія иной разъ цинично попираемой правды и справедливости.

Но если, съ одной стороны, понятіе превышенія власти объемлетъ собою всѣ случаи нарушенія народнымъ судомъ нормирующихъ его дѣятельность статей Положенія объ упр. Турк. края, то съ другой—всѣ отступленія отъ обычаевъ, установленныхъ у кочевниковъ адатомъ, такъ же, какъ и нарушенія правилъ писаннаго мусульманскаго права—шаріата у осѣдлаго населенія, а равно и самое существо рѣшеній народнаго суда, не подлежатъ вѣдѣнію и контролю русскихъ властей. Между тѣмъ нерѣдко ближайшіе къ населенію органы мѣстнаго управленія принимали на себя несоответствующую роль блюстителей за ненарушимостью обычаевъ и не только входили по этому предмету съ представленіями объ отмѣнѣ рѣшеній; несогласныхъ съ шаріатомъ или адатомъ, но и издавали приказы и циркуляры, предписывавшіе народному суду неукоснительное соблюденіе тѣхъ или другихъ нормъ обычнаго права.

Однимъ изъ яркихъ примѣровъ такого, не находящаго себѣ основанія въ законѣ, вмѣшательства въ порядокъ судопроизводства въ народномъ судѣ является практиковавшееся до послѣдняго времени требованіе административныхъ властей въ трѣхъ коренныхъ областяхъ Туркестанскаго края, чтобы народные суды не постановляли заочныхъ приговоровъ и рѣшеній. Хотя подобнаго запрета и не имѣется ни въ Положеніи объ упр. Турк. края, ни въ утвержденной Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ 11 декабря 1892 года инструкціи народнымъ судьямъ, но обосновывалось это требованіе на категорическомъ утвержденіи, что по обычаю заочное разсмотрѣніе дѣлъ въ народномъ судѣ не допускается. Мнѣніе это раздѣлялъ и бывший областной прокурорскій надзоръ, признававшій возможнымъ вносить протесты на заочныя рѣшенія народнаго суда, какъ постановленныя съ превышеніемъ власти. А рядомъ съ этимъ въ сосѣднихъ областяхъ Степнаго генераль-губернаторства не только не усматривалось въ заочномъ разбирательствѣ какого-либо нарушенія, но даже, напр., въ Тургайской области, инструкція волостнымъ управителямъ и аульнымъ старшинамъ въ § 187 прямо санкціонировала постановленіе заочныхъ рѣшеній, предписы-

вая управителямъ при неявкѣ истцовъ или отвѣтчиковъ передавать дѣла на обсужденіе съѣзда, отъ котораго зависитъ *поставитъ заочное рѣшеніе*, отложить разборъ до слѣдующаго съѣзда или даже прекратить дѣло.

Это различіе во взглядахъ администраціи создало весьма серьезную ненормальность въ отправленіи народнымъ судомъ правосудія между киргизами Сыръ-Дарьинской области и сосѣднихъ уѣздовъ областей Семирѣченской, Тургайской и другихъ.

Въ Сыръ-Дарьинской области народные судьи, лишеныя права постановлять приговоры и рѣшенія заочно, встрѣчаютъ непреодолимое препятствіе къ разрѣшенію дѣлъ по жалобамъ, напр., казалинскихъ киргизовъ на ихъ единоплеменниковъ, кочующихъ въ сосѣднихъ областяхъ, за постоянную неявку обвиняемыхъ и отвѣтчиковъ. Если принудительное доставленіе по этапу сторонъ по гражданскимъ дѣламъ недопустимо въ общеимперскихъ судебныхъ установленіяхъ, то тѣмъ болѣе оно не можетъ имѣть мѣста въ народномъ судѣ. Равнымъ образомъ, не предоставлено народному суду подвергать и обвиняемыхъ приводу, сопряженному въ большинствѣ случаевъ съ продолжительнымъ содержаніемъ подъ стражей и медленнымъ передвиженіемъ по этапу. Вслѣдствіе этого, когда администрація Сыръ - Дарьинской области съ требованіями о доставленіи въ народный судъ обвиняемыхъ или отвѣтчиковъ обращается къ уѣзднымъ начальникамъ указанныхъ выше областей, то послѣдніе отвѣчаютъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что отправленіе требуемыхъ лицъ по этапу незаконно и кромѣ того не вызывается необходимостью, такъ какъ народные судьи не лишены права постановлять рѣшенія заочно. Такимъ образомъ, дѣла этого рода или годами лежатъ нерѣшенными, или оканчиваются постановленіемъ заочныхъ рѣшеній, но безъ указанія на неявку обвиняемыхъ и отвѣтчиковъ, а иногда и съ ложнымъ удостовѣреніемъ народного судьи, что они являлись на судъ и давали свои объясненія. Съ другой стороны, не стѣсняемое запрещеніемъ администраціи заочное разсмотрѣніе дѣлъ въ народномъ судѣ сопредѣльныхъ областей ставитъ киргизъ

Сырѣ-Дарьинской области въ крайне тяжелое положеніе. Добиться у себя въ области суда надъ сосѣдами за ихъ невякою они не могутъ, а сами очень часто присуждаются въ сосѣднихъ областяхъ заочно, какъ къ денежнымъ взысканіямъ по гражданскимъ дѣламъ, такъ и къ наказаніямъ по дѣламъ уголовнымъ, и такія рѣшенія, признаваемые мѣстнымъ прокурорскимъ надзоромъ постановленными въ законномъ порядкѣ, администрація Сырѣ-Дарьинской области поставлена въ необходимость приводить въ исполненіе.

Точно такъ же запрещеніе постановлять заочные приговоры и рѣшенія вредно отзывается на правильномъ теченіи дѣлъ и въ народномъ судѣ осѣдлаго населенія. Такъ, напримѣръ, въ Ташкентскомъ съѣздѣ народныхъ судей искъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ пять или шесть лѣтъ оставался неразрѣшеннымъ въ виду того, что отвѣтчикъ, проживавшій въ г. Ташкентѣ во время предъявленія къ нему иска и при разсмотрѣннн дѣла единоличнымъ народнымъ судьей, обжаловавъ рѣшеніе его въ съѣздъ, выѣхалъ въ гор. Копаль, Семирѣченской области, и не желалъ явиться на судъ, невзирая на неоднократные вызовы. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, съѣздъ народныхъ судей принудилъ одного сарта вопреки его желанію и безъ уполномочія отвѣтчика выступить и отвѣчать за него на судѣ ¹⁾). Но рѣшеніе это, какъ постановленное съ превышеніемъ власти, не только въ отсутствіи, но и безъ вызова отвѣтчика или извѣщенія его о времени разбирательства, было прокурорскимъ надзоромъ опротестовано и окружнымъ судомъ отмѣнено.

Кромѣ того обязательность присутствія сторонъ при разсмотрѣннн ихъ дѣлъ налагаетъ на нихъ большую тяготу, несоизмѣримую иногда съ возможностью осужденія или проигрыша гражданскаго дѣла вслѣдствіе неявки. Стоить только

¹⁾ Основывалъ съѣздъ это принужденіе на весьма рѣшительномъ приказѣ начальника гор. Ташкента отъ 17 января 1894 года, коимъ объявлялось, что по шаріату стороны въ съѣздъ будутъ вызываться два раза; если вызываемый не явится послѣ втораго вызова или же не вышлетъ своего повѣреннаго, то на его мѣсто судьей будетъ назначенъ „маюмъ“—полномочный довѣренный, и въ его присутствіи будетъ рѣшено дѣло.

представить себѣ необходимость для занятого коммерціей туземца, находящагося по дѣламъ въ Самаркандской или Ферганской области, прибыть въ Перовскъ или Казалинскъ для отвѣта по иску въ 10—15 рублей. Подобная практика создаетъ возможность путемъ возбужденія завѣдомо неосновательныхъ исковъ или обвиненій досадить врагу, заставить его отрываться отъ своего дѣла и явиться въ судъ для того, чтобы выслушать оправдательный приговоръ.

Поэтому нельзя не согласиться съ тѣмъ, что если запрещеніе заочнаго разсмотрѣнія народнымъ судомъ производящихся у него дѣлъ и имѣло своей цѣлью оградить населеніе отъ злоупотребленій ихъ же выборныхъ судей, которые, не будучи стѣснены присутвіемъ сторонъ, могутъ рѣшать дѣла не по совѣсти и обычаю, то съ другой стороны—запрещеніе это повлекло за собой и серьезныя неудобства, напрасно тормозя отправленіе правосудія и создавъ для лицъ виновныхъ полную возможность избѣгать законнаго возмездія посредствомъ выѣзда въ сосѣдній уѣздъ и неявки на судъ. Между тѣмъ та же цѣль—оберечь населеніе отъ несправедливости—могла бы быть достигнута и менѣе рѣшительною, но болѣе удобною мѣрою; слѣдовало лишь обязать народныхъ судей по всѣмъ рѣшительно дѣламъ заблаговременно извѣщать стороны повѣстками или инымъ образомъ о времени разбирательства ихъ дѣла. Довѣряя судѣ и будучи увѣренъ въ своей правотѣ, туземецъ можетъ, при такой практикѣ, и не явиться на судъ; если же признаетъ необходимымъ представить личныя объясненія или вообще присутствовать на судѣ, онъ явится самъ безъ всякаго принужденія. Важно лишь, чтобы онъ былъ извѣщенъ о времени слушанія его дѣла и могъ поступить по своему усмотрѣнію.

Такое разрѣшеніе даннаго вопроса помимо своей практичности не только не противорѣчитъ закону, нормирующему дѣятельность народного суда, а наоборотъ находитъ въ немъ нѣкоторое подтвержденіе. Статьи 211 и слѣд. Положенія объ упр. Турк. края, устанавливая рядъ ограниченій власти народного суда въ примѣненіи своихъ обычаевъ, вовсе не содержатъ въ себѣ запрещенія постановлять заочныя рѣ-

шенія. Оно не можетъ быть выводимо, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, изъ 242 статьи, указывающей, что доставленіе на сѣзды отвѣтчиковъ и свидѣтелей лежитъ на обязанности сельскихъ властей. Очевидно, что правило это, относящееся лишь до сѣздовъ, имѣетъ въ виду тѣ случаи, когда сѣздъ признаетъ необходимымъ выслушать объясненіе сторонъ и показанія свидѣтелей, но не лишаетъ его права разобрать дѣло и въ ихъ отсутствіи.

Исходя изъ того положенія, что обычныя нормы, не прогнорѣчашія 211 и слѣд. статьямъ Положенія объ упр. Турк. края, должны быть признаны допущенными закономъ, мы полагаемъ, что если по обычаю народные судьи могутъ разсматривать дѣла заочно, то такой порядокъ, какъ не запрещенный мѣстнымъ Положеніемъ, не заключаетъ въ себѣ ничего противозаконнаго и не составляетъ превышенія власти, влекущаго на основаніи 218 статьи того же Положенія отміну приговора или рѣшенія. Правильность этого вывода подтверждается и содержаніемъ 243 ст. Положенія, которая опредѣляетъ двухнедѣльный срокъ на обжалованіе рѣшеній народныхъ судей *со дня объявленія рѣшенія*. Если предположить, что законодатель не допускалъ возможности заочнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ народномъ судѣ, то начальный моментъ срока на обжалованіе долженъ былъ бы исчисляться со дня *постановленія* рѣшенія, ибо никакихъ правилъ составленія рѣшеній въ окончательной формѣ и послѣдующаго объявленія ихъ для народнаго суда установлено не было. Признавъ же, что срокъ обжалованія исчисляется со времени *объявленія* рѣшенія, законодатель, очевидно, раздѣлялъ эти два момента, а слѣдовательно предусматривалъ возможность разсмотрѣнія дѣла въ отсутствіи сторонъ и необходимость послѣдующаго объявленія имъ состоявшагося рѣшенія.

Въ виду изложеннаго, на нашъ взглядъ, представляется совершенно правильнымъ мнѣніе по данному вопросу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который въ предложеніи по земскому отдѣлу отъ 9 августа 1882 года за № 147 разъяснилъ, что весь ходъ дѣлъ въ народномъ судѣ долженъ быть строго согласованъ съ мѣстными обычаями, и если послѣд-

ними допускается окончательное рѣшеніе при неполной явѣ отвѣтчиковъ, то не можетъ и возникать никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи ¹⁾).

Всякій же, хотя бы немного знакомый съ порядкомъ разбирательства дѣлъ у народныхъ судей кочеваго населенія, можетъ удостовѣрять, что почти всѣ ихъ рѣшенія, въ сущности, заочны. Сначала бѣи обыкновенно объявляетъ условное постановленіе о томъ, что если указанная сторона не представитъ въ извѣстный срокъ присягателей, то дѣло будетъ рѣшено не въ ея пользу; а затѣмъ, когда сторона эта въ назначенный срокъ не является и не приводитъ присягателей, то бѣи объявляетъ свое рѣшительное постановленіе въ ея отсутствіи.

Наконецъ слѣдуетъ остановиться и на томъ весьма вѣскомъ соображеніи, что если по правиламъ шаріата или адата въ старину не допускалось заочнаго разсмотрѣнія дѣлъ и порядокъ этотъ вызванъ къ жизни измѣнившимися бытовыми условіями уже послѣ присоединенія края къ Россіи, то едва ли согласуется съ видами русской политики поддержаніе этихъ отживающихъ свой вѣкъ источниковъ мусульманскаго обычнаго права во всей ихъ неприкосновенности. Казалось бы, наоборотъ, воспріятіе туземцами и ихъ судомъ хотя бы нѣкоторыхъ правовыхъ понятій общаго законодательства государства должно найти въ правительствѣ самую энергичную поддержку и одобреніе.

Итакъ, соображенія чисто юридическаго характера и мотивы практическаго свойства говорятъ противъ запрещенія народнымъ судьямъ постановлять заочные приговоры и рѣшенія и противъ признанія въ таковыхъ превышенія власти, могущаго служить основаніемъ къ отмѣнѣ ихъ въ порядкѣ 218 ст. Положенія объ упр. Турк. края.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ неизвѣщеніе сторонъ

¹⁾ На той же точкѣ зрѣнія стояли, вѣроятно, и составители выработаннаго въ 1898 году проекта измѣненій организаціи народнаго суда Закаспійской области, внесшіе въ 30 статью этого проекта прямое указаніе на допущеніе заочныхъ рѣшеній.

о времени разбирательства дѣла. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ подробному обсужденію въ указѣ Судебнаго департамента Правительствующаго Сената Вѣрненскому окружному суду отъ 30 іюня 1899 года за № 411 по дѣлу о киргизѣ Бекбалы Макинѣ. „Имѣя въ виду, что: а) народный судъ знакомится съ данными каждаго судебного дѣла не на основаніи слѣдственнаго матеріала, въ коемъ уже имѣется показаніе обвиняемаго, которому стали извѣстны при предъявленіи ему слѣдствія всѣ собранныя противъ него улики, а на основаніи только тѣхъ обстоятельствъ дѣла, которыя выясняются на самомъ судѣ; б) что при такой постановкѣ дѣла невозможно допустить, чтобы народный судъ постановлялъ свой приговоръ, не имѣя въ виду объясненій обвиняемаго, вносящихся къ его оправданію, почему и вызовъ обвиняемаго въ народный судъ является условіемъ существенно необходимымъ; в) что слѣдовательно для отправленія правосудія недопросъ обвиняемаго народнымъ судомъ представляется нарушеніемъ обязанности, вмѣщаемой закономъ всякому суду: творить судъ на основаніи всесторонняго и безпристрастнаго обсужденія дѣла, и г) что народный судъ, судящій дѣло на основаніи обычая, не стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ никакими обрядами и формами дѣлопроизводства, и слѣдовательно невызовъ обвиняемаго въ судъ не можетъ рассматриваться, какъ нарушеніе лишь сихъ послѣднихъ, а между тѣмъ въ виду своего важнаго значенія не можетъ не имѣть вліянія на законность постановленнаго народнымъ судомъ приговора“, Правительствующій Сенатъ пришелъ къ заключенію, что невызовъ обвиняемаго народнымъ судомъ къ разбору дѣла долженъ рассматриваться, какъ превышеніе предоставленной ему власти.

Вполнѣ симпатизируя этому окончательному выводу Сената и ссылаясь на него при протестахъ по подобнымъ дѣламъ, мы не можемъ не высказать пожеланія, чтобы это необходимое и существенное условіе всякаго суда было прямо выражено въ законѣ.

Обсуждая въ цѣляхъ установленія однообразной практики отдѣльные случаи, которые слѣдуетъ признавать пре-

вышеніемъ народнымъ судомъ его власти, Тургайское областное правленіе пришло къ заключенію, что однимъ изъ такихъ случаевъ является присужденіе бійлыка (вознагражденія судьи за рѣшеніе дѣла) въ размѣрѣ большемъ, чѣмъ это установлено народными обычаями ¹⁾). Мотивировка этого заключенія весьма своеобразна. Указавъ, что, по мнѣнію свѣдущихъ лицъ изъ киргизовъ, въ ихъ обычномъ правѣ пѣтъ одной опредѣленной нормы бійлыка, и онъ назначался въ разныхъ размѣрахъ, сообразно суммѣ иска и другимъ свойствамъ дѣла или преступленія, и лишь съ введеніемъ временнаго положенія 21 октября 1868 г. въ области повсемѣстно установилось взысканіе бійлыка въ размѣрѣ не свыше 10% съ суммы иска, областное правленіе признало, что норма эта за 25 лѣтъ вошла въ обычай, и предложило уѣзднымъ начальникамъ представлять прокурору (надо думать, для внесенія протеста) все рѣшенія, которыми будетъ присуждаться бійлыкъ свыше 10% исковой суммы. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, вносятъ ли на такія рѣшенія мѣстный прокурорскій надзоръ протесты въ порядкѣ 218 ст. Турк. Положенія, но мы полагаемъ, что превысившимъ свою власть оказался бы окружный судъ, отмѣнившій подобное рѣшеніе, а не народный судья, его постановившій. Положеніе объ упр. Турк. края въ статьѣ 226-ой предоставляет народнымъ судьямъ вмѣсто опредѣленнаго содержанія получать вознагражденіе за разрѣшеніе дѣлъ на основаніи существующихъ обычаевъ и только въ отношеніи платы за совершеніе актовъ и договоровъ опредѣляетъ норму этого вознагражденія по таксѣ, утверждаемой генераль-губернаторомъ по соглашенію съ Министромъ Юстиціи. Отсутствіе въ законѣ нормы вознагражденія за разрѣшеніе дѣлъ лишаетъ всякой возможности разсматривать опредѣленіе этихъ размѣровъ свыше обычныхъ, какъ превышеніе власти, подходящее подъ дѣйствіе 218 ст. Положенія. Это будетъ нарушеніемъ обычая, которое можетъ быть обжаловано во

¹⁾ Вопросы управления, хозяйства, суда и народного образованія въ Тургайской области, Оренбургъ, 1894 г., стр. 56.

вторую инстанцію народного суда, но не превышеніемъ власти, влекущимъ кассацию рѣшенія русскимъ судомъ. Иначе пришлось бы признать, что несоблюденіе всякаго обычая есть превышеніе власти, которое аннулируетъ рѣшеніе по 218 статьѣ. Такое вмѣшательство русскаго суда въ народные обычаи внесло бы полный сумбуръ въ эту область и, конечно, противорѣчило бы всему духу нашего законодательства, оставившаго туземному населенію его судъ въ видѣ временной и переходной мѣры и вовсе не предполагавшаго вручать охраненіе мѣстныхъ обычаевъ органамъ русской судебной власти.

Нельзя признать поводомъ къ кассациі приговора и увеличеніе сѣздомъ помимо требованія обвинителя наказанія, назначеннаго единоличнымъ народнымъ судьей. Правило это, вошедшее въ плоть и кровь дѣятелей суда по уставамъ Императора Александра II, не имѣетъ никакого отношенія къ народному суду и не представляетъ собою такого основнаго судопроизводственнаго принципа, который помимо велѣнія закона являлся бы обязательнымъ для всякаго суда. Народный судъ Туркестанскаго края замѣтно склоненъ увеличивать наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда утверждаетъ по существу обвинительный приговоръ, обжалованный осужденнымъ, и иногда прямо мотивируетъ это усиленіе наказанія упорствомъ виновнаго въ стремленіи избѣгнуть заслуженной отвѣтственности, доказывающимъ его неуваженіе къ закону и суду. Недовольный такимъ оборотомъ дѣла почти всегда жалуется прокурорскому надзору, ссылаясь на нарушеніе принциповъ Судебныхъ уставовъ 1864 года, но получаетъ отказъ въ удовлетвореніи его ходатайства на томъ основаніи, что въ Положеніи объ упр. Турк. края не содержится запрещенія увеличивать наказаніе во второй инстанціи.

Равнымъ образомъ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть подведено подъ 218 ст. Положенія объ упр. Турк. края несогласное съ правилами русскаго закона наложеніе наказаній при совокупности преступленій. Нерѣдко народные судьи, присудивъ за одну кражу къ 1 мѣсяцу тюрьмы, а за другую на 2—3

мѣсяца, при постановленіи приговора по совокупности назначаются не высшее изъ опредѣленныхъ различными приговорами наказаній и даже не сумму ихъ, а присуждаютъ на совершенно новый болѣе продолжительный срокъ, такъ, напр., на годъ, на 14—15 мѣсяцевъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если народные судьи не превышаютъ предѣловъ, указанныхъ 219 ст. Положенія объ упр. Турк. края, приговоры ихъ законны и отмѣнѣ не подлежатъ. Другое дѣло, если по сложении всѣхъ наказаній народный судья выйдетъ за эти предѣлы и назначитъ въ итогѣ 2—3, а иной разъ и 4 года тюрьмы. Тогда, конечно, приговоръ, какъ заключающій въ себѣ опредѣленіе наказанія по совокупности свыше предѣловъ власти, предоставленной народному судѣ, подлежитъ отмѣнѣ въ порядкѣ 218 статьи.

Въ Сыръ-Дарьинской области съ введенія судебной реформы прокурорскій надзоръ сталъ вести строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы нѣсколько приговоровъ народнаго суда объ одномъ и томъ же туземцѣ не обращались къ исполненію одинъ вслѣдъ за другимъ; въ этихъ случаяхъ черезъ администрацію предъявлялось требованіе о постановленіи народнымъ судьей, присудившимъ къ болѣе строгому наказанію, общаго приговора по совокупности преступленій, такъ какъ только народный судъ компетентенъ судить на основаніи своихъ обычаевъ, какъ должны быть исполнены эти приговоры, путемъ ли сложения наказаній, поглощенія или назначенія новаго самостоятельнаго срока заключенія или денежнаго взысканія.

Въ случаяхъ же присужденія одного и того же лица къ наказаніямъ приговорами народныхъ судей и общеимперскихъ судебныхъ установленій, примѣнительно къ разъясненію Общаго Собранія Правительствующаго Сената (1894 г. № 16), указавшему, что при постановленіи одного приговора волостнымъ судомъ, а другаго мировымъ судьей, безотносительно къ тяжести преступленія, приговоръ по совокупности постановляется симъ послѣднимъ, мы признавали, что въ данномъ случаѣ постановленіе приговора по совокупности лежитъ на обязанности общихъ судебныхъ мѣстъ, при

чемъ установленное 219 ст. Положенія объ упр. Турк. края заключеніе подъ стражу приравнивали къ аресту, а не къ тюремному заключенію, такъ какъ права присуждать къ наказанію тюрьмою народному суду не предоставлено. Это послѣднее положеніе весьма важно имѣть въ виду при сложеніи наказаній по 133¹ ст. уложения.

VIII.

Въ нашей практикѣ были опротестованы, какъ постановленные съ превышеніемъ власти, приговоры и рѣшенія народнаго суда въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Разсмотрѣніе дѣла безъ вызова или извѣщенія сторонъ (о чемъ мы уже упоминали выше);

2) Назначеніе наказанія свыше предѣловъ, предоставленныхъ народному суду по 219 ст. Положенія объ упр. Турк. края;

3) назначеніе наказанія, не указаннаго въ этой статьѣ;

4) назначеніе наказанія при состоявшемся примиреніи сторонъ, вопреки той же 219 статьи, предоставляющей народному суду налагать наказанія только въ случаѣ непримиренія сторонъ;

5) замѣна денежнаго взысканія на случай несостоятельности личнымъ наказаніемъ безъ соблюденія правилъ, указанныхъ въ 220 ст. того же Положенія (напр., назначеніе замѣны денежнаго взысканія въ 10 рублей тюремнаго заключенія на 6 мѣсяцевъ);

6) возложеніе денежнаго взысканія въ случаѣ несостоятельности осужденнаго на его родственниковъ или одноаульцевъ въ нарушеніе 219 статьи, предоставляющей народнымъ судьямъ налагать наказанія только на виновныхъ, и 220 статьи, указывающей замѣну денежнаго взысканія въ случаѣ несостоятельности арестомъ и отдачею въ общественныя работы ¹⁾);

¹⁾ Нарушеніе это особенно часто у киргизовъ сѣверныхъ уѣздовъ Сырь-Дарьинской области и въ Тургайской, гдѣ перѣдко при несостоятельности

7) заключеніе народнымъ судьей подѣ стражу въ видѣ мѣры пресѣченія въ нарушеніе опять-таки 219 статьи, по которой народные судьи могутъ примѣнять заключеніе подѣ стражу лишь, какъ мѣру наказанія;

8) разсмотрѣніе дѣла въ незаконномъ составѣ присутствія, а именно: кандидатомъ въ народному судѣ, не вступившимъ въ установленномъ порядкѣ и въ указанныхъ закономъ случаяхъ въ исправленіе должности судьи (225 ст. Положенія объ упр. Турк. крал); народнымъ судьей, отведеннымъ стороною (232 статья), уволеннымъ или устраннымъ отъ должности, въ незаконномъ числѣ судей въ сѣздѣ (237 и 238 ст.), при участіи въ составѣ сѣзда народнаго судьи, постановившаго обжалованное рѣшеніе;

9) принятіе народнымъ судьей дѣла къ своему разбирательству помимо частной жалобы или сообщеніе уѣзднаго начальника и волостнаго управителя у кочеваго населенія, вопреки прямому указанію 232 ст. Положенія объ упр. Турк. крал;

10) разсмотрѣніе народнымъ судьей дѣла, въ которомъ онъ самъ является стороною;

11) разсмотрѣніе уголовного дѣла непосредственно сѣздомъ помимо единоличнаго народнаго судьи (231 ст.);

12) разсмотрѣніе гражданскаго дѣла непосредственно сѣздомъ помимо обоюднаго согласія сторонъ (231 и 244 ст.);

13) присужденіе во второй инстанціи къ наказанію за преступленіе, тогда какъ предметомъ разбирательства первой инстанціи было гражданское дѣло;

14) принятіе сѣздомъ къ своему разсмотрѣнію рѣшенія единоличнаго народнаго судьи, на которое сторонами жалобъ подадо не было (240 ст.);

15) перерѣшеніе судьей или сѣздомъ дѣла, по которому уже состоялось окончательное и вступившее въ законную силу рѣшеніе народнаго суда (233 и 240 ст.) или которое

осужденныхъ опредѣляется взысканіе съ родственниковъ ихъ до 5, 7 и даже 10 козѣнъ. У осѣдлаго населенія этого нарушенія не наблюдается.

уже принято къ своему разсмотрѣнію общеперскими судебными мѣстами (215);

16) отказъ съѣзда отъ разсмотрѣнія дѣла по существу и возвращеніе его народному суду для новаго разбирательства въ нарушение 240 ст. Положенія, указывающей, что съѣзды постановляютъ только окончательныя рѣшенія;

17) когда приговоръ или рѣшеніе явились плодомъ преступной дѣятельности народныхъ судей, установленной вступившимъ въ законную силу приговоромъ компетентнаго суда;

18) назначеніе народнымъ судьей опеки у кочевниковъ или не къ малолѣтнимъ у осѣдлаго населенія (252 ст.);

19) удовлетвореніе народнымъ судомъ гражданскихъ исковъ, предметомъ которыхъ являются туземныя женщины и дѣти,

и 20) присужденіе народнымъ судомъ къ наказанію за дѣяніе непроступное.

Оговариваясь, что приведенный нами перечень не исчерпываетъ всѣхъ возможныхъ случаевъ превышенія народнымъ судомъ предоставленной ему власти, влекущихъ отміну рѣшеній въ порядкѣ 218 ст. Положенія объ упр. Турк. края, мы полагаемъ, что указанные случаи представляются настолько очевидными, что не нуждаются въ разъясненіяхъ, за исключеніемъ послѣднихъ четырехъ.

По закону поводомъ къ отміну рѣшеній народнаго суда является самый фактъ превышенія власти, безразлично къ его внутренней сторонѣ, имѣющей значеніе только для личной отвѣтственности судьи. Поэтому превышеніе власти по небрежности или добросовѣстному заблужденію такъ же, какъ и завѣдомо недобросовѣстное, имѣютъ одинаковое значеніе въ смыслѣ поводовъ къ отміну рѣшенія. Еще болѣе значеніе для признанія рѣшенія ничтожнымъ имѣетъ установленіе въ законномъ порядкѣ, что оно явилось результатомъ преступной дѣятельности судьи, всегда предполагающей извѣстное злоупотребленіе судьей предоставленною ему властью. Института возобновленія дѣлъ законоположенія о народномъ суду не знаютъ, а рядомъ съ этимъ самый примитивный

правопорядокъ не можетъ мириться съ оставленіемъ въ силѣ судебного рѣшенія, существо котораго опорочено преступною дѣятельностью самого судьи. Единственно возможнымъ исходомъ является отмѣна такого рѣшенія въ порядкѣ 218 ст. Турк. Положенія, но, конечно, не иначе, какъ по вступленіи въ законную силу приговора, присуждающаго народнаго судью къ уголовной отвѣтственности. Такъ, напримѣръ, въ 1896 году одинъ сѣздъ присудилъ киргизку Ирисбаеву съ дочерью обязать вернуться въ истцу, а въ 1898 году Пятымъ департаментомъ Сената входившіе въ составъ сѣзда народные судьи за вымогательство по этому дѣлу 45 рублей были присуждены къ исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ. По ходатайству Ирисбаевой на рѣшеніе сѣзда по ея дѣлу былъ принесенъ протестъ, и окружный судъ на основаніи 218 ст. Положенія отмѣнилъ это рѣшеніе. Въ другомъ случаѣ судебнымъ приговоромъ было установлено, что рѣшавшіе дѣло члены сѣзда принуждали истца отказаться отъ своихъ исковыхъ требованій, а когда онъ не подчинился этому, то избили его, разорвали представленный имъ въ доказательство правильности иска документъ и въ искѣ отказали. Рѣшеніе это также было опротестовано и отмѣнено судомъ.

Вопросъ о правѣ народныхъ судей производить освидѣтельство умственныхъ способностей и учреждать опеки надъ лицами, достигшими совершеннолѣтія, возникъ по дѣлу сартянки Зубайды-биби Бадалъ-Магометовой. Одинъ изъ народныхъ судей города Ташкента призналъ ее умалишенной и постановилъ назначить надъ ней опеку. По жалобѣ на это постановленіе Зубайды-биби, оспаривавшей правильность такого порядка ограниченія ея правъ распоряженія своимъ имуществомъ, прокуроръ суда подалъ протестъ, въ которомъ указалъ, что по 252 ст. Положенія объ упр. Турк. края народнымъ судьямъ осѣдлаго населенія предоставлено завѣдываніе опекунскими дѣлами и назначеніе опекуновъ только къ малолѣтнимъ и ихъ имуществу, и для туземцевъ не установлено особаго порядка освидѣтельствованія и признанія ихъ сумасшедшими и безумными, изъ чего слѣдуетъ заключить, что и въ отношеніи туземцевъ дѣйствуетъ общій порядокъ,

установленный 368 ст. 1 ч. X т. Св. зак., а слѣдовательно, признавъ Зубайду-биби умалишенною безъ соблюденія сего порядка и назначивъ надъ нею опеку, народный судья вышелъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти. Окружный судъ согласился съ этими мотивами и опротестованное постановленіе народного суда отмѣнилъ.

Чрезвычайно острый вопросъ, особенно среди кочевого населенія, представляетъ юридическое положеніе женщинъ и дѣтей. Совершеніе браковъ посредствомъ уплаты калыма, выгоднаго для родителей невѣсты и тягостнаго по своимъ размѣрамъ часто не только для бѣдняка, но и для богатаго киргиза, берущаго къ себѣ въ семью невѣсту, создало взглядъ на женщину, какъ на мѣтовую цѣнность. Съ ея желаніями и склонностями никому и на умъ не приходитъ справляться. Кто уплатилъ за нее калымъ, тотъ и собственникъ, къ тому она и должна, хотя бы противъ воли, идти въ жены. Умеръ мужъ или женихъ, она по наследству переходитъ въ собственность ихъ ближайшимъ родственникамъ. Эти суровые обычаи, не признающіе за женщиной самыхъ основныхъ правъ человѣка, поддерживаются и народными судьями въ ихъ рѣшеніяхъ по дѣламъ брачнымъ и семейнымъ. Мириться съ этимъ рабскимъ положеніемъ женщины, узаконяемымъ народными судами, русская государственная власть не могла, и поэтому постоянно выражала стремленіе, если не изъять эти дѣла изъ вѣдѣнія народного суда, то хотя бы ограничить его власть. Какъ мы видѣли, проектъ Положенія объ управленіи Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей (въ § 203 и 235) предоставлялъ сторонамъ право обжалованія рѣшеній народного суда по брачнымъ дѣламъ русской административной власти; Положеніе объ управленіи Степныхъ областей 1891 года изъяло дѣла брачныя и семейныя изъ разбирательства суда посредниковъ; и хотя Положеніе объ упр. Турк. края 1886 года для этой категоріи дѣлъ не установило какихъ-либо изъятій, но изъ этого не слѣдуетъ еще, что законодатель призналъ необходимымъ устранить всякое вмѣшательство въ положеніе туземной женщины. Статья 218 относится и до дѣлъ брачныхъ, а потому рѣшенія народныхъ судей по

этимъ дѣламъ подлежать контролю прокурорскаго надзора, который, стоя на стражѣ государственныхъ интересовъ и являясь блюстителемъ за охраненіемъ законовъ, долженъ зорко смотрѣть, чтобы принадлежащее туземной женщинѣ наравнѣ съ другими подданными имперіи право свободнаго и непринужденнаго вступленія въ бракъ не было попираемо народнымъ судомъ. Доказательствомъ же того, что это право не признается народными судьями за туземными женщинами, могутъ служить слѣдующіе примѣры, взятые нами изъ цѣлага ряда подобныхъ рѣшеній.

Въ прошеніи на имя прокурора окружнаго суда киргизка Ирсибике жаловалась, что уже болѣе мѣсяца она лишена свободы волостнымъ управителемъ, принуждающимъ ее жить въ его юртѣ и никуда не отлучаться. По разслѣдованіи оказалось, что за просительницу однимъ киргизомъ былъ уплаченъ калымъ, но она не пожелала выйти за него замужъ, и сѣздъ народныхъ судей присудилъ въ случаѣ неуплаты въ двухмѣсячный срокъ 20 головъ скота и 100 рублей денегъ обязать ее идти въ жены истцу, а до уплаты находиться у волостнаго управителя, который во исполненіе этого рѣшенія и держалъ ее взаперти у себя въ юртѣ.

Киргизка Чиныкуль послѣ смерти своего мужа не пожелала перейти въ жены къ его брату и вмѣстѣ съ дѣтьми вернулась къ своему отцу. Тогда братъ ея покойнаго мужа Кыркинбай черезъ своего довѣреннаго Ирджигита предъявилъ искъ, но не къ Чиныкуль, а къ ея отцу Келесбаю, и народный судья, вызвавъ стороны и даже не извѣстивъ о времени разбирательства ту, которая представляла собою предметъ исковыхъ требованій, постановилъ: „женщину Чиныкуль, какъ законную жену Кыркинбая, присудить съ двумя дочерьми въ пользу довѣреннаго Кыркинбая Ирджигита“.

Киргизка Альма была просватана за нѣкоего Кармантаева, но послѣдній еще до свадьбы умеръ; послѣ его смерти Альма переселилась въ г. Перовскъ и тамъ вышла замужъ. Тогда двоюродный братъ умершаго Джуманазаръ предъявилъ къ Альмѣ искъ у народнаго судьи своей волости и просилъ признать дѣйствительнымъ его бракъ съ нею, а лицъ, под-

говорившихъ Альму бѣжать въ Перовскъ, привлечь къ уголовной отвѣтственности. Несмотря на разъясненіе начальника уѣзда, что на основаніи 3 п. III ст. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 2 іюня 1898 г. ¹⁾ искъ этотъ подсуденъ русскому суду, народный судья принялъ дѣло къ своему разбирательству, какъ уголовное (по мѣсту совершенія преступленія—подстрекательству къ переѣзду въ Перовскъ), вызвалъ Альму въ качествѣ *свидѣтельницы* и въ результатѣ постановилъ:—„съ отмѣною втораго брака признать Альму обвинянною женою Джуманазара, которому она и должна быть возвращена“.

По иску киргиза къ проживающей въ Перовскѣ вдовѣ его старшаго сына—Рыскуль, народный судья постановилъ: „признать Рыскуль въ бракѣ съ младшимъ сыномъ истца (который проживалъ въ это время въ Оренбургѣ и ничего объ искѣ не зналъ) и водворить ее къ отцу мужа“, т. е. къ истцу.

Дочь киргиза Утемисова Дарбійке, просватанная за уладившаго калымъ Мамытбаева, бѣжала къ своему возлюбленному Джарымбетову и стала его женою. Тогда отецъ ея предъявилъ къ Джарымбетову искъ о возвратѣ дочери у народнаго судьи той волости, гдѣ проживала романическая парочка. Судья рѣшилъ: „Дарбійке по ея желанію оставить женою Джарымбетова“. Не выгорѣло здѣсь, надо попытаться предъявить искъ у своего судьи, и для этого покинутый женихъ Мамытбаевъ подаетъ жалобу уже на отца невесты Утемисова народному судѣ той волости, въ которой проживаетъ новый отвѣтчикъ, и судья постановляетъ: „возвратить Дарбійке ея мужу Мамытбаеву“.

По иску киргиза Турапова къ вдовѣ его брата о возвратѣ якобы незаконно захваченнаго паслѣдственнаго имущества, народный судья присудилъ истцу между прочимъ имуществомъ и взрослую дочь отвѣтчицы Абиду.

¹⁾ Согласно 3 п. III ст. означеннаго закона гражданскія дѣла между туземцами не подлежатъ вѣдѣнію народнаго суда, если отвѣтчикъ проживаетъ въ предѣлахъ русскихъ поселеній.

Киргизка Маріамъ еще дѣвочкой была отдана въ семью своего жениха, начавшую уплачивать калымъ. Вслѣдствіе возникшихъ споровъ изъ-за размѣровъ калыма отецъ взялъ ее обратно и отдалъ замужъ за другаго киргиза. Обиженная сторона, для созданія искусственной подсудности дѣла народному судѣ своей волости, заявила жалобу на то, что Маріамъ, похитивъ 150 рублей денегъ, самовольно ушла отъ мужа и вышла вторично замужъ. Народный судья постановилъ: „присудить Маріамъ отъ ея новаго мужа въ пользу прежняго, отца же ея за выдачу своей дочери по ложнымъ доказательствамъ (?) и втораго мужа за то, что женился на чужой женѣ, заключить въ тюрьму на два мѣсяца cadaго“. Относительно же кражи, которой въ дѣйствительности совершено не было, но ради которой измѣнена подсудность, въ рѣшеніи не упомянуто вовсе.

Всѣ подобнаго рода рѣшенія опротестовывались прокурорскимъ надзоромъ Ташкентскаго окружнаго суда и отмѣнялись на томъ основаніи, что женщина не представляетъ собою предмета гражданскаго оборота, а слѣдовательно и не можетъ быть присуждаема наравнѣ или взамѣнъ отыскиваемой денежной суммы, и кромѣ того свобода вступленія ея въ бракъ охраняется уголовными законами. Соотвѣтственно этой твердо установившейся практикѣ военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области 28 ноября 1900 года въ циркулярѣ на имя уѣздныхъ начальниковъ предложилъ имъ представлять прокурору для отмѣны въ порядкѣ 218 ст. Турк. Положенія всѣ рѣшенія народныхъ судей, присуждающія женщинъ къ вступленію въ бракъ противъ ихъ воли, и мотивировалъ это распоряженіе тѣмъ, что народный судъ, руководствуясь при разрѣшеніи брачныхъ дѣлъ своими обычаями, можетъ присудить сторону, вопреки обычаю отказывающуюся вступить въ бракъ, къ уплатѣ калыма, мегра и вообще къ имущественному вознагражденію, но не имѣетъ права принуждать къ вступленію въ бракъ противъ воли, такъ какъ однимъ изъ основныхъ правъ подданныхъ Россійской имперіи является право свободнаго, не по присужденію, вступленія въ бракъ, и право это, безотносительно къ религіи

вступающаго въ бракъ, охраняется строгими наказаніями, указанными въ 1550 и 1551 ст. улож. о наказ.

Самую серьезною и отвѣтственною обязанностью прокурорскаго надзора въ Туркестанскомъ краѣ является наблюденіе за тѣми приговорами, въ которыхъ назначается наказаніе за дѣяніе, не преступное по обще-имперскимъ уголовнымъ законамъ. Подобные приговоры встрѣчаются преимущественно въ народномъ судѣ осѣдлаго населенія. До послѣдняго времени на эту сторону дѣятельности народного суда было обращено очень мало вниманія, между тѣмъ, помимо своего юридическаго интереса, она заслуживаетъ особаго вниманія уже по одному тому, что въ подобныхъ приговорахъ сказывается иногда опасная тенденція религіозно-политическаго свойства.

Признавая въ виду этого весьма важнымъ правильное разрѣшеніе вопроса о возможности отмѣны въ порядкѣ 218 ст. Турк. Положенія приговоровъ народного суда, которыми туземцы присуждаются къ наказаніямъ за дѣянія, не заключающія въ себѣ признаковъ преступленія по русскому уголовному закону и лишь признаваемыя преступными по обычаю (шаріату или адату), мы должны сознаться, что вопросъ этотъ представляется спорнымъ въ смыслѣ теоретическаго обоснованія обязательности для инородческаго суда руководствоваться не обычаями, а русскимъ закономъ, при опредѣленіи преступности дѣянія.

Не только нѣкоторые изъ окружныхъ судовъ нашей средне-азиатской окраины отказываются отмѣнять подобные приговоры, исходя изъ того соображенія, что согласно 210 ст. мѣстнаго Положенія народные судьи разбираютъ дѣла на основаніи своихъ обычаевъ, а въ силу 219 статьи, сообразуясь съ этими обычаями по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, налагаютъ наказанія; не имѣя передъ собой другаго императива, кромѣ велѣнія слѣдовать этимъ обычаямъ, они не только не выходятъ изъ предѣловъ предоставленной имъ власти, а, наоборотъ, дѣйствуютъ вполнѣ согласно съ закономъ, обсуждая преступность дѣянія съ точки зрѣнія обязательнаго для нихъ обычая и не справляясь съ русскимъ

уголовнымъ кодексомъ, знаніе котораго для нихъ не обязательно; не только, говоримъ мы, нѣкоторые суды наши, но и выдающіеся ученые криминалисты, какъ профессоръ Таганцевъ, являются противниками нашего мнѣнія.

Въ статьѣ „Правополагающіе источники и ихъ взаимное отношеніе въ уголовномъ правѣ“¹⁾ проф. Таганцевъ, признавая, что при современной конструкціи уголовного права обычно-народныя воззрѣнія не могутъ служить непосредственнымъ основаніемъ судебныхъ приговоровъ, находитъ однако, что въ отступленіе отъ общепризнаннаго принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege* въ исключительныхъ, точно опредѣленныхъ случаяхъ уголовно-обычное право можетъ быть правоисточникомъ для судебной власти, а именно въ инородческихъ судахъ нашихъ окраинъ и въ волостныхъ судахъ прежняго устройства. Ссылаясь на 210 ст. Турк. Положенія, проф. Таганцевъ говоритъ, что осѣдлые туземцы Туркестанскаго края по извѣстной категоріи уголовныхъ дѣлъ вѣдаются народными судами и наказываются на основаніи существующихъ обычаевъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи никакихъ ограниченій для инородческихъ судовъ, въ отношеніи примѣненія обычнаго права, проф. Таганцевъ не указываетъ, изъ чего слѣдуетъ предположить, что не только условія наказуемости, но и самая преступность дѣянія, по его мнѣнію, можетъ опредѣляться народными обычаями.

Однако, не смущаясь упреками въ недостаточномъ воспріятіи основныхъ принциповъ теоріи уголовного права и пріемовъ научнаго толкованія законовъ, мы рѣшительно возстаемъ противъ мнѣнія нашего уважаемаго учителя.

Прежде всего мы не понимаемъ, какимъ образомъ благоустроенное государство съ сложившимся правовымъ порядкомъ можетъ допустить, чтобы въ немъ существовали такія судебныя установленія (хотя бы и съ узкой компетенціей въ ограниченной сферѣ извѣстной категоріи подданныхъ), которыя могли бы не только безнаказанно, но и на вполнѣ

¹⁾ Право, 1902 г., № 4 и 5, также въ Лекціяхъ угол. права, изд. 1902 г., стр. 131—137.

законномъ основаніи, проводить въ своихъ приговорахъ противорѣчація государственнымъ интересамъ религіозно-политическія тенденціи. Впрочемъ и безъ такой противоправительственной окраски, даже и тогда, когда въ основаніе приговора, присуждающаго къ наказанію за дѣяніе не преступное, лежитъ только недостаточное развитіе судьи, непониманіе имъ предѣловъ своей власти или своихъ правъ и обязанностей, государство съ мало-мальски культурнымъ строемъ мириться съ такими приговорами, не можетъ. Они возвращаютъ насъ къ тому далекому прошлому, когда понятіе дѣянія преступнаго смѣшивалось съ поступками безнравственными или грѣховными, когда самъ судья не только примѣнялъ уголовный законъ, но и создавалъ его ad hoc по данному дѣлу, когда облагались наказаніями не только проявленія мысли и воли во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, но и самая мысль и воля—эта недоступная никому святая святыхъ человѣка. Возможно ли существованіе въ государствѣ такихъ особыхъ судебныхъ установленій, которыя имѣли бы право лишать свободы за преступленія, немислимые при современномъ состояніи человѣческихъ знаній, напр., за колдовство, наговоры и т. п., которымъ было бы предоставлено безконтрольное право карать и миловать за несвоевременное совершеніе молитвы, за услугу иновѣрцу и другія нарушенія правилъ воинствующей религіи, строго регламентирующей всю жизнь правовѣрнаго; которыя, однимъ словомъ, могли бы наказывать за то, что по общему законодательству представляется поступкомъ дозволеннымъ или даже заслуживающимъ поощренія. А вѣдь нѣчто подобное бываетъ въ народномъ судѣ Туркестанскаго края.

Такъ, 219 ст. мѣстнаго Положенія предоставляетъ народнымъ судьямъ налагать наказанія только въ случаѣ непримиренія сторонъ. Слѣдовательно, по закону примиреніе признается вполне легальнымъ актомъ. Между тѣмъ въ одномъ случаѣ народный судья кочеваго населенія (біи) присудилъ жалобщику къ денежному взысканію въ 15 рублей за то, что онъ до разбирательства дѣла помирился съ конокрадомъ, возвратившимъ ему лошадь. Въ другомъ случаѣ за прими-

реніе съ обвиняемымъ обвинитель былъ присужденъ къ заключенію подъ стражу на 3 недѣли.

Неявка отвѣтчиковъ по гражданскимъ дѣламъ не представляется по нашему законодательству дѣяніемъ преступнымъ, также не запрещена она подъ страхомъ наказанія и мѣстнымъ Положеніемъ. Народные же судьи за неявку ихъ не только налагаютъ денежные взысканія, но и присуждаютъ (конечно, заочно и безъ вызова) къ аресту на 2—3 недѣли, а въ двухъ случаяхъ за неявку отвѣтчики были подвергнуты тюремному заключенію на 2 и на 3 мѣсяца.

Также облагаются денежными взысканіями и присуждаются къ заключенію подъ стражу стороны и свидѣтели за отказъ въ принятіи повѣстки о вызовѣ къ судебному разбирательству, безразлично къ тому, явились ли они затѣмъ въ судъ или нѣтъ.

Признается народными судьями за преступленіе и отказъ отвѣтчика или обвиняемаго представить свои возраженія противъ иска или обвиненія. Такъ, одинъ киргизъ „за отказъ давать объясненія по предъявленному къ нему иску“ былъ присужденъ къ аресту на 2 недѣли; въ другомъ случаѣ два сарта, обвиняемыхъ въ кражѣ, „за то, что одинъ изъ нихъ не отвѣтилъ на заданные вопросы, чтобы разстались съ упрямствомъ“ (?) были приговорены, къ аресту на 7 дней каждый, а дѣло о кражѣ разбирательствомъ было отложено. Любопытно и слѣдующее рѣшеніе, резолютивную часть котораго приводимъ въ дословномъ переводѣ: одинъ сартъ былъ присужденъ къ аресту на 30 дней за то, что „оказалъ сопротивленіе шаріату, по многимъ вызовамъ въ качествѣ довѣреннаго отвѣтчика не являлся, не допускалъ явиться самого отвѣтчика и подучалъ послѣдняго разнымъ пустословіямъ“.

Иногда народные судьи назначаютъ наказанія при разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ и за неосновательное предъявленіе иска. За то, что истецъ „по фиктивному документу въ теченіе нѣсколькихъ мѣтъ беспокоилъ начальство и должностныхъ лицъ туземной администраціи“, сѣздъ народныхъ судей (помимо единоличнаго народнаго судьи) присудилъ его къ денежному взысканію въ 25 рублей и къ аресту на полтора мѣсяца.

Помимо всѣхъ этихъ случаевъ, въ которыхъ народные судьи усматриваютъ сопротивленіе ихъ законнымъ требованіямъ или неуваженіе къ нимъ, они присуждаютъ къ наказаніямъ и за такія дѣянія, которыя, не заключая въ себѣ момента противодѣйствія отправленію правосудія, являются только простымъ нарушеніемъ строгихъ правилъ шаріата, обязательныхъ для каждаго благочестиваго мусульманина.

Такъ, одинъ изъ народныхъ судей г. Ташкента, признавъ доказаннымъ, что два сарта и сартянка сидѣли въ домѣ одного изъ нихъ, пили пиво и играли на дутарѣ (туземный струнный инструментъ), присудилъ ихъ „за занятіе противощаріатными дѣлами“ къ заключенію въ тюрьмѣ на 4 мѣсяца каждаго. Другой народный судья также г. Ташкента за то, что сартъ „вошелъ въ домъ потерпѣвшаго и сидѣлъ съ его женою“, назначилъ тюремное заключеніе на 20 дней, а за „хожденіе въ ночное время по базару, что по шаріату не полагается“, присудилъ къ тюрьмѣ на 1 мѣсяць:

Не лишень интереса и слѣдующій случай: разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію сарта и сартянки мужемъ послѣдней въ прелюбодѣяніи, народный судья призналъ событіе прелюбодѣяніе недоказаннымъ и по этому обвиненію оправдалъ обоихъ обвиняемыхъ, но тѣмъ же приговоромъ присудилъ ихъ:—сарта „за то, что зашелъ въ чужой домъ съ дурными намѣреніями“,—къ заключенію въ тюрьму на 12 мѣсяцевъ, а сартянку „за согласіе и допущеніе“—къ денежному взысканію въ 10 рублей.

За вступленіе въ половую связь до срока, положеннаго по шаріату на безбрачіе овдовѣвшей, народный судья присудилъ вдову къ заключенію въ тюрьму на 1 мѣсяць, а ея сожителя въ тюрьму же на 3 мѣсяца.

Киргиза за выдачу своей дочери замужъ за того, который ей правился, а не за уплатившаго калымъ, хотя послѣднему калымъ и былъ возвращенъ, народный судья присудилъ къ заключенію подъ стражу на 2 мѣсяца.

За отказъ передать вдову по наслѣдству брату умершаго отецъ ея и второй мужъ были присуждены, кромѣ возврата калыма, къ заключенію въ тюрьму на 1½ мѣсяца каждый.

Встрѣчаются и приговоры о наказаніи лишеніемъ свободы за несоблюденіе постовъ, несовершенство намаза и т. п.

Изъ приговоровъ съ религіозно-политической окраской слѣдуетъ указать на присужденіе женщины за появленіе на улицѣ съ открытымъ лицомъ къ тюремному заключенію, иногда на нѣсколько мѣсяцевъ. Намъ памятенъ случай, когда въ Кокандскую тюрьму была доставлена сартянка, приговоренная народнымъ судьей къ высшей мѣрѣ наказанія, предоставленнаго его власти,—къ тюремному заключенію на 1½ года, за ношеніе русскаго платья. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи приговоръ народнаго судьи гор. Аулізата по дѣлу сарта Магометжана Гуль Магометова. Какъ видно изъ этого приговора, имамъ Аулізатинской мечети, собирая съ жителей деньги, обратился къ Гуль-Магометову съ требованіемъ внести на мечеть причитающуюся съ него долю. Гуль Магометовъ же заявилъ, что онъ человѣкъ бѣдный и платить не желаетъ, а если и дастъ деньги, то на русскую церковь, послѣ чего пошелъ и опустилъ въ кружку возлѣ церкви 15 копѣекъ. Усматривая въ такомъ поступкѣ оскорбленіе имама, народный судья приговорилъ Гуль Магометова къ заключенію въ тюрьму на 2 мѣсяца.

Неужели подобные нарушители шаріата являютъ собою людей, опасныхъ по своей злой волѣ, и могутъ сидѣть въ тюрьмахъ на ряду съ убійцами, разбойниками, конокрадами и клятвопреступниками? Неужели лица прокурорскаго надзора, олицетворяя собою слѣпую старушку Фемиду—это, сомнительнаго достоинства, наслѣдіе древневѣковой юстиціи—должны закрывать глаза передъ такимъ глумленіемъ надъ самою идеей уголовного суда и даже наблюдать за строгимъ исполненіемъ приговоровъ, не только игнорирующихъ, но и попирающихъ общіе законы государства?

Для такого исключительнаго, аномальнаго порядка вещей необходимо, чтобы существованіе его покоилось на точно и ясно выраженной волѣ законодателя. Законность подобнаго явленія не можетъ быть предполагаема, не можетъ быть доказываема недомолвками и неясными выраженіями того или другаго законодательнаго акта. Изъ того, что статья 219,

Положенія объ упр. Турк. края, уполномочивая народныхъ судей налагать извѣстные наказанія „по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ“, не разъясняетъ, что она разумѣетъ подъ терминомъ „преступленія и проступки“, нельзя заключить, что здѣсь имѣются въ виду дѣянія, признаваемые преступленіями по обычному праву. Наоборотъ, это умолчаніе прямо указываетъ, что статья 219 разумѣетъ общепринятое, понятное всѣмъ употребленіе терминовъ „преступленіе, проступокъ“, какъ дѣяній, воспрещенныхъ *закономъ* (а не обычаемъ) подъ страхомъ наказанія (ст. 1 новаго уголовного уложенія). Выводъ этотъ подтверждается и сопоставленіемъ 219 статьи съ 211-ой того же Турк. Положенія, указывающей, что вѣдѣнію народного суда подлежатъ всѣ дѣла „о преступленіяхъ и проступкахъ“, совершенныхъ туземцами, за исключеніемъ означенныхъ въ 141 и 142 статьяхъ. Послѣднія же перечисляютъ тѣ дѣла „о преступленіяхъ и проступкахъ“, которые подсудны общеперсикимъ судебнымъ мѣстамъ. Употребляя этотъ терминъ одинаково для выясненія подсудности дѣлъ, какъ русскимъ, такъ и народнымъ судамъ, составители Положенія 1886 года, конечно, придавали ему въ обоихъ случаяхъ одно и то же значеніе. И если мы припомнимъ, что при введеніи въ дѣйствіе этого Положенія въ Туркестанскомъ краѣ были устроены судебныя установленія стараго типа, руководствовавшіяся не Судебными уставами, а „законами о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ“ (2 ч. XV т. Св. зак., изд. 1857 года), то станеть очевиднымъ, что терминъ этотъ составители употребляли въ томъ же значеніи, какое онъ имѣетъ и въ этомъ судопроизводственномъ законѣ, т. е. считали преступленіями и проступками лишь дѣянія, признаваемые таковыми по русскимъ уголовнымъ законамъ. Наконецъ, читая 210 статью въ связи съ 219-ой Туркест. Положенія, мы приходимъ къ заключенію, что, ограничивъ въ послѣдней право народныхъ судей налагать наказанія только дѣлами о преступленіяхъ и проступкахъ, законодатель подчеркнул основное положеніе уголовного права, что обычай не является для судьи правоисточникомъ, опредѣляющимъ преступ-

ность дѣянiя. Иначе къ чему было бы дѣлать подобное указанiе? Разъ только народный судья во всемъ безъ ограниченiя имѣеть право примѣнять обычноправовыя нормы, то незачѣмъ было при установленiи размѣровъ ихъ власти по наложенiю взысканiй указывать еще, что эти взысканiя могутъ налагаться только по дѣламъ о преступленiяхъ и проступкахъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнiю, въ законѣ, устанавливающемъ предѣлы вѣдомства и власти народного суда, послѣднему не только не предоставлено права опредѣлять преступность дѣянiя на основанiи обычая, а, наоборотъ, вмѣнено въ обязанность въ своей карательной дѣятельности сообразоваться въ этомъ отношенiи съ общеимперскимъ уголовнымъ законодательствомъ.

Сторонники противоположнаго мнѣнiя ссылаются еще на то, что, заставляя народныхъ судей обсуждать преступность дѣянiя съ точки зрѣнiя уложенiя и устава о наказанiяхъ, мы тѣмъ самымъ распространяемъ на туземное населенiе цѣлый рядъ чуждыхъ его быту уголовныхъ запретовъ, что едва ли входило въ виды законодателя, оставившаго туземцамъ ихъ судъ для того, чтобы не произвести сразу кореннаго переворота въ ихъ правовой жизни. Но въ такомъ возраженiи заключается крупное недоразумѣнiе. Мы утверждаемъ, что *преступнымъ* дѣянiемъ въ народномъ судѣ должно почитаться лишь таковое по русскому закону, но отсюда еще далеко до возложенiя на народныхъ судей обязанности *наказывать* за всѣ преступленiя, даже и тогда, когда такое наказанiе будетъ противорѣчить обычнымъ правовоззрѣнiямъ народа. Понятiе преступности дѣянiя не равносильно его наказуемости, и если теорiя уголовного права и законодательства цивилизованныхъ государствъ признаетъ цѣлый рядъ факторовъ, уничтожающихъ наказуемость дѣянiя, то несомнѣнно такiе факторы могутъ существовать и въ обычномъ правѣ полудикихъ кочевниковъ, и въ предписанiяхъ шарiата у осѣдлыхъ мусульманъ. Здѣсь народный судъ не стѣсненъ въ примѣненiи своихъ обычаевъ. Соответствующее бытовому складу инородческаго населенiя и его понятiямъ о правѣ признанiе не наказуемымъ дѣянiя преступнаго по общеимпер-

скому законодательству не нарушаетъ принциповъ справедливости и не можетъ вредить государственнымъ интересамъ, такъ какъ всѣ тѣ преступленія, которыя правительство признаетъ необходимымъ не оставлять безнаказанными, изъемятся изъ вѣдѣнія народнаго суда. Согласіе же законодателя на оставленіе безъ преслѣдованія и наказанія такихъ преступленій, которыя совершены туземцами въ своей средѣ и не затрагиваютъ интересовъ государственныхъ, порядка управленія, общественныхъ и благъ другихъ подданныхъ, ясно выражено предоставленіемъ права примиренія по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, разбирающимся въ народномъ судѣ.

IX.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о томъ порядкѣ, какимъ осуществляется надзоръ администраціи и прокуратуры за дѣятельностью народнаго суда.

По Положенію объ упр. Турк. края лица, ближе всего стоящія къ населенію и имѣющія нѣкоторую возможность фактическаго наблюденія за приговорами и рѣшеніями народнаго суда,—участковые пристава, юридически совершенно устранены отъ всякаго надзора за нимъ. Всѣ обязанности администраціи по отношенію народнаго суда возложены на уѣздныхъ начальниковъ ¹⁾, которые, будучи обременены разнообразною и во всѣхъ отрасляхъ весьма серьезною и отвѣтственною дѣятельностью, не имѣютъ физической возможности правильнаго наблюденія за народнымъ судомъ. Вороха веденныхъ на туземномъ языкѣ книгъ народныхъ судей и ихъ съѣздовъ по всѣмъ волостямъ уѣзда—уѣздному пачальнику немисливо не только съ вниманіемъ провѣрить, но даже бѣгло просмотрѣть. Наблюденіе за своевременнымъ обращеніемъ приговоровъ къ исполненію совершенно отсутствуетъ, да оно и невозможно при настоящемъ порядкѣ регистраціи рѣшеній

¹⁾ Ст. 218, 220, 228, 232, 237, 238, 241, 243, 248, 250 и 251 Пол. объ упр. урк. края.

народнаго суда и выдачи выписокъ изъ нихъ. По утвержденной 1 декабря 1892 года инструкціи народный судья обязанъ вести особую книгу рѣшеній, въ которой для каждаго дѣла отводится полный листъ въ 4 страницы. На первой страницѣ записывается содержаніе жалобы (§ 1 инструкціи), а оборотъ ея, т. е. вторая страница, заполняется постановляемымъ народнымъ судьей приговоромъ или рѣшеніемъ (§ 4), копія котораго пишется на второмъ полулистѣ, отрѣзывается и выдается сторонѣ по ея требованію (§ 7). Съ этой копіей выигравшій дѣло потерпѣвшій или истецъ обязанъ обратиться для приведенія приговора или рѣшенія въ исполненіе къ волостному управителю или аксакалу (§ 10). Такимъ образомъ, исполненіе приговора предоставлено волѣ частнаго лица, которое передаетъ копію волостному управителю только въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ добиться добровольнаго возмѣщенія убытковъ или когда подъ вліяніемъ какихъ-либо личныхъ соображеній желаетъ, чтобы осужденный отбылъ наказаніе. Обыкновенно же, получивъ присужденное ему денежное вознагражденіе за вредъ и убытки, потерпѣвшій передаетъ копію приговора въ руки осужденнаго, и вслѣдствіе этого въ части личнаго наказанія приговоръ остается безъ исполненія. По одному слѣдственному дѣлу выяснилось, что члены извѣстной во всемъ округѣ семьи киргизовъ конокрадовъ за періодъ времени въ нѣсколько лѣтъ свыше 100 разъ судились, то одинъ, то другой, въ народномъ судѣ и были приговариваемы къ наказаніямъ за кражи, но систематически избѣгали наложенныхъ на нихъ наказаній тѣмъ, что возвращали потерпѣвшимъ ихъ лошадей, а, при невозможности вернуть, платили деньги или великодушно отдавали имъ лошадей, похищенныхъ у кого-либо другаго.

При такихъ условіяхъ надзоръ администраціи и прокуратуры за приговорами народнаго суда ограничивается почти исключительно разсмотрѣніемъ жалобъ заинтересованныхъ лицъ.

Представляетъ ли сутяжничество особую характерную черту среднеазиатскаго туземца, или объясняется это дѣйствительно дошедшею до крайнихъ предѣловъ неудовлѣвори-

тельностью народного суда, не разбирающаго правыхъ и виноватыхъ, а признающаго лишь сильныхъ и слабыхъ, сказать трудно; вѣроятнѣе всего, что и то, и другое имѣетъ извѣстное значеніе, но жалобы туземцевъ на народный судъ массами поступаютъ въ самыя различныя правительственныя установленія. Обыкновенно, туземецъ не ограничивается подачею одного прошенія извѣстному должностному лицу, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе его домогательствъ. Пользуясь услугами русскаго или туземнаго подпольнаго адвоката, — литературныя способности ихъ одинаковы, — проситель не скупится на расходы на бумагу и марки, на плату за трудъ и посылаетъ одновременно прошенія тождественнаго содержанія участковому приставу, уѣздному начальнику, губернатору, прокурору, иногда и генераль-губернатору. Рѣдко, когда въ такомъ прошеніи суть дѣла изложена прямо и правдиво. Желая добиться отмѣны приговора, постановленнаго народнымъ судьей съ нарушеніемъ подсудности или превышеніемъ власти, проситель постарается сгустить краски, будетъ жаловаться и на взяточничество народнаго судьи, и на нанесеніе побоевъ, и на противозаконное задержаніе, и все это со ссылкой на многочисленныхъ свидѣтелей. Производится разслѣдованіе, отнимающее у чиновъ полиціи массу времени на бесплодную работу, и выясняется, что всѣ обвиненія, взведенныя на народнаго судью, по меньшей мѣрѣ неосновательны, что вся суть дѣла въ желаніи жалобщика добиться отмѣны приговора или рѣшенія судьи. Всѣ эти кипы прошеній, разсланныхъ по разнымъ мѣстамъ, вмѣстѣ съ произведенными разслѣдованіями въ концѣ концовъ сосредоточиваются въ камерѣ прокурора, и тутъ наступаетъ серьезный моментъ въ его дѣятельности по надзору за народнымъ судомъ. Отбросивъ непріязненное чувство къ озлобленному жалобщику или досужему и витіеватому составителю прошенія, измыслившимъ неосновательныя обвиненія, прокуроръ обязанъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ приложеннымъ къ такимъ перепискамъ приговорамъ и рѣшеніямъ народнаго суда и, входя въ обсужденіе вопроса о наличности поводовъ къ отмѣнѣ ихъ въ порядкѣ 218 ст. мѣстнаго Положенія,

долженъ всегда памятовать, что недостаточно продуманный и ошибочный отказъ въ опротестованіи подобнаго приговора или рѣшенія окончательно лишаетъ пострадавшаго возможности добиться отмѣны ихъ и преграждаетъ ему навсегда доступъ къ правосудію.

Хотя жалобы на народный судъ и многочисленны, но ими однѣми, конечно, не обеспечивается въ достаточной мѣрѣ соблюденіе народными судьями предѣловъ ихъ вѣдомства или власти. Не всегда обиженный неправымъ рѣшеніемъ понимаетъ, что народный судья нарушилъ законъ, а если и понимаетъ, то нерѣдко не рѣшается подачею жалобы навлекать на себя гнѣвъ всемогущаго судьи. Поэтому, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ жалобъ на рѣшенія народныхъ судей, прокурорскій надзоръ обязанъ во всѣхъ случаяхъ, когда черезъ его руки проходятъ эти рѣшенія, обращать вниманіе на соблюденіе въ нихъ правилъ подсудности и предѣловъ власти и при обнаруженіи подобныхъ нарушеній входить въ окружный судъ съ протестами.

Весьма дѣйствительнымъ способомъ наблюденія за карательною дѣятельностью народнаго суда является возможно частое посѣщеніе лицами прокурорскаго надзора мѣстъ заключенія и тщательный просмотръ приговоровъ, по коимъ осужденные народнымъ судомъ отбываютъ наказанія. Здѣсь возможно обнаруженіе самаго серьезнаго превышенія народными судьями предоставленной имъ власти—присужденія къ наказанію за дѣяніе непроступное. Въ силу 218 ст. Турк. Положенія и 10 ст. уст. угол. суд. лицо прокурорскаго надзора обязано въ этомъ случаѣ немедленно распорядиться пріостановленіемъ исполненія подобнаго приговора и освободить изъ подъ стражи незаконно отбывающаго наказаніе.

Нужно ли говорить, насколько серьезна и плодотворна дѣятельность прокурорскаго надзора по наблюденію за народнымъ судомъ даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она осуществляется въ настоящее время по случайно доходящимъ до разсмотрѣнія прокуратуры приговорамъ и рѣшеніямъ.

Десятки часовъ, потраченныхъ на скучную и подчасъ тягостную работу по разбиранію различныхъ почерковъ, ко-

торыми написаны прошенія или протоколы разслѣдованій, по выясненію внутренняго смысла въ безтолково изложенномъ приговорѣ или рѣшеніи, по раскрытію разнообразныхъ приѣмовъ искусственнаго измѣненія подсудности и т. п., съ лихвой вознаграждаются сознаниемъ, что въ этой отрасли своей дѣятельности прокурорскій надзоръ является проводникомъ свѣтлыхъ, гуманныхъ началъ равной для всѣхъ правды и справедливости въ темную, привыкшую вѣками къ деспотическому произволу среду туземнаго населенія, что этимъ путемъ прокуратура одна только управомочена закономъ призвать русскій судъ къ борьбѣ съ неправосудіемъ суда народнаго, — къ борбѣ, результаты которой имѣютъ весьма важное государственное и общественное значеніе. Каждая отмѣна приговора или рѣшенія народнаго суда, постановленнаго съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности, и обязательное для послѣдняго разъясненіе русскимъ судомъ допущенныхъ при разсмотрѣніи дѣла неправильностей вселяетъ въ народныхъ судей необходимое въ государственныхъ интересахъ сознаніе, что они являются представителями единой русской власти и исполнителями общаго для всей Россіи закона, а не обособленными и всемогущими блюстителями мусульманскаго права и религіи. Разумное и осторожное примѣненіе 218 ст. Полож. объ управл. Турк. края заставляеть народныхъ судей, а съ ними и все туземное населеніе, уважать и соблюдать обязательныя для нихъ предписанія русскаго закона, научаетъ понимать его гуманныя начала и, воочію убѣждая въ превосходствѣ культурныхъ правовыхъ принциповъ надъ грубыми примитивными нормами киргизскаго обычнаго права и жестокими, неподвижными правилами шаріата, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ создаетъ новые обычаи, облагораживающіе, смягченные и согласованные съ русскимъ закономъ.
